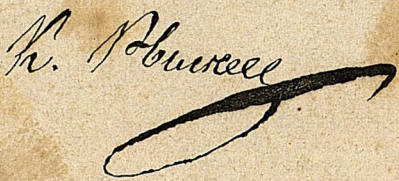
458
W 330



330

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. Ѳ. РЫЛѢЕВА.

ЛЕЙПЦИГЪ:

F. A. BROCKHAUS.

—

1861.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
13488-63

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ предлагаемомъ изданіи собраны всѣ сочиненія Кондратія Ѳедоровича Рылѣева, какъ печатныя, такъ и рукописныя, *дѣйствительно* ему принадлежащія. Быть можетъ современемъ найдется еще что-нибудь изъ мелкихъ и молодыхъ произведеній нашего поэта-гражданина, ускользнувшихъ отъ нашего вниманія, но чего-нибудь *значительнаго* и писаннаго въ послѣдніе годы его жизни (за исключеніемъ писемъ) вѣроятно не окажется,

такъ-какъ мы употребили *всѣ* усилія, чтобы собрать *всё*. Правда, кромѣ напечатанныхъ здѣсь, ходятъ по рукамъ и даже встрѣчаются въ рукописныхъ сборникахъ еще два стихотворенія („Голосъ осужденнаго въ темницѣ“ и „Не слышно шуму городского“), выдаваемыя обыкновенно за рылѣевскія, но это чистая ложь. Благородсто и твердость убѣжденій Рылѣева извѣстны всѣмъ и даже засвидѣтельствованы „Донесеніемъ Слѣдственной Коммиссіи“, которое конечно никакъ нельзя заподозрить въ желаніи сказать что-нибудь доброе о комъ-нибудь изъ подсудимыхъ. Какъ же повѣрить, чтобы Рылѣевъ могъ снизойти до сочиненія подобнаго рода стиховъ, несовмѣстныхъ съ достоинствамъ патріота, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстенъ цѣлый рядъ стихотвореній, написанныхъ имъ при тѣхъ же обстоятельствахъ (т. е. въ крѣпости) и отличающихся совершенно инымъ духомъ.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ Рылѣева и находящихся теперь у его дочери, сохранилось очень мало любопытнаго. Письма казненнаго поэта къ женѣ изъ крѣпости представляютъ болѣе интереса, чѣмъ все остальное; но и они почти вовсе не понятны, если взять ихъ отдѣльно. Только въ связи съ сохранившимися преданіями, чрезвычайно отрывочными и неполными, письма эти даютъ понятіе о той нравственной пыткѣ, которой подвергался Рылѣевъ въ крѣпости и указываютъ на тѣ мѣры, которыя употребляло правительство противъ заключенныхъ.

Кромѣ этихъ писемъ сохранились:

1) *Два отрывка изъ записокъ.* Первый изъ нихъ (1814 г.) — реторическое „Описаніе Шафгаузена“; второй (1815 г.) — „О суевѣріи въ Средніе Вѣка“, по поводу преданія о Ризенгебиргѣ, оканчивается слѣдующими словами: „Тогда ужасныя, теперь смѣш-

„ныя сказки о духахъ, были главнѣйшимъ „содержаніемъ проповѣдей. Народъ толпами „стекался слушать оныя и, пересказывая дѣ„тямъ своимъ, посѣвалъ въ нихъ суевѣріе „и невѣжество, которое съ возрастомъ болѣе „и болѣе въ нихъ укоренялось; и когда „являлся одинъ умъ, — умъ, который могъ „быть страшенъ монархамъ, то гроза про„клятій отъ сихъ послѣднихъ дотолѣ съ ка„федръ не преставала поражать его, доколѣ „оный не умолкалъ, или не удалялся. Не„рѣдко случалось, что таковые несчастные „погибали ужасно . . . Но явился Лютеръ, „предпріимчивый, благоразумный Лютеръ — „и гдѣ ярмо несчастныхъ? . . . Великій, чу„десный духъ! удивляюсь тебѣ — и благо„говѣю! . . .“

2) *Письма изъ Парижа въ 1815 году.* Это дневникъ, которому дана, вѣроятно ужь въ послѣдствіи, форма писемъ. Онъ весь на-

полненъ описаніемъ Парижа, и заключаетъ въ себѣ подробности, извѣстныя всякому, почему мы и не приводимъ изъ него выписокъ.

3) *Комедія* (безъ заглавія). Содержаніе ея довольно безцвѣтно, но нѣкоторыя сцены не дурны, и разсказъ живъ.

4) *Два прозаическіе разсказа,* изъ которыхъ одинъ эротическій. Оба весьма слабы.

5) *Стихотворенія съ 1814 по 1824 годъ.* Изъ ненапечатанныхъ стихотвореній этого отдѣла мы могли воспользоваться всего двумя пьэсами („Къ N. N.“ и „*Повѣрь, я знаю ужь, Дорида . . .*“), которыя и помѣщаемъ въ своемъ мѣстѣ. Что же касается остальныхъ, то они, какъ и большая часть произведеніи Рылѣева, написанныхъ въ молодости, не представляютъ никакого поэтическаго достоинства, и только тѣ мѣста изъ нихъ, которыя имѣютъ сатирическій смыслъ, напоми-

наютъ собою отчасти автора „Войнаровскаго“. Однимъ словомъ, мы могли воспользоваться всего тремя отрывками. Первый изъ нихъ — это окончаніе стихотворенія „Пустыня“, напечатаннаго въ „Соревнователѣ“, по милости цензуры, безъ конца. Остальные два отрывка взяты нами изъ „Путешествія на Парнасъ“, сатирическаго стихотворенія, написаннаго еще въ 1814 году, въ Дрезденѣ, и „Посланія къ К—му“.

Превосходная біографія Рылѣева, или, точнѣе, воспоминанія о немъ, помѣщенныя въ началѣ нашего изданія *), написаны покойнымъ Николаемъ Александровичемъ Бестужевымъ, роднымъ братомъ извѣстнаго писателя А. А. Бестужева (Марлинскаго) и, вмѣстѣ

*) Начало этихъ воспоминаній, до словъ: „Здѣсь мы разстались“, взято нами изъ VI кн. „Полярной Звѣзды“, на 1861 годъ; остальное — является здѣсь въ первый разъ.

съ тѣмъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Вотъ что между прочимъ читаемъ мы въ „Запискахъ“ М. А. Б—ва по поводу этихъ воспоминаній:

„Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ были на„писаны въ Петровскомъ казематѣ, въ пер„вое время нашего тамъ пребыванія, именно „— въ эпоху, когда у насъ много писалось. „Многіе изъ нашихъ товарищей и нѣкоторыя „изъ дамъ, которымъ были извѣстны сбивчи„вые слухи о неразгаданной, таинственной „связи Рылѣева, описанной братомъ, просили „его написать истину, и онъ, исполняя ихъ „желаніе, написалъ эти воспоминанія. Его „намѣреніе было написать полную біографію „Рылѣева, но исполненіе откладывалось со „дня на день, частію потому, что чтеніе и „механическія занятія поглотили почти все „время.“

„Воспоминанія князя Е. П. Оболенскаго

о Рылѣевѣ“ — взяты нами цѣликомъ изъ 9 и 10 NNo. „Будущности“, русской газеты, издающейся въ Лейпцигѣ.

„Выдержки изъ записокъ Н. И. Г—ча и М. А. Б—ва“ — являются здѣсь въ первый разъ.

Статья: „Казнь 14 іюля 1826 года“ — взята нами изъ „Полярной Звѣзды“ на 1861 г.

Лейпцигъ, $\frac{\text{3 августа}}{\text{22 іюля}}$ 1861 года.

Л. Л. Л.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Gdzież wy teraz? ... Szlachetna szyja Rylejewa,
Którąm jak bratnią ściskał, carskiemi wyroki
Wisi, do chańbiącego przywiązana drzewa ...
Klątwa ludom, co swoje mordują proroki!

Mickiewicz.

Что сталося съ вами? ... Рылѣева честная шея,
Которую братски сжималъ я въ объятьяхъ моихъ,
Въ петлѣ задохнулась по волѣ царя-лиходѣя ...
Проклятье народамъ, губящимъ пророковъ своихъ!

Мицкевичъ.

ПАМЯТИ РЫЛѢЕВА.

Въ святой тиши воспоминаній
Храню я бережно года
Горячихъ первыхъ упованій,
Начальной жажды дѣлъ и знаній,
Попытокъ перваго труда.
Мы были отроки. Въ то время
Шло стройной поступью бойцовъ —
Могучихъ дѣятелей племя
И сѣяло благое сѣмя
На почву юную умовъ.

Вездѣ шептались. Тетради
Ходили въ спискахъ по рукамъ;
Мы, дѣти, съ робостью во взглядѣ,
Звучащій стихъ свободы ради,
Таясь, твердили по ночамъ.
Бунтъ, вспыхнувъ, замеръ. Казнь проснулась.
Вотъ пять повѣшенныхъ людей ...
Въ насъ сердце, молча, содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась —
И путь означенъ жизни всей.

XVI

Рылѣевъ былъ мнѣ первымъ свѣтомъ . . .
Отецъ! по духу мнѣ родной —
Твое названье въ мірѣ этомъ
Мнѣ стало доблестнымъ завѣтомъ
И путеводною звѣздой!
Мы стихъ твой вырвемъ изъ забвенья,
И въ первый русскій вольный день,
Въ виду младаго поколѣнья,
Возстановимъ для поклоненья
Твою страдальческую тѣнь.

Взойдетъ гроза на небосклонѣ —
И волны на берегъ съ утра
Нахлынутъ съ бѣшенствомъ погони
И слягутъ бронзовые кони
И Николая и Петра;
Но образъ смерти благородной
Не смоетъ грозная вода,
И будетъ подвигъ твой свободной
Святыней въ памяти народной
На всѣ грядущіе года.

Н. Огаревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отъ издателя V

Посвященіе XIII

Памяти Рылѣева. *Н. Огарева* XV

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ К. Ѳ. РЫЛѢЕВА.

I. Воспоминаніе о Конратьѣ Ѳеодоровичѣ Рылѣевѣ. *Н. Бестужева* 3

II. Воспоминанія о Рылѣевѣ. *Князя Е. Оболенскаго* .. 45

III. Выдержки изъ „Записокъ Н. И. Г—ча.“ 77

IV. Выдержки изъ „Записокъ М. А. Б—ва.“ 80

V. Казнь 14 іюля 1825 года. *Очевидца* 82

ДУМЫ.

Предисловіе 89

I. Олегъ Вѣщій 91

II. Ольга при могилѣ Игоря 95

III. Святославъ 99

IV. Святополкъ 104

V. Рогнѣда 107

VI. Боянъ 119

VII. Мстиславъ Удалой 122

VIII. Михаилъ Тверской 125

Стран.

IX. Димитрій Донской 130
X. Глинскій 135
XI. Курбскій 142
XII. Смерть Ермака 145
XIII. Борисъ Годуновъ 150
XIV. Димитрій Самозванецъ 155
XV. Иванъ Сусанинъ 160
XVI. Богданъ Хмѣльницкій 165
XVII. Артемонъ Матвѣевъ 171
XVIII. Петръ Великій въ Острогожскѣ 175
XIX. Волынскій 179
XX. Видѣніе Анны Іоанновны 184
XXI. Наталія Долгорукова 188
XXII. Державинъ 192

ПОЭМЫ.

Войнаровскій 201
А. А. Бестужеву 202
Жизнеописаніе Мазепы. *А. Корниловича* 203
Жизнеописаніе Войнаровскаго. *А. Бестужева* 209
Войнаровскій. Часть первая 213
Войнаровскій. Часть вторая 232
Примѣчанія въ Войнаровскому 251
Отрывки изъ поэмы: „Наливайко“ 261
I. Кіевъ 261
II. Смерть чигиринскаго старосты 263
III. Исповѣдь Наливайки 264
Палей. (Отрывокъ изъ поэмы: „Мазепа“) 267
Гайдамакъ. (Отрывокъ изъ поэмы: „Хмѣльницкій“) 269

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Стихотворенія политическія 277
I. Къ временщику 277
II. Видѣніе 279

Стран.

III. *Свободы гордой вдохновенье* 282
IV. Вѣрѣ Николаевнѣ Столыпиной 282
V. Гражданское мужество 283
VI. Гражданинъ 287
VII. *Тюрьма мнѣ въ честь — не въ укоризну* 287
VIII. Посланіе къ друзьямъ 288
IX. Три послѣднія стихотворенія Рылѣева, написанныя имъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ на кленовыхъ листьяхъ 294
1. *Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ* . 294
2. Князю Е. П. Оболенскому 295
3. *Пріими, пріими святой Евгеній* 296

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Разныя стихотворенія 297
I. Стансы. *(Не сбылись, мой другъ, пророчества)* 297
II. Элегія. *(Исполнились мои желанья)* 298
III. Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу 299
IV. Къ Деліи. Подражаніе Тибуллу 302
V. Къ N. N. 304
VI. Пустыня 305
VII. Къ К—му 315
VIII. Элегія. *(Покинь меня, мой юный другъ)* ... 316
IX. *Краса природы, совершенство* 317
X. Романсъ. *(Какъ счастливъ я, когда сижу съ тобою)* 318
XI. *Повѣрь, я знаю ужь, Дорида* 319
XII. Жестокой 320
XIII. Къ Деліи 321
XIV. Заблужденіе 323
XV. Къ другу 323
XVI. Отрывокъ изъ „Путешествія на Парнасъ“... 325
XVII. Надгробная надпись 326
XVIII. Тріолетъ Наташѣ 326
XIX. Шарада 327
XX. Надпись къ портрету одного стараго воина, умершаго отъ кровопусканія 328

Стран.

XXI. Эпиграмма. *(Ты знаешь Фирса чудака)* 328
XXII. Эпиграмма. *(Бездѣлокъ нѣсколько нашъ Бавій накропалъ)* 328

ПѢСНИ, НАПИСАННЫЯ РЫЛѢЕВЫМЪ ВМѢСТѢ СЪ А. БЕСТУЖЕВЫМЪ.

I. *Ахъ, гдѣ ты острова* 331
II. Пѣсня. *(Ай и скучно же мнѣ)* 333
III. Пѣсня. *(Царь нашъ Нѣмецъ прусскій)* 335

ПРОЗАИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

I. Нѣсколько мыслей о поэзіи 339
II. Провинціалъ въ Петербургѣ 347
1. Первый выѣздъ. Магазины 347
2. Древніе и новые 352
III. Чудакъ 355
IV. Еще о храбромъ М. Г. Бедрагѣ 358
V. Письма К. Рылѣева къ А. Пушкину 362

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ РЫЛѢЕВА.

I. Полный списокъ сочиненій Рылѣева, напечатанныхъ съ 1820 по 1861 годъ 375
II. Списокъ стихотвореній Рылѣева, являющихся здѣсь въ первый разъ въ печати 391

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ

К. Ѳ. РЫЛѢЕВА.

I.

ВОСПОМИНАНІЕ О КОНДРАТЬѢ ѲЕОДОРОВИЧѢ РЫЛѢЕВѢ.

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужь обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благославляю!

Когда Рылѣевъ писалъ *Исповѣдь Наливайки*, у него жилъ больной братъ мой, Михаилъ Бестужевъ. Однажды онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ; Рылѣевъ работалъ въ кабинетѣ и оканчивалъ эти стихи. Дописавъ, онъ принесъ ихъ брату и прочелъ. Пророческій духъ отрывка невольно поразилъ Михаила.

— Знаешь ли, сказалъ онъ, какое предсказаніе написалъ ты самому себѣ и намъ съ тобою? Ты, какъ

будто, хочешь указать на будущій свой жребій въ этихъ стихахъ?

— Неужели ты думаешь, что я сомнѣвался хоть минуту въ своемъ назначеніи, сказалъ Рылѣевъ: — Вѣрь мнѣ, что каждый день убѣждаетъ меня въ необходимости моихъ дѣйствій, въ будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости примѣра для пробужденія спящихъ Россіянъ.

Почти въ каждомъ сочиненіи Рылѣева выливается изъ его души подобное предвѣщаніе. Мысль быть орудіемъ, или жертвою начатковъ свободы наполняла все его существованіе, составляла единственную цѣль его жизни. Освобожденіе отечества, или мученичество за свободу для примѣра будущихъ поколѣній, было ежеминутнымъ его помышленіемъ; это самоотверженіе не было вдохновеніемъ одной минуты, подобно рѣшимости древняго Курція или новѣйшаго Винкельрида, но постоянно возрастало вмѣстѣ съ любовью къ отечеству, которая наконецъ перешла въ страсть, въ высокое, восторженное чувствованіе.

Онъ не скрывалъ своихъ предчувствій отъ друзей и родныхъ. Я былъ свидѣтелемъ прощанья съ матерью, нѣжно его любившею и отъѣзжавшею въ деревню. Она была очень грустна; ее тревожила мысль, что не увидитъ болѣе сына, котораго, казалось ей, оставляетъ обреченнаго на какую то гибельную судьбу. Со всею материнскою нѣжностью просила, чтобы онъ далъ ей спокойно закрыть глаза; что она хочетъ видѣть его счастливымъ и желаетъ умереть съ тою же мыслью, что онъ останется счастливъ и послѣ нея.

— Побереги себя, говорила она: — ты неосто-

роженъ въ словахъ и поступкахъ; правительство подозрительно; шпіоны его вездѣ подслушиваютъ, а ты какъ будто поставляешь славою вызывать ихъ вниманіе.

— Вы напрасно думаете, любезная матушка, отвѣчалъ Рылѣевъ, что я вездѣ таковъ же, какъ передъ вами; моя цѣль выше того, чтобъ только дразнить правительство и доставлять работу его наемникамъ. Напротивъ, я скрытенъ съ чужими; мнѣ надобно, чтобы меня оставляли спокойно дѣйствовать. Если же я откровенно говорю съ друзьями — мы работаемъ вмѣстѣ; ежели я не скрываюсь отъ васъ — это отъ того, что вы болѣе или менѣе раздѣляете мои чувствованія.

— Милой Кондратій, эта откровенность и убиваетъ меня; она и показываетъ, что у тебя есть важные замыслы, которые ведутъ за собою важныя послѣдствія. Съ горестью предвижу, что ты вызываешься умереть не своею смертью. Зачѣмъ ты открываешь эту ужасную тайну матери?

Глаза ея были полны слезъ, когда она говорила послѣднія слова.

— Онъ не любитъ меня, сказала она, обратясь ко мнѣ и взявъ меня за руку: — Вы — другъ его, пользуетесь его расположеніемъ: убѣдите его; можетъ быть онъ вамъ повѣритъ, что онъ убьетъ меня, ежели съ нимъ что нибудь случится... Конечно Богъ воленъ взять его у меня каждую минуту... но накликать бѣду самому... Она не могда продолжать.

Я говорилъ къ ея успокоенію, что могъ только придумать. Она слушала и качала головою съ недовѣрчивостію. Рылѣевъ взялъ ее за другую руку и началъ:

— Матушка, до сихъ поръ я видѣлъ что вы говорили только объ образѣ моихъ мыслей — и не таилъ ихъ отъ васъ; но не хотѣлъ тревожить, открываясь въ цѣли всей моей жизни, всѣхъ моихъ помышленій. Теперь, вижу, вы угадываете, чего я ищу, чего хочу... Мнѣ *должно* сказать вамъ, что я членъ тайнаго общества, которое хочетъ испроверженія деспотизма, счастья Россіи и свободы всѣхъ ея дѣтей...

Мать Рылѣева поблѣднѣла; рука ея охолодѣла въ моей; онъ продолжалъ:

— Не пугайтесь, милая матушка, выслушайте — и вы успокоитесь. Да, намѣреніе наше страшно для того, кто смотритъ на него со стороны и, не вникая въ него, не видя прекрасной его цѣли, примѣчаетъ одни только ужасы, грозящіе каждому изъ насъ; но вы мнѣ мать, вы можете, вы должны ближе разсматривать своего сына. Ежели вы отдали меня въ военную службу, на жертву всѣмъ ея трудностямъ, опасностямъ, самой смерти, могшей меня постичь на каждомъ шагу, для чего вы жертвовали мною? Вы хотѣли, чтобъ я служилъ отечеству, чтобъ я исполнилъ долгъ мой, а между тѣмъ материнское сердце, раздѣляясь между страхомъ и надеждою, въ тайнѣ желало, чтобы я отличался, возвышался между другими. Могъ ли я искать того и другого, не встрѣчая безпрестанно смерти? Нѣтъ; но вы тогда столько не боялись, какъ теперь. Неужели отличія могли уменьшить страхъ вашей потери? Ежели нѣтъ, то я скажу вамъ, для чего вы можете достойнѣе пожертвовать мною. Я служилъ отечеству, пока оно нуждалось въ службѣ своихъ гражданъ, и не хотѣлъ продолжать ее,

когда увидѣлъ, что буду служить только для прихотей самовластнаго деспота. Я желалъ лучше служить человѣчеству, избралъ званіе судьи и вы благословили меня. Что меня ожидало въ военной службѣ? Можетъ быть военная слава, можетъ быть безвѣстная смерть: но въ наше время свѣтъ уже утомился отъ военныхъ подвиговъ и славы героевъ, пріобрѣтаемой не за благородное дѣло помощи страждущему человѣчеству, но для его угнетенія. Суворовъ былъ великой полководецъ, но слава его блѣднѣетъ, когда вспомнимъ, что онъ былъ орудіемъ деспотизма и побѣждалъ для искорененія разцвѣтавшей свободы Европы. Долженъ ли былъ я, получивъ эти понятія, оставаться въ военной службѣ? Нѣтъ, матушка, нынѣ наступилъ вѣкъ гражданскаго мужества; я чувствую, что мое призваніе выше; я буду лить кровь свою, но за свободу отечества, за счастье соотчичей, для исторженія изъ рукъ самовластія желѣзнаго скипетра, для пріобрѣтенія законныхъ правъ угнетенному человѣчеству — вотъ будутъ мои дѣла. Если я успѣю, вы не можете сомнѣваться въ наградѣ за нихъ: счастье Россіянъ будетъ лучшімъ для меня отличіемъ. Если же паду въ борьбѣ законнаго права со властью, ежели современники не будутъ умѣть понять и оцѣнить меня — вы будете знать чистоту и святость моихъ намѣреній. Можетъ быть потомство отдастъ мнѣ справедливость, а исторія запишетъ имя мое вмѣстѣ съ именами великихъ людей, погибшихъ за человѣчество. Въ ней имя Брута стоитъ выше Цезарева, — итакъ благословите меня!

Я никогда не видѣлъ Рылѣева столь краснорѣчивымъ. Глаза его сверкали; лицо горѣло какимъ то

необыкновеннымъ румянцемъ. Мать его, которой онъ сообщилъ свой энтузіазмъ, улыбалась; но слезы ея не переставали катиться. Она наклонила его голову, благословила; горесть и чувство внутренняго удовольствія смѣшивались на лицѣ ея; наконецъ первая взяла верхъ — она залилась слезами и сказала:

— Все такъ, но я не переживу тебя!

Всѣ дѣйствія жизни Рылѣева ознаменованы были печатью любви къ отечеству; она проявлялась въ разныхъ видахъ: сперва сыновнею привязанностью къ родинѣ, потомъ негодованіемъ къ злоупотребленіямъ и наконецъ развернулась совершенно въ желаніи ему свободы. Въ „Думахъ“ его мы видимъ жаркое желаніе внушить въ другихъ туже любовь къ своей землѣ, ко всему народному; привязать вниманіе къ дѣяніямъ старины; показать, что и Россія богата примѣрами для подражанія; что сіи примѣры могутъ равнять ее съ великими образцами древности. Въ сатирѣ на временщика открывается все презрѣніе къ почестямъ и власти человѣка, который прихотямъ деспота жертвуетъ счастіемъ своихъ согражданъ. Въ томъ положеніи, въ какомъ была и есть Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени, силы и власти, какъ Аракчеевъ, не имѣя другаго опредѣленнаго званія, кромѣ принятаго имъ титула *вѣрнаго царскаго слуги*. Этотъ приближенный вельможа, подъ личиною скромности, устраняя всякую власть, одинъ, незримый никѣмъ, безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета вращалъ всею тягостью дѣлъ государственныхъ и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или

оставалось неизвѣстно сему невидимому Протею-министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы не проникъ его хитрой подсмотръ; не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ. Гдѣ деспотизмъ управляетъ, тамъ утѣсненія — законъ; малые угнетаются средними, средніе большими, сіи еще высшими; но надъ тѣми и другими притѣстнителями, равно какъ и надъ притѣсненными была одна гроза: временщикъ.

Одни карались за угнетенія, другіе за жалобы. Все государство трепетало подъ желѣзною рукой любимца-правителя. Никто не смѣлъ жаловаться. Едва возникалъ малѣйшій ропотъ — и на вѣчно изчезалъ въ пустыняхъ Сибири или въ смрадныхъ склепахъ крѣпостей.

Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины; когда назвалъ его дѣянія, опредѣлилъ имъ цѣну и смѣло предалъ проклятію потомства слѣпую или умышленную покорность вельможи для правленія отечества. Нельзя представить изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпененія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему: но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно; туча пронеслась мимо; оковы оцѣпененія мало по малу расторглись и глухой шопотъ одобреній былъ наградою юнаго, правдиваго поэта. Это былъ

первый ударъ, нанесенный Рылѣевымъ самовластію. Многіе не видятъ нравственныхъ послѣдствій его сатиры: но она научила и показала, что можно говорить истину, не опасаясь; можно судить о дѣйствіяхъ власти и вызывать сильныхъ на судъ народный.

Съ этого стихотворенія началось политическое поприще Рылѣева. Пылкость юношеской души, порывъ благороднаго негодованія и меткіе удары сатиры, безбоязненно нанесенные такому сопернику, обратили общее вниманіе.

Уже въ Россіи начинали чувствовать тягость деспотизма, видѣть бѣдствія угнетающія отечество, и помышлять о средствахъ для введенія новаго, лучшаго порядка вещей.

Тайное общество, составленное изъ нѣсколькихъ друзей человѣчества, существовало, и Рылѣевъ, взысканный общимъ уваженіемъ за свои заслуги предъ человѣчествомъ, увѣнчанный заслуженными похвалами за поэтическія дарованія, съ полною довѣренностію къ его характеру и мнѣніямъ, былъ принятъ въ это общество. Здѣсь порывы его души, болѣзнь сердца о несчастьяхъ родины и неясныя понятія о желаніи лучшаго получили надлежащее направленіе. Отсюда мы видимъ уже въ немъ новый порядокъ идей, другія дѣйствія, иные поступки. Пылкой юноша созрѣлъ постояннымъ и осторожнымъ мужемъ; раздраженный смѣльчакъ перемѣнился въ скрытнаго и предпріимчиваго заговорщика; дерзновенный поэтъ — въ обдуманнаго стихотворца, который уже гремѣлъ проклятіями на площадяхъ противу эфемерныхъ любимцевъ, но въ сочиненіяхъ своихъ желалъ направлять умы соотчичей къ единственной цѣли, къ благородной свободѣ народовъ.

Служивъ въ артиллеріи, женясь и взявъ отставку, онъ жилъ въ своей деревнѣ. Его качества заставили сосѣдей избрать его засѣдателемъ въ уголовный судъ по Петербургской губерніи.

Состраданіе къ человѣчеству, нелицепріятіе, пылкая справедливость, неутомимая защита истины — сдѣлали его извѣстнымъ въ столицѣ. Между простымъ народомъ имя и честность его вошли въ пословицу. Однажды, по важному подозрѣнію, схваченъ былъ какой то мѣщанинъ и представленъ бывшему тогда военному губернатору Милорадовичу. Сдѣлали ему допросъ: но какъ степень виновности могла только объясниться собственнымъ признаніемъ, то Милорадовичъ грозилъ ему всѣми наказаніями, ежели онъ не сознается. Мѣщанинъ былъ невиненъ и не хотѣлъ брать на себя напрасно преступленія. Тогда Милорадовичъ, соскуча запирательствами, объявилъ, что отдастъ его подъ уголовный судъ, зная, какъ неохотно русскіе простолюдины ввѣряются судамъ. Онъ думалъ, что этотъ человѣкъ, отъ страха суда, скажетъ ему истину, но мѣщанинъ вмѣсто того упалъ ему въ ноги и съ горячими слезами благодарилъ за милость.

— Какую же милость оказалъ я тебѣ? спросилъ губернаторъ.

— Вы меня отдали подъ судъ, отвѣчалъ мѣщанинъ: — и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привязокъ; знаю, что буду оправданъ! Тамъ есть Рылѣевъ: онъ не дастъ погибать невиннымъ!

Это происшествіе, болѣе всѣхъ похвалъ, даетъ понятіе о дѣйствіяхъ сего человѣка. Я не скажу ничего о извѣстномъ дѣлѣ Разумовскихъ крестьянъ: мнѣніе Рылѣева о сихъ несчастныхъ было написано съ силою

чувствованій, защищавшихъ невинное дѣло. Императоръ, вельможи, власти, судьи, угождающіе силѣ — все было противъ, одинъ Рылѣевъ взялъ сторону угнетенныхъ; и это его мнѣніе будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ истины, свидѣтелемъ, съ какою смѣлостью Рылѣевъ говорилъ правду.

Кромѣ высокихъ чувствованій любви къ отечеству и истинѣ, душа его и сердце были доступны всякому благородному впечатлѣнію. Любовь и дружба сопутствовали ему на всемъ поприщѣ жизни. Я былъ свидѣтелемъ его домашняго быта, много разъ слышалъ, какъ онъ повторялъ мнѣ о своемъ счастьѣ, пересчитывалъ качества своей супруги и описывалъ любовь свою къ ней. Здѣсь я считаю священнымъ долгомъ сказать то, что̀ я знаю о его привязанности къ супругѣ и семейству, потому что были люди, которые сомнѣвались въ его къ ней вѣрности, подозрѣвали, что онъ оставлялъ ее для другихъ, потому что я нѣсколько разъ долженъ былъ защищать его публично; но тогда я не могъ сего сдѣлать, такъ какъ могу теперь. Онъ былъ живъ, съ меня взято было обѣщаніе не говорить ничего, могшаго служить въ его оправданіе. Поступки его въ отношеніи къ супругѣ могли казаться двусмысленными и не могли быть объяснены, но теперь, когда смерть запечатлѣла его уста, мои должны говорить.

Свѣтскія отношенія и связи теперь прерваны: я могу говорить, какъ изъ за предѣловъ гроба.

Нѣсколько разъ случалось, что меня, какъ коротко знакомаго Рылѣеву, спрашивали въ обществѣ, любитъ ли онъ свою жену? — и на мой утвердительный отвѣтъ всегда показывали сомнѣніе, всегда говорили,

что онъ не живетъ дома, что онъ часы своихъ досуговъ посвящаетъ не супругѣ а другимъ. Въ другихъ мѣстахъ говорили яснѣе, называя по имени ту женщину, о которой предполагали, что она завладѣла его сердцемъ.

Такія обвиненія повторялись часто, и доказывали, что клевета успѣла пустить свои отрасли. Я защищалъ его какъ умѣлъ, потому что не могъ тогда оправдать ни его частыхъ отсутствій изъ дома, ни его ложной невѣрности. Противъ перваго обвиненія теперь достаточно ежели скажу, что въ послѣдніе два года своей жизни Рылѣевъ, котораго единственная цѣль, одно помышленіе былъ переворотъ, долженъ былъ дѣйствовать для тайнаго общества. Онъ обязанъ былъ многихъ посѣщать, совѣщаться со многими членами. Мысль о перемѣнѣ въ отечествѣ не оставляла его ни на минуту, не давала ему покою ни днемъ, ни ночью. Для нея забывалъ онъ собственное семейное счастье. Часто ему нельзя было явно дѣлать своихъ посѣщеній: тайна оныхъ распространилась, но чужое любопытство не постигло ее, а клевета дала ей другое направленіе.

Вотъ что я долженъ сказать о другомъ обвиненіи: при всей моей короткости, я не былъ другомъ Рылѣева; дружбою и довѣренностью его пользовался братъ мой Александръ; но когда съ нимъ случались обстоятельства, требовавшія холоднаго размышленія, онъ всегда прибѣгалъ ко мнѣ; въ этомъ случаѣ онъ дѣлалъ мнѣ честь предпочтенія, не довѣряя, какъ говорилъ онъ, ни собственной пылкости, ни Александровой опрометчивости. Я нѣсколько разъ говорилъ ему объ оскорбительныхъ подозрѣніяхъ, о слухахъ въ об-

ществѣ, которые носились на его счетъ и нѣсколько разъ получалъ въ отвѣтъ просьбу: повременить объясненіемъ и не стараться защищать его, потому что онъ не признаетъ другихъ судей, кромѣ своей совѣсти, которая не упрекаетъ его ни въ чемъ. И такъ я съ нимъ молчалъ, но не переставалъ защищать его сколько было моихъ силъ и способностей.

Однажды я написалъ повѣсть, въ которой изобразилъ мученія влюбленнаго человѣка, томленіе страсти, отчаяніе нераздѣленной любви — и изобразилъ это довольно живо. На счетъ литературныхъ занятій, Рылѣевъ и мы съ братомъ составляли нѣчто цѣлое. Ни одинъ изъ насъ не дѣлалъ плана, не кончалъ сочиненія не показавъ другому. При первомъ моемъ свиданіи съ Рылѣевымъ, онъ спросилъ меня, кончилъ ли я начатую мною повѣсть, и на утвердительный мой отвѣтъ просилъ ее прочесть. Я началъ съ описанія веселыхъ происшествій, перешелъ къ завязкѣ, принимая мало по малу выраженіе грусти, которую хотѣлъ изобразить; дошелъ до того мѣста, гдѣ любовь, гдѣ совѣсть, раздѣляя сердце героя повѣсти, лишаютъ его совершенно спокойствія, ведутъ его постепенно къ отчаянію; наконецъ, когда дошелъ до описанія всѣхъ ужасовъ безсонницы, самозабвенія и покушенія на самоубійство, Рылѣевъ вдругъ остановилъ меня.

— Довольно, довольно! вскричалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Я взглянулъ на него и увидѣлъ, что слезы катились у него градомъ. Это меня удивило, хотя я и зналъ его чувствительность. Мнѣ не разъ случалось видѣть, какъ слезы выступали у него при разсказѣ о благородномъ поступкѣ, при высокой мысли, даже при чтеніи какой нибудь хорошо-напи-

санной повѣсти; но это внутреннее движеніе, слишкомъ было сильно для обыкновеннаго впечатлѣнія.

— Что съ тобою сдѣлалось? спросилъ я.

— Дай мнѣ оправиться и я тебѣ разскажу все, отвѣчалъ онъ; всталъ и, послѣ нѣсколькихъ оборотовъ по комнатѣ, снова сѣлъ подлѣ меня и началъ:

— Ты спрашивалъ меня о причинѣ моего поведенія, которымъ меня упрекаютъ въ свѣтѣ: теперь я долженъ тебѣ объяснить это. Нѣсколько времени тому назадъ пріѣхала сюда въ Петербургъ г-жа К. по важному уголовному дѣлу о ея мужѣ. Нѣсколько человѣкъ моихъ знакомыхъ, многіе важные люди просили меня заняться этимъ дѣломъ, уговаривали познакомиться съ нею. За первое я взялся по обязанности; втораго старался всячески избѣжать, потому что не люблю знакомиться съ тѣми, чьи дѣла на моихъ рукахъ, и по свойственной мнѣ неловкости и застѣнчивости съ женщинами. Но я къ тому былъ вынужденъ, какъ усиленными просьбами, такъ и необходимостью узнать нѣкоторыя обстоятельства лично, потому что дѣло тянулось давно, было спутано низшими инстанціями и бумагъ было очень много, писанныхъ на польскомъ языкѣ, мнѣ не совершенно знакомомъ. Однимъ словомъ, меня привезли къ ней. Я увидѣлъ женщину во всемъ блескѣ молодости и красоты, ловкую, умную, со всѣми очарованіями слезъ и пламеннаго краснорѣчія, вдыхаемаго ея несчастнымъ положеніемъ. Мое обыкновенное замѣшательство увеличилось еще болѣе неожиданностью моихъ впечатлѣній, видя въ первый разъ въ жизни столько привлекательнаго въ этой необыкновенной женщинѣ. Однако же, послѣ перваго посѣщенія, я не унесъ съ собою никакого

посторонняго чувствованія, кромѣ желанія ей помочь, ежели это можно. Въ послѣдовавшихъ за симъ свиданіяхъ слезы прекрасной моей кліентки мало-помалу осушились; но мѣсто ихъ заступила заманчивая томность, милая разсѣянность, которая перерывалась однимъ только вниманіемъ ко мнѣ. Это вниманіе перешло наконецъ въ угожденіе. Моимъ совѣтомъ она желала руководствоваться; мое мнѣніе было всегда самое справедливое; мой образъ мыслей — самый благородный. Довольно было упомянуть о какой-нибудь вещи или книгѣ: то и другое являлось у нея на столѣ; сообразно съ моимъ вкусомъ, она читала и восхищалась тѣмъ, что мнѣ нравилось; но все это дѣлалось съ такою деликатностію и осторожностію, съ такою ловкостію противопоставлялись иногда и противорѣчія, что самая бдительная щекотливость не могла тревожиться. Никогда не было прямаго намека въ глаза: все это я слышалъ отъ другихъ, и всѣ, какъ будто нарочно, старались наперерывъ передавать мнѣ ея слова и мнѣнія на счетъ мой. Я началъ находить удовольствіе въ ея обществѣ; дикость моя по немногу исчезла; я не замѣчалъ за собою, предавался вполнѣ и безъ опасенія тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя эта женщина на меня производила, и, наконецъ, къ стыду моему, я долженъ тебѣ сказать, что сталъ къ ней неравнодушенъ. Вотъ моя повѣсть, вотъ что лежитъ у меня на совѣсти.

Онъ остановился. Я никакъ не ожидалъ этого признанья и съ внутреннимъ безпокойствомъ спросилъ его:

— Но все это можетъ быть съ ея стороны одно только желаніе быть любезною, желаніе, свойственное

всѣмъ женщинамъ и въ особенности полькамъ. Можетъ быть и ты слишкомъ строгъ къ себѣ и обманываешься въ своихъ чувствахъ, и желаніе пользоваться обществомъ пріятной женщины принимаешь за другое?

— Нѣтъ. Какъ я ни неопытенъ, но умѣю различать то и другое. Я вижу какимъ огнемъ горятъ ея глаза, когда разговоръ нашъ касается чувствъ; мнѣ нельзя не видѣть, нельзя скрыть отъ самаго себя того предпочтенія, которое она, зная мою застѣнчивость, самыми ловкими оборотами и такъ искусно умѣетъ дать мнѣ передъ другими. Если она одна только со мною, она задумчива, разсѣяна — разговоръ нашъ прерывается — я теряюсь, берусь за шляпу, хочу уйти и одинъ взглядъ ея приковываетъ меня къ стулу. Однимъ словомъ она даетъ мнѣ знать о состояніи своего сердца и конечно давно знаетъ, что происходитъ въ моемъ.

— Все это мнѣ слишкомъ странно и темно, потому что случилось съ тобою. Ты ни хорошъ, ни любезенъ съ женщинами. Твоего поэтическаго дарованія не достаточно для женщины, чтобы влюбиться. Узнавъ тебя короче, вѣрю, что можно полюбить и любить очень; но такая быстрая побѣда надъ свѣтскою женщиною съ перваго раза — невѣроятна. Для этого надобно блестящія, очаровательныя качества. Стихи, добродѣтель, правдивость, прямодушіе любятъ, но не влюбляются въ нихъ — и, если это съ ея стороны кокетство, которымъ она старается закупить своего судью — то . . .

— Нѣтъ, она не кокетка, прервалъ онъ съ чувствомъ. — Нѣтъ ничего естественнѣе словъ ея, дви-

женій, дѣйствій. Все въ ней такъ просто и такъ мило! . . .

— И тѣмъ опаснѣе!

Восклицаніе Рыѣева, которымъ онъ прервалъ мои слова, дало мнѣ понятіе о степени его чувствованій. Чтобы вѣрнѣе испытать его, я принялъ обыкновенный веселый видъ и сказалъ ему, улыбаясь:

— Въ такомъ случаѣ, я удивляюсь, почему ты не воспользовался такими обстоятельствами, такимъ случаемъ, какого многіе или лучше сказать никто не поставилъ бы въ зазоръ совѣсти? . . .

— Боже меня отъ этого сохрани! Оставя то, что я обожаю свою жену и не понимаю, какъ другое чувство могло закрасться въ мое сердце; оставя всѣ нравственныя приличія семейственнаго человѣка, я не сдѣлаю этого какъ честный человѣкъ, потому что не хочу воспользоватьзя ея слабостію и вовлечь ее въ преступленіе; сверхъ того, не сдѣлаю какъ судья. Ежели дѣло ее справедливо: на совѣсть мою ляжетъ, что я, пользуясь ея несчастнымъ положеніемъ, взялъ такую преступную взятку; ежели не справедливо: мнѣ или надобно будетъ рѣшить его противъ совѣсти или, рѣшивъ его прямодушно, обмануть ея надежды.

— Странный человѣкъ! Чего же ты хочешь? Ты не желаешь пользоваться благосклонностію женщины, намѣренъ оставаться вѣрнымъ своимъ правиламъ, и продолжаешь свои посѣщенія, тогда-какъ еще одинъ шагъ на этой дорогѣ можетъ разрушить всѣ твои укрѣпленія чести и совѣсти. Ты думаешь, что можешь противиться влеченію склонности и позволяешь читать этой женщинѣ въ твоемъ сердцѣ; хочешь быть

вѣренъ женѣ, подвергаясь безпрестанно искушенію. Видно, прибавилъ я, смягчая шутливымъ выраженіемъ суровость упрека, видно, ты за тѣмъ и не велишь пріѣзжать сюда женѣ своей, чтобы продолжить время твоего заблужденія? . . .

— Твой выговоръ жестокъ; но ты имѣешь право такъ думать. Нѣтъ, не для продолженія, ни для свободы моихъ дурачествъ удерживаю въ деревнѣ жену мою, но для того, чтобы не дать ей видѣть моего положенія, не сдѣлать ее свидѣтельницею моихъ страданій, моей борьбы съ совѣстію. Это ее убьетъ. Ты не повѣришь, какія мучительныя часы провожу я иногда; не знаешь до какой степени мучитъ меня безсонница; какъ часто говорю вслухъ съ самимъ собою, вскакивая съ постели, какъ безумный, плачу и страдаю. Вотъ почему повѣсть твоя стрѣлой вошла въ мое сердце; вотъ почему я открылся предъ тобою.

Мы говорили долго объ этомъ предметѣ. Рылѣевъ сказалъ, что писалъ уже къ женѣ, чтобъ она пріѣхала, обѣщавъ мнѣ, что не скроетъ онъ меня ни малѣйшаго поступка, а я, съ своей стороны, далъ ему слово развѣдать со всѣмъ стараніемъ объ этой женщинѣ.

Съ этой минуты я зналъ всякій день ощущенія Рылѣева. Пріѣхала его жена. Сказалъ ли онъ о своей слабости, сказали-ль ей о томъ другія — это мнѣ неизвѣстно. Знаю, что поведеніе его съ нею было примѣрно, и хотя онъ рѣшился оставить домъ К., но ему не удалось. Казалось, что всѣ были противъ него въ заговорѣ: ему не позволяли исполнить его намѣреніе; если онъ не бывалъ тамъ нѣсколько дней, его брали и насильно туда увозили. Не менѣе

того онъ сдѣлался осторожнѣе противъ самаго себя и ни однимъ словомъ, ни однимъ вздохомъ не показывалъ состоянія души своей, которое было еще хуже прежняго, потому что принужденіе давало новую силу чувству.

Быть героемъ, не имѣть недостатковъ и слабостей, не сдѣлать ни одного неосторожнаго шага въ жизни — очень славно; но, по моему мнѣнію, человѣкъ съ недостатками и слабостями достоинъ большей похвалы, ежели онъ можетъ владѣть ими. Въ первомъ случаѣ — я вижу одну только силу, которой нѣтъ препятствій; во второмъ — мнѣ представляется борьба и побѣда: и чѣмъ бой опаснѣе, тѣмъ побѣда славнѣе.

Какъ бы то ни было, такое состояніе дѣлъ продолжалось: я видѣлъ страданіе и силу души достойнаго моего друга; но это не мѣшало ему работать въ пользу тайнаго общества со всею горячностью человѣка, обрекшаго себя на жертву для счастія отечества. Эта обязанность, которую мы на себя возложили, заставляла насъ знакомиться съ такими людьми, собирать такія свѣденія, о которыхъ прежде и не помышляли. Намъ нужно было слѣдить за намѣреніями правительства, открывать его тайны и однажды, при развѣдываніяхъ нашихъ, мы нечаянно узнали, что г-жа К. — была шпіонъ правительства.

Для меня объяснилась вся загадка. Давно уже Рылѣева подозрѣвали, какъ вольнодумца. Его достоинства, вѣсъ между молодыми людьми давали поводъ думать, что мѣнія его раздѣляются другими. Рылѣевъ не хотѣлъ знакомиться со властями, избѣгалъ всѣхъ большихъ обществъ: обыкновенные средства для него

не годились; онъ говорилъ публично то, что говорили немногіе тайно; образъ его мыслей былъ извѣстенъ, но надобно было проникнуть глубже въ его душу и сердце. Можно представить всю силу негодованія пылкаго Рылѣева, когда вѣроломство женщины, которую онъ считалъ образцомъ своего пола, представилось ему въ настоящемъ видѣ. Онъ хотѣлъ въ туже минуту ѣхать къ ней, высказать все презрѣніе къ той ролѣ, которую она приняла съ нимъ, осыпать ее упреками, представить всю подлость ея положенія и оставить ее навсегда. Мы съ братомъ Александромъ успокоили его, и послѣ онъ согласился съ нами, что такой поступокъ всего скорѣе обнаружитъ то, что всего менѣе ему надобно было показывать. Такая ссора обнаружила бы слабость его сердца и негодованіе подозрѣваемаго человѣка. Мы положили, чтобъ онъ никакъ не показывалъ того, что ему было извѣстно и, напротивъ, старался дать болѣе свободы своему обращенію, чтобы робость, происходившая прежде отъ внутренней борьбы съ собою, не могла быть принята за боязнь человѣка, скрывающаго тайну.

Рылѣевъ сказалъ и сдѣлалъ. Данный урокъ излѣчилъ его отъ слабости и, когда возвращенное спокойствіе позволило ему хладнокровнѣе наблюдать за этой женщиной, онъ ясно увидѣлъ ея намѣренія. По мѣрѣ той, какъ онъ дѣлался свободнѣе и показывалъ ей болѣе вниманія, она болѣе и болѣе устремлялась къ своей цѣли. Томность ея чувствованій замѣнилась выраженіемъ пламенной любви къ отечеству; всѣ ея разговоры клонились къ одному предмету: къ несчастіямъ Россіи, къ деспотизму правительства, къ

злоупотребленіямъ довѣренныхъ лицъ, къ надеждамъ свободы народовъ и тому подобнаго. Рылѣевъ могъ бы обмануться сими поступками: его открытое сердце и глубокая душа только и искала себѣ ощущеній. Но онъ былъ предостереженъ, и уже никакія обольщенія не выманили изъ груди тайны, сокровища, которое онъ становилъ дороже всего на свѣтѣ, — и обманщица, въ свою очередь, осталась обманутою.

Въ дружбѣ Рылѣевъ былъ чрезвычайно пылокъ. При самомъ простомъ дѣтскомъ обращеніи съ друзьями, въ душѣ его заключались самыя высокія къ нимъ чувствованія. Жертва, даже самопожертвованіе для дружбы ему ничего не стоили; честь друга для него была выше всякихъ соображеній. Ни приличіе, ни разсудокъ не сильны были удержать его при первомъ порывѣ, ежели другъ его былъ обиженъ. Одинъ изъ друзей имѣлъ непріятную исторію, требовалъ удовлетворенія и не получилъ его, искалъ своего соперника и нигдѣ не могъ встрѣтить. Рылѣевъ былъ счастливѣе: онъ встрѣтилъ его дважды и въ первый разъ, при отказѣ на вызовъ, наплевалъ ему въ лицо; въ другой же разъ забылся до того, что, вырвавъ у своего противника хлыстъ, выстегалъ его публично, но ни тѣмъ ни другимъ не могъ убѣдить его на удовлетвореніе, котораго тотъ хотѣлъ искать въ полиціи.

Всякая несправедливость, ложь, а тѣмъ болѣе клевета находили въ немъ жестокаго противника; въ сихъ случаяхъ никакія уваженія не могли остановить его негодованія. Часто раскаивался онъ, видя, что рѣзкою защитою невинности наносилъ болѣе вреда, нежели пользы; но при новомъ случаѣ тѣже явленія, таже неукратимая ненависть противъ несправедливости

повторялись. Это была его слабость, которая огорчала его самаго, друзей и приближенныхъ. Я называлъ его мученикомъ правды.

Къ сему присовокуплялся другой еще важнѣйшій недостатокъ. Сердце его слишкомъ было открыто, слишкомъ довѣрчиво. Онъ во всякомъ человѣкѣ видѣлъ благонамѣренность, не подозрѣвалъ обмана, и обманутый не переставалъ вѣрить. Опытность ни къ чему для него не служила.

Онъ все видѣлъ въ радужные очки своей прекрасной души. Одна только скромность и застѣнчивость спасала его. Если человѣкъ былъ недоволенъ правительствомъ, или злословилъ власти, Рылѣевъ думалъ, что этотъ человѣкъ либералъ и хочетъ блага отечества. Это было причиною многихъ его ошибокъ на политическомъ поприщѣ.

Я упомянулъ о такихъ его слабостяхъ, которыя всякому другому человѣку сдѣлали бы честь; но въ Рылѣевѣ, какъ въ лицѣ политическомъ, они были важнымъ недостаткомъ. Должно ли присовокупить и то, что онъ слишкомъ мало былъ къ себѣ довѣрчивъ, слишкомъ мало чувствовалъ силу своей души надъ другими?

Рылѣевъ былъ не краснорѣчивъ и овладѣвалъ другими не тонкостями риторики или силою силлогизмовъ, но жаромъ простаго и иногда несвязнаго разговора, который въ отрывистыхъ выраженіяхъ изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной всегда, правдивой, всегда привлекательной. Всего краснорѣчивѣе было его лицо, на которомъ являлось прежде словъ все то, что онъ хотѣлъ выразить, точно, какъ говорилъ Муръ о Байронѣ, что онъ похожъ на гипсо-

вую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній; но какъ скоро въ ней загориться огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собою. Истина всегда краснорѣчива — и ея любимецъ, окруженный ея обаяніемъ и ею вдохновенный, часто убѣждалъ въ такихъ предположеніяхъ, которыхъ ни онъ дѣтскимъ лепетаніемъ своимъ не могъ еще объяснить, ни другихъ довольно выразумить: но онъ провидѣлъ ихъ и заставлялъ провидѣть другихъ.

Все, что я зналъ о характерѣ и свойствахъ Рылѣева — я сказалъ. Обратимся къ его поэзіи. Многіе находятъ, что онъ не поэтъ, и что стихи его принадлежатъ болѣе къ области ума, нежели воображенія. У всякаго свой образъ воззрѣнія на предметы. Я согласенъ, что стихи Рылѣева съ механической стороны не могуть назваться образцовыми; но, чтобы согласиться съ послѣднимъ, должно напередъ сказать, что́ я почитаю поэзіею и потомъ дать свое мнѣніе о твореніяхъ этого человѣка.

По моему, всякой благородный поступокъ, каждая высокая мысль, каждое нѣжное ощущеніе и все, что выходитъ изъ обыкновеннаго ряда нашихъ обыкновенныхъ дѣйствій — есть поэзія. Все, что можетъ трогать сердце, наполнять и возвышать душу — есть поэзія.

Любовь, гнѣвъ, ненависть — суть страсти: но и религія, но и любовь къ отечеству также страсти, и ежели стихи заставляютъ трепетать ту струну нашего сердца, которую сочинитель намѣревался тронуть, въ такомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ наружный видъ стиховъ — они поэзія. Я пойду далѣе.

Часто случается, что вещи простыя сами по себѣ, въ примѣненіи къ случаю и обстоятельствамъ дѣлаются поэтическими; такъ, на примѣръ, извѣстная швейцарская арія горныхъ пастуховъ, не заключающая въ себѣ ничего особенно музыкальнаго и слышимая ежедневно швейцарами въ ихъ родинѣ, не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія; но если тотъ же Швейцаръ слышитъ ее вдалекѣ отъ своего отечества, тогда она становится для него совершенно поэтическою. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ восторга моихъ соотчичей, когда однажды посѣтивъ Гибралтаръ и осматривая исполинскіе подвиги Англичанъ, пробившихъ эту поднебесную гору галлереями во всю ея высоту, мы подъ облаками, на отдаленнѣйшемъ краю Европы, вдали отъ родины, вдругъ услышали голосъ и слова русской пѣсни. Нельзя изъяснить этого чувствованія.

Теперь обратимся къ стихамъ Рылѣева. Единственная мысль, постоянная его идея была — пробудить въ душахъ своихъ соотечественниковъ чувствованіе любви къ отечеству, зажечь желаніе свободы. Такое намѣреніе уже само по себѣ носитъ отпечатокъ поэзіи, гдѣ бы оно ни было приведено въ исполненіе; но становится совершенно поэтическимъ, когда окруженные шпіонами деспотизма, посреди рабскихъ похвалъ, посреди боязливой лести и трусливаго подобострастія, посреди цѣлой имперіи, стенящей подъ игомъ тяжкаго самоуправства, мы вдругъ внимаемъ голосу поэта, возвѣщающаго намъ высокія истины, впервые нами слышимыя, но знакомыя нашему сердцу. Сама природа влагаетъ въ насъ понятія о свободѣ, и это понятіе, этотъ слухъ сердца такъ вѣрны, что какъ

бы ни заглушали ихъ, они отзовутся при первомъ возваніи. Въ чемъ же другомъ заключается поэзія, какъ не въ побужденіи отголоска на пѣсни ея въ нашемъ сердцѣ?

Я говорилъ о мысли, теперь скажу о исполненіи. Вообще Рылѣевъ тамъ вездѣ хорошъ, вездѣ высокъ, гдѣ онъ говоритъ отъ чувства; но вообще описанія его слабы, драматическая часть также. Доказательствомъ тому можетъ служить, что многія описанія суть подражанія, а драма часто взята цѣликомъ изъ другихъ авторовъ. Не смотря на это, поэма *Войнаровскій,* какъ важнѣйшее оконченное сочиненіе, по соображенію и ходу, стоитъ выше всѣхъ поэмъ Пушкина, оригинальнаго только въ *Цыганахъ,* хотя по стихосложенію никакъ не можетъ равняться ни съ самыми слабыми произведеніями сего поэта. Обаяніе Пушкина заключается въ его стихахъ, которые, какъ сказалъ одинъ рецензентъ, *катятся жемчугомъ по бархату.* Достоинство Рылѣева состоитъ въ силѣ чувствованій, въ жарѣ душевномъ. Переведите сочиненія обоихъ поэтовъ на иностранный языкъ и увидите, что Пушкинъ станетъ ниже Рылѣева. Мыслей послѣдняго нельзя утратить въ переводѣ: прелесть слога и очаровательная гармонія стиховъ перваго потеряется. Мнѣ кажется, что Пушкинъ самъ не постигъ примѣненія своего таланта и употребляетъ его не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Онъ ищетъ вѣрныхъ, красивыхъ, разительныхъ описаній, ловкости оборотовъ, гармоніи ласкающей ухо, и проходитъ мимо высокаго ощущенія, глубокой мысли. Даже въ другихъ ему болѣе нравится тоже. Когда Рылѣевъ напечаталъ *Войнаровскаго* и послалъ Пушкину экземпляръ, прося сказать

о немъ свое мнѣніе: Пушкинъ прислалъ ему назадъ со сдѣланными на поляхъ замѣчаніями и противу стиховъ истинно поэтическихъ, истинно прекрасныхъ, какъ, напримѣръ, когда, послѣ разсказа плѣннаго казака,

Мазепа горько улыбнулся,
Прилегъ, безмолвный, на траву
И въ плащъ широкій завернулся . . .

или, когда Мазепа говоритъ племяннику:

„Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ . . .
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей честью.“

Послѣ сихъ и многихъ другихъ прекрасныхъ мѣстъ, или вовсе не замѣченныхъ, или едва отмѣченныхъ, мнѣніе Пушкина выражено слабо, тогда какъ при изображеніи палача, гдѣ Рылѣевъ сказалъ:

Вотъ засучилъ онъ рукава . . .

Пушкинъ вымаралъ это мѣсто и написалъ на полѣ: *продай мнѣ этотъ стихъ!*

Новыя сочиненія, начатыя Рылѣевымъ, носили на себѣ печать болѣе зрѣлаго таланта. Можно было надѣяться, что опытность на литературномъ поприщѣ, очищенныя понятія и бо́льшая разборчивость, подарили бы насъ произведеніями совершеннѣйшими. Жалѣю, что слабая моя память не можетъ представить

яснаго тому доказательства изъ начатковъ *Мазепы* и *Хмельницкаго*. Изъ перваго нѣкоторые отрывки напечатаны; другой еще былъ, такъ сказать, въ пеленкахъ, но уже рожденіе его обѣщало впереди возмужалость таланта. Во всѣхъ публично изданныхъ сочиненіяхъ, какъ-то: *Думахъ*, *Войнаровскомъ*, *Гражданскомъ мужествѣ* и другихъ — цѣль Рылѣева обнаруживается въ приноровленіи, которое можетъ сдѣлать самъ читатель; но его другія сочиненія, писанныя для ходу въ рукописи, слишкомъ ясны, и сколь ни бездѣльны кажутся въ литературномъ отношеніи съ перваго взгляда — особенно пѣсни, составленныя имъ съ Александромъ Бестужевымъ на голосъ народныхъ подблюдныхъ припѣвовъ, но намѣреніе, съ которымъ писаны и вліяніе ими произведенное въ короткое время, слишкомъ значительны. Хотя правительство всѣми мѣрами старалось истребить сіи пѣсни, гдѣ только могли находить ихъ, но они были сдѣланы въ простонародномъ духѣ, были слишкомъ близки къ его состоянію, чтобы можно было вытѣснить ихъ изъ памяти простолюдиновъ, которые видѣли въ нихъ вѣрное изображеніе своего настоящаго положенія и возможность улучшенія въ будущемъ. Съ другой стороны, однаго преслѣдованія, безъ всякаго внутренняго убѣжденія, достаточно было для заманчивости сихъ легкихъ твореній, чтобы образованные люди пожелали сохранить ихъ. Рабство народа, тяжесть притѣсненія, несчастная солдатская жизнь изображались въ нихъ простыми словами, но вѣрными красками.

Удаленнымъ отъ свѣта нельзя положительно сказать, что онѣ теперь въ ходу, но зная людей, зная,

что однажды пріобрѣтенныя ими понятія, подобно дереву, которому садовникъ, желая сообщить произвольную форму, какъ ни сгибаетъ сучья, какъ ни обстригаетъ вѣтви, но они слѣдуютъ природному порядку и пускаютъ вверхъ свои отрасли — кажется трудно повѣрить, чтобъ этотъ *катихизисъ* простаго народа не распространялся все болѣе. Въ самой тотъ день, когда исполнена была надъ нами сентенція, и насъ, морскихъ офицеровъ, возили для того въ Кронштадтъ, бывшій съ нами унтеръ-офицеръ морской артиллеріи сказывалъ намъ наизустъ всѣ запрещенныя стихи и пѣсни Рылѣева, прибавя, что у нихъ нѣтъ канонера, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсень Рылѣева.

Мнѣ пришла теперь на память одна мало-извѣстная пьэса, написанная Рылѣевымъ въ послѣднее время для юношества высшаго сословія русскаго. Вотъ она:

Я ль буду въ роковое время
Позорить гра̀жданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка,
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ,

И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги
И, въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута ни Ріеги.

Въ этихъ стихахъ лучше всего изображаются всѣ достоинства и недостатки поэзіи Рылѣева. Со всѣмъ тѣмъ кто не скажетъ, что это стихотвореніе можетъ стать на ряду съ лучшими *Ирландскими мелодіями* Мура.

Приступимъ теперь къ важнѣйшей эпохѣ жизни Рылѣева. Раздѣляемый между литературою, занятіями по обществу и домашними попеченіями, онъ тихо проводилъ жизнь свою, уважаемый общимъ мнѣніемъ, любимый домашними и друзьями и подозрѣваемый правительствомъ, которое по видимому въ послѣднее время было очень слабо въ своемъ полицейскомъ надзорѣ. Мало по малу, тайные дѣла для приготовленія общества отвлекли его отъ другихъ занятій: онъ совершенно посвятилъ себя одной только заботѣ.

Не знаю, былъ ли онъ обманутъ самъ, или желалъ другимъ представлять дѣла общества въ лучшемъ видѣ, только изъ его пламенныхъ разговоровъ о распространеніи числа членовъ, принадлежавшихъ къ союзу благомыслящихъ людей, я и другіе заключали, что общество наше многочисленно и что значащіе люди участвуютъ въ ономъ. Въ семъ положеніи дѣлъ застигла насъ нечаянная смерть Александра. Болѣе года прежде сего въ разговорахъ нашихъ я привыкъ слышать отъ Рылѣева, что смерть императора была назначена обществомъ эпохою для начатія дѣйствій онаго, и когда я узналъ о съѣздѣ во дворцѣ, по

случаю нечаянной смерти царя, о замѣшательствѣ наслѣдниковъ престола, о назначеніи присяги Константину, тотчасъ бросился къ Рылѣеву; ко мнѣ присоединился Торсонъ. Происшествіе было неожиданно; вѣсть о немъ пришла совсѣмъ не оттуда, откуда ожидалъ я, и, вмѣсто начатія дѣйствій, я увидѣлъ, что Рылѣевъ совершенно не зналъ объ этомъ. Встревоженный и волнуемый духомъ, видя благопріятную минуту пропущенною, не видя общества, не видя никакого начала къ дѣйствію, я горько сталъ выговаривать Рылѣеву, что онъ поступилъ съ нами иначе, нежели было должно.

— Гдѣ же общество, говорилъ я, о которомъ столько разсказывалъ ты? Гдѣ же дѣйствователи, которымъ настала минута показаться? Гдѣ они соберутся, что предпримутъ, гдѣ силы ихъ, какіе ихъ планы? Почему это общество, ежели оно сильно, не знало о болѣзни царя, тогда какъ во дворцѣ болѣе недѣли получаются бюллетени объ его опасномъ положеніи? Ежели есть какія намѣренія, скажи ихъ намъ — и мы приступимъ къ исполненію. Говори!

Рылѣевъ долго молчалъ, облокотясь на колѣни и положивъ голову между рукъ.

Онъ былъ пораженъ нечаянностію случая и сказалъ:

— Это обстоятельство явно даетъ намъ понятіе о нашемъ безсиліи. Я обманулся самъ: мы не имѣемъ установленнаго плана, никакія мѣры не приняты, число наличныхъ членовъ въ Петербургѣ невелико; но, не смотря на это, мы соберемся опять сегодня въ вечеру. Между тѣмъ я поѣду собрать свѣдѣнія, а вы, ежели можете, узнайте расположеніе умовъ въ городѣ и въ войскѣ.

Батешковъ и братъ Александръ явились въ эту минуту, и первое начало происшествій, ознаменовавшихъ періодъ междуцарствія, началось бѣднымъ собраніемъ пяти человѣкъ.

Съ сей минуты домъ Рылѣева сдѣлался сборнымъ мѣстомъ нашихъ совѣщаній, а онъ душою оныхъ. Ввечеру мы сообщили другъ другу собранныя свѣдѣнія: они были неблагопріятны. Войско присягнуло Константину холодно, однако безъ изъявленія неудовольствія. Въ городѣ еще не знали отречется ли Константинъ: тайна его прежняго отреченія въ пользу Николая еще не распространилась. Въ Варшаву поскакали курьеры, и всѣ были увѣрены, что дѣла останутся въ томъ же положеніи.

Когда мы остались трое, Рылѣевъ, братъ мой Александръ и я, то послѣ многихъ намѣреній, положили было писать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ; но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько исписанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое идти ночью по городу останавливать каждаго солдата, остонавливаться у каждаго часоваго и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба.

Это положено было разсказывать, чтобы приготовить духъ войска для всякаго случая, могшаго представиться въ послѣдствіи. Я для того упоминаю объ этомъ намѣреніи, что оно было началомъ дѣйствій нашихъ и осталось неизвѣстнымъ комитету.

Нельзя представить жадности, съ какою слушали насъ солдаты; нельзя изъяснить быстроты, съ какою

разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ.

Два дни сильнаго безпокойства, двѣ безсонныя ночи въ ходьбѣ по городу и огорченіе сильно подѣйствовали на Рылѣева. У него сдѣлалось воспаленіе горла; онъ слегъ въ постель; воспаленіе перешло въ жабу; онъ едва могъ переводить дыханіе, но не переставалъ принимать участіе въ дѣлахъ Общества. Мало-по-малу число наше увеличилось; члены съѣзжались отовсюду и болѣзнь Рылѣева была предлогомъ безпрестанныхъ собраній въ его домѣ.

Мнѣ прискорбно теперь припоминать предсказаніе, сдѣланное мною больному: тогда было оно шуткою, но вскорѣ исполнилось ужасною истиною. Ему поставили на шею мушку и когда она подѣйствовала, надобно было сдѣлать перевязку. Очищая больное мѣсто и прикладывая новый пластырь, я зацѣпилъ неосторожно за рану. Рылѣевъ вскрикнулъ.

— Какъ не стыдно тебѣ быть такъ малодушнымъ, сказалъ я шутя: — и кричать отъ одного прикосновенія, когда ты знаешь свою участь, знаешь къ чему тебѣ должно пріучать свою шею.

Между тѣмъ сомнѣнія на счетъ наслѣдства престола возрастали. Намъ открывался новый случай воспользоваться новою присягою. Мы работали усерднѣе: приготовляли гвардію, питали и возбуждали духъ непріязни къ Николаю, существовавшій между солдатами. Рылѣевъ выздоравливалъ и не переставалъ быть источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій общества.

Но не смотря на успѣхи наши, не взирая на то,

что новые члены прибывали, что за многіе полки сдѣланы были обѣщанія, мы мало увѣрены были въ нашихъ силахъ: никто не могъ ручаться за полный полкъ; ротные командиры, участвовавшіе въ заговорѣ, могли отвѣчать только за свои роты и то при благопріятныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ.

Часто въ разговорахъ нашихъ сомнѣніе на счетъ успѣха выражалось очень положительно. Не менѣе того, мы видѣли необходимость дѣйствовать; чувствовали надобность пробудить Россію. Рылѣевъ всегда говаривалъ:

— Предвижу, что не будетъ успѣха; но потрясеніе необходимо. Тактика революцій заключается въ одномъ словѣ: *дерзай,* и ежели это будетъ несчастливо — мы своей неудачей научимъ другихъ.

Наконецъ 12 декабря, въ субботу, явился у меня Рылѣевъ. Видъ его былъ безпокойный. Онъ сообщилъ мнѣ, что Оболенскій вывѣдалъ отъ Ростовцева, что сей послѣдній имѣлъ разговоръ съ Николаемъ, въ которомъ объявилъ ему о умышляемомъ заговорѣ, о намѣреніяхъ воспользоваться расположеніемъ солдатъ и упрашивалъ его, для отвращенія кровопролитія, или отказаться отъ престола, или подождать цесаревича для формальнаго и всенароднаго отказа.

— Оболенскій заставилъ Ростовцева переписать, какъ письмо, писанное имъ до свиданія, такъ и разговоръ съ Николаемъ. Вотъ черновое изложеніе того и другого, продолжалъ Рылѣевъ: — собственной руки Ростовцева. Прочти и скажи, что ты объ этомъ думаешь?

Я прочиталъ. Тамъ не было ничего упомянуто о существованіи Общества; не названо ни одного лица,

но говорилось о намѣреніи воспротивиться вступленію на престолъ Николая; о могущемъ произойти кровопролитіи. Въ справедливости же своего показанія Ростовцевъ завѣрялъ головою, просилъ, чтобъ его посадили съ сей же минуты въ крѣпость и не выпускали оттуда, ежели предсказываемое не случится.

— Увѣренъ ли ты, сказалъ я Рылѣеву: — что все писанное въ этомъ письмѣ и разговоръ совершенно согласны съ правдою и что въ нихъ ничего не убавлено противъ изустнаго показанія Ростовцева?

— Оболенскій ручается за правдивость этой бумаги: онъ говоритъ, что Ростовцевъ почти добровольно объявилъ ему все это.

— По доброй душѣ своей Оболенскій готовъ ему вѣрить; но я думаю, что Ростовцевъ ставитъ свѣчу Богу и сатанѣ. Николаю онъ открываетъ заговоръ, предъ нами умываетъ руки признаніемъ, въ которомъ, говоритъ онъ, нѣтъ ничего личнаго. Не менѣе того въ этомъ признаніи онъ могъ написать, что ему угодно и скрыть то, чего ему не надобно намъ сказывать. Но пусть будетъ такъ, что Ростовцевъ, движимый сожалѣніемъ, совѣстію, раскаяніемъ, сказалъ и написалъ не болѣе и не менѣе: однако же у него сказано о умыслѣ, и ежели у Николая теперь такъ много хлопотъ, что некогда распросить объ немъ донощика, или боязнь и политика мѣшаютъ приняться за розыскъ какъ бы надобно, то конечно эти причины не будутъ существовать на первый день по вступленіи на престолъ, и Ростовцева заставятъ сказать что нибудь поболѣе о томъ, о чемъ онъ говоритъ теперь съ такою скромностію.

— И если бы сказано было что нибудь болѣе: насъ конечно тайная полиція прибрала бы къ рукамъ.

— Я тебѣ повторяю, что Николай боится сдѣлать это. Опорная точка нашего заговора есть вѣрность присяги Константину, и нежеланіе присягать Николаю. Это намѣреніе существуетъ въ войскѣ и конечно тайная полиція о томъ извѣстила Николая; но какъ онъ самъ еще не увѣренъ, точно ли откажется отъ престола братъ его, слѣдовательно арестъ людей, которые хотѣли остаться вѣрными первой присягѣ, можетъ показаться съ дурной стороны Константину, ежели онъ вздумаетъ принять корону.

— Итакъ ты думаешъ, что мы уже заявлены?

— Непремѣнно, и будемъ взяты ежели не теперь, то послѣ присяги.

— Что же ты полагаешь нужно дѣлать?

— Не показывать этого письма никому и дѣйствовать: лучше быть взятымъ на площади, нежели на постелѣ. Пусть лучше узнаютъ, за что мы погибнемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайкомъ изчезнемъ изъ общества и никто не будетъ знать гдѣ мы и за что пропали.

Рылѣевъ бросился ко мнѣ на шею.

— Я увѣренъ былъ, сказалъ онъ съ сильнымъ движеніемъ, что это будетъ твое мнѣніе. Итакъ — съ Богомъ! Судьба наша рѣшена. Къ сомнѣніямъ нашимъ теперь конечно прибавятся всѣ препятствія. Но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется. Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества!

Мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ къ полковнику Финляндскаго полка Моллеру, члену Общества, чтобы

спросить его рѣшительнаго отвѣта и не застали дома. Рылѣевъ поручилъ мнѣ непремѣнно узнать о его намѣреніяхъ. Я былъ у Моллера опять ввечеру и нашелъ его въ наилучшемъ расположеніи — съ этимъ я отправился къ Рылѣеву. Въ этотъ же вечеръ пріѣхала ко мнѣ изъ деревни мать съ сестрами, и потому мнѣ нельзя было оставаться на совѣщаніи. Рылѣевъ обѣщалъ извѣстить меня обо всемъ.

На другой день по утру, передавъ мнѣ нѣкоторыя слабыя надежды, Рылѣевъ поѣхалъ опять со мной къ Моллеру и опять не засталъ его дома. Обѣщавъ пріѣхать ко мнѣ обѣдать, онъ поручилъ мнѣ сыскать его, чтобы, узнавъ его мысли, принять рѣшительныя мѣры.

Я отправился къ Торсону и тамъ узнали мы, что Моллеръ у дяди своего министра. Послали за нимъ. Онъ явился, но былъ уже не тотъ, съ которымъ я говорилъ наканунѣ. При первомъ вопросѣ о его намѣреніяхъ, онъ вспыхнулъ, сказалъ, что не намѣренъ служить орудіемъ и игрушкою другихъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ голова нетвердо держится на плечахъ и, не слушая нашихъ убѣжденій, ушелъ.

Я сообщилъ Рылѣеву за обѣдомъ нашу неудачу.

— Намъ надобно что нибудь узнать о Финляндскомъ полку, сказалъ онъ: — поѣдемъ къ Рѣпину.

Мы поѣхали, насилу отыскали его, привезли ко мнѣ и вотъ его слова о состояніи Финляндскаго полка:

— Моллеръ и Тулубьевъ, который еще сегодня поутру съ энтузіазмомъ далъ свое слово, — оба отказываются. Моллеръ — по своимъ разсчетамъ, Тулубьевъ, слѣдуя ему. Я не могу ручаться ни за

одного солдата. Моей роты здѣсь нѣтъ: она съ баталіономъ стоитъ въ деревнѣ и притомъ я сказываюсь больнымъ, подавши въ отставку. Во всемъ полку одинъ только Розенъ отвѣчаетъ за себя, но я не знаю, что онъ будетъ въ состояніи сдѣлать.

Рылѣевъ уѣхалъ, давъ слово возвратиться ввечеру и извѣстить насъ объ окончательныхъ намѣреніяхъ къ завтрашнимъ дѣйствіямъ.

Мы остались съ Рѣпинымъ. Общество наше увеличилось Торсономъ и Батенковымъ. Въ 10 часовъ пріѣхалъ Рылѣевъ съ Пущинымъ и объявилъ намъ о положенномъ на совѣщаніи, что завтрашній день при принятіи присяги должно поднимать войска, на которыя есть надежда, и какъ бы ни были малы силы, съ которыми выйдутъ на площадь, идти съ ними немедленно во дворецъ.

— Надобно нанесть первый ударъ, сказалъ онъ: — а тамъ замѣшательство дастъ новый случай къ дѣйствію. Итакъ — братъ ли твой Михаилъ со своею ротою, или Арбузовъ, или Сутгофъ — первой кто придетъ на площадь отправится тотчасъ во дворецъ.

Здѣсь Рѣпинъ замѣтилъ Рылѣеву, что дворецъ слишкомъ великъ и выходовъ въ немъ множество, чтобы занять его одною ротою, и что наконецъ Преображенскій баталіонъ, помѣщенный возлѣ дворца, можетъ въ ту же минуту быть введенъ туда чрезъ эрмитажъ, и что отважившаяся рота будетъ слишкомъ въ опасномъ положеніи, тогда какъ и безъ сего успѣхъ не вѣренъ, чтобъ воспрепятствовать уходу царской фамиліи.

— Если же, прибавилъ онъ, это необходимо, недурно бы достать планъ дворца и по оному распо-

ложить дѣйствія, чтобы воспользоваться съ выгодою малымъ числомъ.

— Мы не думаемъ, сказалъ Рылѣевъ, чтобы успѣли кончить всѣ дѣйствія однимъ занятіемъ дворца; но довольно того, ежели Николай и царская фамилія уѣдетъ оттуда и замѣшательство оставитъ его партію безъ головы. Тогда вся гвардія пристанетъ къ намъ и *самые* нерѣшительные должны будутъ склониться на нашу сторону. Повторю, что успѣхъ революціи заключается въ одномъ словѣ: *дерзайте*.

Такимъ образомъ кончился канунъ произшествія 14 числа. Многіе изъ товарищей, бывшихъ на совѣщаніи 13 числа, утверждаютъ, что тамъ никогда не было принято подобнаго намѣренія. Не бывъ на семъ совѣщаніи, я этого не знаю и передаю только то, что говорилъ Рылѣевъ Рѣпину и мнѣ ввечеру 13 числа послѣ сего совѣщанія, и какъ я въ семъ случаѣ пишу не исторію Общества, но дѣйствія Рылѣева, то я долженъ ихъ передавать такъ, какъ я собственно ихъ видѣлъ и слышалъ.

Рано по утру 14 числа я былъ уже у Рылѣева: онъ собирался ѣхать со двора.

— Я дожидалъ тебя, сказалъ онъ: — что ты намѣренъ дѣлать?

— Ѣхать, по условію, въ Гвардейскій Экипажъ. Можетъ быть тамъ мое присутствіе будетъ къ чему нибудь годно.

— Это хорошо. Сейчасъ былъ у меня Каховскій и далъ намъ съ твоимъ братомъ Александромъ слово о исполненіи своего обѣщанія, а мы сказали ему на всякой случай, что съ сей поры мы его не знаемъ и онъ насъ не знаетъ, и чтобы онъ дѣлалъ

свое дѣло, какъ умѣетъ. Я же, со своей стороны, ѣду въ Финляндскій и Лейбъ-Гренадерскій полки и, если кто либо выйдетъ на площадь, я стану въ ряды солдатъ съ сумою черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукахъ.

— Какъ — во фракѣ?

— Да! а можетъ быть надѣну и русскій кафтанъ, чтобы сроднить солдата съ поселяниномъ въ первомъ дѣйствіи ихъ взаимной свободы.

— Я тебѣ этого не совѣтую. Русской солдатъ не понимаетъ этихъ тонкостей патріотизма и ты скорѣе подвергнешся опасности отъ удара прикладомъ, нежели сочувствію къ твоему благородному, но неумѣстному поступку. Къ чему этотъ маскарадъ? Время національной гвардіи еще не настало.

Рылѣевъ задумался.

— Въ самомъ дѣлѣ, это слишкомъ романически, сказалъ онъ. — Итакъ: просто, безъ излишествъ, безъ затѣй. Можетъ быть, продолжалъ онъ, можетъ быть мечты наши сбудутся; но нѣтъ, вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе, что мы погибнемъ. Онъ вздохнулъ, крѣпко обнялъ меня; мы простились и пошли.

Но здѣсь ожидала насъ трудная сцена. Жена его выбѣжала къ намъ на встрѣчу, и когда я хотѣлъ съ нею поздороваться, она схватила мою руку и, заливаясь слезами, едва могла выговорить:

— Оставьте мнѣ моего мужа, не уводите его — я знаю, что онъ идетъ на погибель!

Кто изъ моихъ товарищей испыталъ чувствованія, одушевлявшія каждаго изъ насъ въ эти незабвенные дни, тотъ можетъ представить, что напряженная душа готова была ко всѣмъ пожертвованіямъ, и потому я

уговаривалъ ее такими словами, какъ будто супруга и мать должна была понимать мои чувствованія: но это было холодно для ея сердца. Рылѣевъ, подобно мнѣ, старался успокоить ее: что онъ возвратится скоро, что въ намѣреніяхъ его нѣтъ ничего опаснаго. Она не слушала насъ; но въ это время дикій, горестный и испытующій взглядъ большихъ, черныхъ ея глазъ поперемѣнно устремлялся на обоихъ. Я не могъ вынести этого взгляда и смутился; Рылѣевъ примѣтно былъ въ замѣшательствѣ. Вдругъ она отчаяннымъ голосомъ вскрикнула:

— Настинька, проси отца за себя и за меня!

Маленькая дочька выбѣжала рыдая, обняла колѣна отца, а мать почти безъ чувствъ упала къ нему на грудь. Рылѣевъ положилъ ее на диванъ, вырвался изъ ея и дочернихъ объятій и убѣжалъ.

Здѣсь мы разстались.

Когда я пришелъ на площадь съ Гвардейскимъ Экипажемъ — уже было поздно. Рылѣевъ привѣтствовалъ меня первымъ цалованіемъ свободы и, послѣ нѣкоторыхъ объясненій, отвелъ меня на сторону и сказалъ: — Предсказаніе наше сбывается: послѣднія минуты наши близки, но это минуты нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за нихъ жизнь свою! Это были послѣднія слова Рылѣева, которыя мнѣ были сказаны. Остальная развязка нашей политической драмы всѣмъ извѣстна ...

Мы сидѣли въ крѣпости, въ Алексѣевскомъ равелинѣ; въ 14-мъ No. былъ братъ мой Михаилъ, въ 15-мъ — я, въ 16-мъ — князь Одоевскій, въ 17-мъ и

послѣднемъ — Рылѣевъ. Мало-по-малу мы съ братомъ возстановили сношенія посредствомъ выдуманной имъ азбуки звуками въ стѣну. Мы объяснялись свободно. Я хотѣлъ переговорить съ Рылѣевымъ, но всѣ мои попытки дать понятіе о нашей азбукѣ Одоевскому, между нами сидѣвшему, были безуспѣшны. Итакъ между нами всѣ сношенія были очень коротки и невѣрны — чрезъ стараго ефрейтера словесно и, почти передъ самою сентенціею, записками. Это препятствіе много повредило нашему дѣлу.

Вотъ поведеніе Рылѣева по комитету, сколько я могъ судить изъ дѣла и его показаній, которыя до меня доходили. Но здѣсь я говорю собственное мнѣніе, одно заключеніе, то, что мнѣ казалось, не основываясь ни на какихъ положительныхъ доказательствахъ.

Рылѣевъ старался предъ комитетомъ выставить Общество и дѣла онаго гораздо важнѣе, нежели они были въ самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ придать вѣсу всѣмъ нашимъ поступкамъ и для того часто дѣлалъ такія показанія о такихъ вещахъ, которыя никогда не существовали. Согласно съ нашею мыслью, чтобы знали чего хотѣло Общество, онъ открылъ многія вещи, которыхъ открывать бы не надлежало. Совсѣмъ тѣмъ это не были ни важныя показанія на лица, ни какія-нибудь уловки для своего оправданія; напротивъ, онъ, принимая все на свой счетъ, выставлялъ себя причиною всего, въ чемъ могли упрекнуть Общество. Сверхъ того, комитетъ употреблялъ всѣ непозволительныя средства: въ началѣ обѣщали прощенье; впослѣдствіи, когда все было открыто и когда не для-чего было щадить подсудимыхъ, присовокупи-

лись угрозы, даже стращали пыткою. Комитетъ налагалъ дань на родственныя связи, на дружбу; всѣ хитрости и подлоги были употреблены. Я зналъ чрезъ стараго солдата, что Рылѣеву было обѣщано отъ государя прощенье, если онъ признается въ своихъ намѣреніяхъ; женѣ его сказано было тоже, — позволены были свиданія, переписка — все было употреблено, чтобы заставить раскрыться Рылѣева. Сверхъ того, зная нашу съ нимъ дружбу, насъ спрашивали часто отъ его имени о такихъ вещахъ, о которыхъ намъ прежде и на мысли не приходило. Я признаюсь, обманутый самъ обѣщаньемъ царскимъ, зная за какую цѣну оно обѣщано Рылѣеву и зная его намѣреніе представлять въ важнѣйшемъ видѣ вещи, думалъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, чтобы не повредить ему и не выставить его лжецомъ, отрицаясь отъ показаній сдѣланныхъ будто отъ его имени, особенно въ началѣ дѣла, когда я еще не разгадалъ этой хитрости комитета; но послѣ я узналъ это и мы съ братомъ взяли свои мѣры. Что же касается до Рылѣева — онъ не измѣнилъ своей всегдашней довѣрчивости и до конца убѣжденъ былъ, что дѣло окончится для насъ благополучно. Это было видно изъ его записки, посланной ко всѣмъ намъ въ равелинѣ, когда онъ узналъ о дѣйствіяхъ верховнаго уголовнаго суда. Она начиналась слѣдующими словами: „Красные кафтаны (т. е. сенаторы) горячатся и присудили намъ смертную казнь; но за насъ Богъ, государь и благомыслящіе люди.“ Окончанія не помню.

Черезъ семь мѣсяцевъ судьба привела намъ еще видѣться съ нимъ. Въ безмолвномъ кладбищѣ нашемъ,

равелинѣ, былъ маленькій садикъ, куда насъ водили по очереди гулять; очередь Рылѣева была всегда во время ужина. Однажды ефрейторъ, вынося отъ меня столовую посуду, отворилъ дверь въ ту самую минуту, когда Рылѣевъ проходилъ мимо: мы увидѣли другъ друга — этого довольно было, чтобы вытолкнуть ефрейтера, броситься другъ другу на шею и поцаловаться послѣ столь долгой разлуки. Такой случай былъ эпохою въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ тайна и молчаніе, гдѣ подслушиваніе и подзоръ не отступаютъ ни на минуту отъ несчастныхъ жертвъ, заживо туда похороненныхъ . . . .

Что мнѣ теперь прибавить? Съ этой минуты я не видалъ его болѣе. Я узналъ о немъ отъ священника уже послѣ казни; узналъ съ какимъ мужествомъ и смиреніемъ принялъ онъ двукратную смерть отъ руки палача. „Положите мнѣ руку на сердце и посмотрите скорѣе ли оно бьется“, сказалъ онъ священнику. Они всѣ пятеро поцаловались, оборотились такъ, чтобъ можно было пожать имъ связаннымъ другъ другу руки — и приговоръ ихъ былъ исполненъ. По неловкости палача Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ *) должны были вытерпѣть эту казнь въ другой разъ, и Рылѣевъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ и прежде сказалъ: „Имъ мало нашей казни — имъ надобно еще тиранство!“

Н. Бестужевъ.

---

*) По свидѣтельству другихъ — Пестель.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ О РЫЛѢЕВѢ.

Начало моего знакомства съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ Рылѣевымъ было началомъ искренней, горячей къ нему дружбы. Навѣрное не помню, но кажется мнѣ — это было въ 1822 году, т. е. послѣ возвращенія гвардейскаго корпуса изъ Бѣшенковичей, т. е. послѣ предполагаемаго похода заграницу противъ революціонныхъ движеній въ Италіи. Рылѣевъ въ то время только что издалъ *Войнаровскаго*, и готовилъ къ печати свои *Думы*. Имя его было извѣстно между литераторами, а свободолюбивое направленіе его мыслей обратило на него вниманіе членовъ Тайнаго Общества. Иванъ Ивановичъ Пущинъ первый, кажется, познакомился съ нимъ и, по разрѣшенію Верховной Думы, принялъ его въ число членовъ общества. Сблизившись съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ съ первыхъ дней знакомства, не могу не сказать, что я ввѣрился ему всѣмъ сердцемъ, и нашелъ въ немъ ту взаимную довѣренность, которая такъ драгоцѣнна во всякомъ

возрастѣ человѣческомъ, но наиболѣе цѣнится во дни молодости, гдѣ силы души ищутъ простора, ищутъ обширнѣйшаго круга дѣятельности. Это стремленіе удовлетворялось отчасти вступленіемъ въ члены Тайнаго Общества. *Союзъ благоденствія*, такъ оно называлось, удовлетворялъ всѣмъ благороднымъ стремленіямъ тѣхъ, которые искали въ жизни не однихъ удовольствій, но истинной, нравственной пользы собственной и всѣхъ ближнихъ. Трудно было устоять противъ обаяній союза, котораго цѣль была: нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ; обоюдная помощь для достиженія цѣли; умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ — направленіе современнаго общества, посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ общихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ и личнымъ своимъ образованіемъ и тѣмъ нравственнымъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. Въ дали туманной, недосягаемой виднѣлась окончательная цѣль — политическое преобразованіе отечества, — когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа. Нетрудно было усвоить Рылѣеву всѣ эти начала, при его пылкой, поэтической душѣ и воспріимчивой натурѣ. Онъ съ перваго шага ринулся на открытое ему поприще, и всего себя отдалъ той высокой идеѣ, которую себѣ усвоилъ.

Скажу нѣсколько словъ о его наружности и перво-

начальной службѣ. Роста онъ былъ средняго. Черты лица его составляли довольно правильный овалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась предъ другою. Волосы его были черные, слегка завитые; глаза темные, съ выраженіемъ думы, и часто блестящіе при одушевленной бесѣдѣ; голова, немного наклоненная впередъ, при мѣрной поступи показывала, что мысль его всегда была занята тою внутреннею жизнію, которая, выражаясь въ вдохновенной пѣснѣ, когда приходила минута вдохновенія, въ другія времена искала осуществленія той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности.

Образованіе онъ получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, и началъ службу въ артиллеріи. Въ бесѣдахъ съ нимъ я слышалъ, что его молодость была бурная; но подробностей объ этомъ періодѣ его жизни я не слыхалъ, и мнѣ не случалось даже быть знакомымъ съ его товарищами по службѣ, въ этомъ періодѣ его жизни на военномъ поприщѣ. Онъ женился рано, по любви и, кажется, не съ полнымъ одобреніемъ его старушки-матери, Настасьи Ѳедоровны Рылѣевой, жившей въ малой деревушкѣ, въ 60 верстахъ отъ Петербурга, около села Рожествена. Жена его, Наталья Михайловна, любила его съ увлеченіемъ; маленькая дочь, Настинька, тогда еще четырехъ или пяти лѣтъ — маленькая, смугленькая и живая, одушевляла своимъ присутствіемъ его домашнюю жизнь. О его общественной, служебной жизни я немного могу сказать. Сначала онъ служилъ засѣдателемъ въ Петербургской Уголовной Палатѣ, вмѣстѣ съ Ив. Ив. Пущинымъ, который промѣнялъ мундиръ конно-гвардейской артиллеріи на

скромную службу, надѣясь на этомъ поприщѣ оказать существенную пользу и своимъ примѣромъ побудить и другихъ принять на себя обязанности, отъ которыхъ дворянство устранялось, предпочитая блестящіе эполеты той пользѣ, которую оно могло бы принести, внося въ низшія судебныя инстанціи тотъ благородный образъ мыслей, тѣ чистыя побужденія, которыя украшаютъ человѣка и въ частной жизни и на общественномъ поприщѣ, составляютъ надежную опору всѣмъ слабымъ и безпомощнымъ, всегда и вездѣ составляющимъ большинство, коего нужды и страданія едва слышны меньшинству богатыхъ и сильныхъ. Въ послѣдствіи Рылѣевъ перешелъ правителемъ дѣлъ въ Американскую Компанію, и занималъ скромную квартиру въ домѣ Компаніи. Какъ поэтъ, онъ пользовался знакомствомъ и дружбою многихъ литераторовъ того времени. У Николая Ивановича Греча собиралась въ то время, разъ въ недѣлю, вся литературная семья. Рылѣевъ былъ однимъ изъ постоянныхъ его собесѣдниковъ. Въ особенности былъ онъ друженъ съ Александромъ Александровичемъ Бестужевымъ, котораго, кажется, онъ и принялъ въ члены Общества. Вмѣстѣ съ нимъ вступилъ также въ члены Общества его братъ, Николай Александровичъ, и меньшій ихъ братъ Петръ, рано кончившій земное свое поприще. Александръ Бестужевъ тогда уже начиналъ литературное свое поприще повѣстями, которыя по живости слога обѣщали блестящее развитіе, въ послѣдствіи имъ такъ хорошо оправданное. Тутъ же должно вспомнить и Александра Осиповича Корниловича, офицера гвардейскаго генеральнаго штаба, который усердно и съ любовію трудился надъ памятни-

ками петровскаго времени, и изложилъ плоды своихъ трудовъ въ простомъ разсказѣ, возбудившемъ общее сочувствіе къ изложенному имъ предмету. И у Рылѣева собирались нерѣдко литераторы и многіе изъ близкихъ его знакомыхъ и друзей. Тутъ, кромѣ выше именованныхъ, бывали: Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, товарищъ Пущина по Лицею, Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, Орестъ Сомовъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій и многіе другіе, коихъ именъ не упомню. Бесѣда была оживлена не всегда предметами чисто-литературными; нерѣдко она переходила на живые общественные вопросы того времени, по общему направленію большинства лицъ дружескаго собранія. Наталья Михайловна, какъ хозяйка дома, была внимательна ко всѣмъ, и скромнымъ своимъ обращеніемъ внушала общее къ себѣ уваженіе.

Его общественная дѣятельность, по занимаемому имъ мѣсту правителя дѣлъ Американской Компаніи, заслуживала бы особеннаго разсмотрѣнія по той пользѣ, которую онъ принесъ Компаніи и своею дѣятельностію и безъ сомнѣнія болѣе существенными заслугами, потому что не прошло и двухъ лѣтъ, со времени вступленія его въ должность — правленіе Компаніи выразило ему свою благодарность, подаривъ ему дорогую енотовую шубу, оцѣненную въ то время въ семьсотъ рублей.

Изъ воспоминаній того времени могу только вспомнить, что его сильно тревожила вынужденная, въ силу трактата съ Сѣверо-Американскимъ союзомъ, передача Сѣверо-Американцамъ основанной нами ко-

лоніи Россъ въ Калифорніи, которая могла быть для насъ твердой опорной точкой, для участія въ богатыхъ золотыхъ пріискахъ, столь прославившихся въ послѣдствіи. По случаю этой важной для Американской Компаніи мѣры, Рылѣевъ, какъ вравитель дѣлъ, вступилъ въ сношенія съ важными государственными сановниками, и въ послѣдствіи времени всегда пользовался ихъ расположеніемъ. Наиболѣе же благосклонности оказывали ему Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

Въ этомъ періодѣ времени, т. е. въ концѣ 1823 года или въ началѣ 1824 г., прибылъ въ Петербургъ Павелъ Ивановичъ Пестель, имѣвшій порученіе, отъ членовъ Южнаго Общества, войти въ сношенія съ членами Сѣвернаго, дабы условиться на счетъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ членовъ Союза: этотъ пріѣздъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на Рылѣева. Здѣсь нужно обратить вниманіе на замѣчательную личность Павла Ивановича Пестеля. Не имѣвъ случая сблизиться съ нимъ, я могу только высказать впечатлѣніе, имъ на меня произведенное. Павелъ Ивановичъ былъ въ то время полковникомъ и начальникомъ Вятскаго пѣхотнаго полка. Роста небольшаго, съ пріятными чертами лица, Павелъ Ивановичъ отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные, и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевныя мысли. Въ Южномъ Обществѣ онъ пользовался общимъ довѣріемъ и былъ избранъ, съ самаго основанія Общества, въ члены Верховной Думы. Его взглядъ на дѣйствія Общества и настоящую цѣль онаго соотвѣтствовалъ его умствен-

ному направленію, которое требовало во всемъ ясности, опредѣленной цѣли, и дѣйствій, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. *Русская правда*, имъ написанная, составляла программу, имъ предлагаемую для политическаго государственнаго устройства. Цѣль его поѣздки въ Петербургъ состояла въ томъ, чтобы согласить Сѣверное Общество на дѣйствія, сообразныя съ дѣйствіями Южнаго. Членами Верховной Думы въ Петербургѣ въ то время были: Трубецкой, Никита Михайловичъ Муравьевъ и я. На первомъ совѣщаніи съ нами, Павелъ Ивановичъ съ обычнымъ, увлекательнымъ даромъ слова объяснилъ намъ, что неопредѣленность цѣли и средствъ къ достиженію оной, давала Обществу характеръ столь неопредѣленный, что дѣйствія каждаго члена отдѣльно терялись въ напрасныхъ усиліахъ, между тѣмъ, какъ бывъ направлены къ впредѣленной и ясно признанной цѣли, могли бы служить къ скорѣйшему достиженію оной. Эта мысль была для насъ не новою: давно уже въ совѣщаніяхъ нашихъ она была обсуживаема и составляла предметъ думы каждаго изъ насъ, но не была еще облечена въ опредѣленную форму. Предложеніе Павла Ивановича представляло эту форму и было привлекательно, какъ плодъ долгихъ, личныхъ соображеній ума свѣтлаго и въ особенности украшеннаго его убѣдительнымъ даромъ слова. Трудно было устоять противъ такой обаятельной личности, какъ Павелъ Ивановичъ. Но при всемъ достоинствѣ его ума и убѣдительности слова, каждый изъ насъ чувствовалъ, что единожды принявъ предложеніе Павла Ивановича, каждый долженъ отказаться отъ собственнаго убѣжденія и, подчинившись ему, итти по пути, указанному имъ.

Кромѣ того мы не могли дать рѣшительнаго отвѣта, не предложивъ его сначала членамъ Общества, наиболѣе облеченнымъ довѣріемъ общимъ. Многіе изъ нихъ были въ отсутствіи, и потому мы отложили рѣшительный отвѣтъ до того времени, когда представится возможность сообщить предложеніе тѣмъ, которыхъ довѣренность насъ поставила на занимаемое нами мѣсто. Павелъ Ивановичъ, познакомившись чрезъ насъ съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ, сблизился съ нимъ и, открывъ ему свои задушевныя мысли, привлекъ его къ собственному воззрѣнію на цѣль Общества и на средства къ достиженію оной. Кажется, это сближеніе имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія политическія дѣйствія Рылѣева. Вскорѣ послѣ отъѣзда Пестеля, князь Трубецкой былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 5-го пѣхотнаго корпуса, котораго главная квартира находилась въ Кіевѣ. На его мѣсто былъ избранъ членомъ Думы Кондратій Ѳедоровичъ.

Къ этому же времени, т. е. къ половинѣ 1824 года, должно отнести грустное событіе, въ коемъ Рылѣевъ принималъ участіе какъ свидѣтель, и которое грустно отозвалось въ обществѣ того времени. Это была — дуэль между офицеромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Черновымъ и лейбъ-гв. Гусарскаго Новосильцовымъ. Оба были юноши съ небольшимъ 20-ти лѣтъ, но каждый изъ нихъ былъ поставленъ на двухъ, почти противоположныхъ, ступеняхъ общества. Новосильцовъ — потомокъ Орловыхъ, по богатству, родству и связямъ принадлежалъ къ высшей аристократіи. Черновъ, сынъ бѣдной помѣщицы Аграфены Ивановны Черновой, жившей вблизи

села Рожествина въ маленькой своей деревушкѣ, принадлежалъ къ разряду тѣхъ офицеровъ, которые, получивъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, выходятъ въ армію. Переводомъ своимъ въ гвардію онъ былъ обязанъ новому составу Л. Гв. Семеновскаго полка, въ который вошло по цѣлому баталіону изъ полковъ: Императора Австрійскаго, Короля Прусскаго и Графа Аракчѣева. Между тѣмъ у Аграфены Ивановны Черновой была дочь замѣчательной красоты. Не помню по какому случаю Новосильцовъ познакомился съ Аграфеной Ивановной, былъ пораженъ красотою ея дочери и, послѣ немногихъ недѣль знакомства, рѣшился просить ея руки. Согласіе матери и дочери было полное. Новосильцовъ и по личнымъ достоинствамъ и по наружности могъ и долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на дѣвицу, жившую вдали отъ высшаго, блестящаго круга. Получивъ согласіе ея матери, Новосильцовъ обращался съ дѣвицей Черновой, какъ съ нареченной невѣстой, ѣздилъ съ нею одинъ въ кабріолетѣ по ближайшимъ окрестностямъ, и въ обращеніи съ нею находился на той степени сближенія, которая допускается только жениху съ невѣстой. Въ порывѣ первыхъ дней любви и очарованія онъ забылъ, что у него есть мать, Екатерина Владиміровна, рожденная графиня Орлова, безъ согласія коей онъ не могъ и думать о женитьбѣ. Скоро однакожъ онъ опомнился, написалъ къ матери и, какъ можно было ожидать, получилъ рѣшительный отказъ и строгое приказаніе, немедленно прекратить всѣ сношенія съ невѣстой и ея семействомъ. Разочарованіе ли въ любви или боязнь гнѣва матери, но только Новосильцовъ, по полученіи письма, не

долго думалъ: простился съ невѣстой, съ обѣщаніемъ возвратиться скоро, и съ того времени прекратилъ съ нею всѣ сношенія. Кондратій Ѳедоровичъ былъ связанъ узами родства съ семействомъ Черновыхъ. Чрезъ брата невѣсты онъ зналъ всѣ отношенія Новосильцова къ его сестрѣ. Послѣ долгихъ ожиданій, въ надеждѣ, что Новосильцовъ обратится къ нареченной своей невѣстѣ, видя наконецъ что онъ совершенно ее забылъ и видимо ею пренебрегаетъ, Черновъ, послѣ соглашенія съ Рылѣевымъ, обратился къ нему сначала письменно, а потомъ лично съ требованіемъ, чтобы Новосильцовъ объяснилъ причины своего поведенія въ отношеніи его сестры. Отвѣтъ сначала былъ уклончивый, потомъ съ обѣихъ сторонъ было сказано, можетъ быть, нѣсколько оскорбительныхъ словъ и наконецъ назначена была дуэль, по вызову Чернова, переданному Новосильцову Рылѣевымъ. День назначенъ — противники сошлись — шаги размѣрены — сигналъ поданъ — оба обратились лицемъ другъ къ другу — оба спустили курки и оба пали смертельно раненые — обоихъ отвезли приближенные въ свои квартиры — Чернова въ скромную офицерскую квартиру Семеновскаго полка, Новосильцова въ домъ родственниковъ. Рылѣевъ былъ секундантомъ Чернова и не отходилъ отъ его страдальческаго ложа. Близкая смерть положила конецъ враждѣ противниковъ. Каждый изъ нихъ горячо заботился о состояніи другаго. Врачи не давали надежды ни тому, ни другому. Еще день, много два, и неизбѣжная смерть должна была кончить юную жизнь каждаго изъ нихъ. Оба приготовились къ смертному часу. По близкой дружбѣ съ Рылѣевымъ я и многіе

другіе приходили къ Чернову, чтобы выразить ему сочувствіе къ поступку благородному, въ которомъ онъ, вступясь за честь сестры, палъ жертвою того грустнаго предразсудка, который велитъ кровью омыть запятнанную честь. Предразсудокъ общій, чуждый духа христіанскаго! Имъ ни честь не возстановляется и ничто не разрѣшается, но удовлетворяется только общественное мнѣніе, которое съ недовѣрчивостію смотритъ на того, кто рѣшается не подчиниться общему закону. Свѣжо еще у меня въ памяти мое грустное посѣщеніе. Вхожу въ небольшую переднюю; меня встрѣтилъ Рылѣевъ. Онъ вошелъ къ страдальцу и сказалъ о моемъ приходѣ; я вошелъ и, признаюсь, совершенно потерялся отъ сильнаго чувства, возбужденнаго видомъ юноши, такъ рано обреченнаго на смерть; кажется, я взялъ его руку и спросилъ: какъ онъ себя чувствуетъ? На вопросъ отвѣта не было; но послѣдовалъ другой, который меня смутилъ: много лестныхъ словъ, незаслуженныхъ мною (я лично не былъ знакомъ съ Черновымъ) сказалъ мнѣ умирающій. Въ избыткѣ сердечнаго чувства, молча пожалъ я ему руку, сказалъ ему то, что сердцемъ выговорилось въ этотъ торжественный часъ, хотѣлъ его обнять, но не смѣлъ коснуться его, чтобы не растревожить его раны и ушелъ въ грустномъ раздумьи. За мною вошелъ Александръ Ивановичъ Якубовичъ, одинъ изъ кавказскихъ героевъ, раненый пулею въ лобъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для излеченія отъ раны, выдержавшій операцію черепной кости, и громко прославленный во многихъ кругахъ за его смѣлый, отважный характеръ, за многія доблестныя качества, свидѣтель-

ствованныя боевою кавказскою жизнію. Онъ былъ членомъ Общества. По своему обыкновенію, Александръ Ивановичъ сказалъ Чернову рѣчь; отвѣтъ Чернова былъ скроменъ въ отношеніи къ себѣ, но онъ умѣлъ сказать Якубовичу то слово, которое коснулось тонкой струны боеваго сердца нашего Кавказца. Онъ вышелъ отъ него со слезою на глазахъ, и мы молча пожали другъ другу руки. Скоро не стало Чернова; мирно отошелъ онъ въ вѣчность. Въ тоже время не стало и Новосильцова. Мать и родные услаждали его послѣднія минуты. Убитая горемъ, мать приняла его послѣднее дыханіе. Она же проводила, съ немногими близкими, его гробъ, послѣднее жилище единственнаго любимаго сына, единственной ея надежды на земную радость, въ родовой склепъ. Мать Чернова не знала о горестной судьбѣ возлюбленнаго сына. Кажется, онъ не желалъ, чтобы сообщили ей и въ особенности сестрѣ то грустное событіе, котораго исходъ былъ такъ близокъ и такъ неизбѣженъ. Многіе и многіе собрались утромъ назначеннаго для похоронъ дня ко гробу безмолвнаго уже Чернова. Товарищи вынесли его и понесли въ церковь. Длинной вереницей тянулись и знакомые и незнакомые, пришедшіе воздать послѣдній долгъ умершему юношѣ. Трудно сказать, какое множество провожало гробъ до Смоленскаго кладбища. Все, что мыслило, чувствовало, соединилось тутъ въ безмолвной процессіи и безмолвно выразило сочувствіе къ тому, кто собою выразилъ идею общую, каждымъ сознаваемую и сознательно и безсознательно, идею о защитѣ слабаго противъ сильнаго, скромнаго противъ гордаго. Такъ здѣсь мыслятъ на землѣ, съ

земными помыслами! Высшій судъ, испытующій сердца, можетъ быть видитъ иначе; можетъ быть тамъ на небесахъ давно уже соединилъ узами общей, вѣчной любви тѣхъ, которые здѣсь примириться не могли.

Во второй половинѣ 1822 года родилась у Рылѣева мысль изданія альманаха, съ цѣлію обратить предпріятіе литературное въ коммерческое. Цѣль Рылѣева и товарища его въ предпріятіи, Александра Бестужева, состояла въ томъ, чтобы дать вознагражденіе труду литературному, болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившіе себя занятіямъ умственнымъ. Часто ихъ единственная награда состояла въ томъ, что они видѣли свое имя напечатанное въ издаваемомъ журналѣ; сами же они, пріобрѣтая славу и извѣстность, терпѣли и голодъ и холодъ, и существовали или отъ получаемаго жалованья, или отъ собственныхъ доходовъ съ имѣній или капиталовъ. Предпріятіе удалось. Всѣ литераторы того времени согласились получить вознагражденіе за статьи, отданныя въ альманахъ: въ томъ числѣ находился и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. *Полярная Звѣзда* имѣла огромный успѣхъ и вознаградила издателей не только за первоначальныя издержки, но доставила имъ чистой прибыли отъ 1500 руб. до 2000 рублей.

Такимъ образомъ начался 1825 годъ, который встрѣченъ былъ нами съ улыбкою радости и надежды. Я встрѣтилъ его дома, въ семьѣ родной. Получивъ 28ми дневный отпускъ, я воспользовался имъ, чтобы возобновить прерванныя сношенія со многими изъ членовъ Общества, переѣхавшими по обязанностямъ службы въ Москву. Исполнивъ эту цѣль моей

поѣздки и утѣшившись ласками престарѣлаго родителя и милыхъ сестеръ, я возвратился въ концѣ января въ Петербургъ. Я нашелъ Рылѣева еще занятаго изданіемъ альманаха; а по дѣламъ Общества всё находилось въ какомъ то затишьѣ. Многіе изъ первоначальныхъ членовъ находились вдали отъ Петербурга. Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ за границей, Иванъ Ивановичъ Пущинъ переѣхалъ въ Москву, кн. Сергѣй Петровичъ Трубецкій былъ въ Кіевѣ, Михайло Михайловичъ Нарышкинъ былъ также въ Москвѣ*). Такимъ образомъ наличное число членовъ Общества въ Петербургѣ было весьма ограничено. Вновь принятые были еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы вполнѣ развить собою цѣль и намѣренія Общества, и потому они могли только приготовляться къ будущей дѣятельности чрезъ постоянное, взаимное сближеніе и обоюдный обмѣнъ мыслей и чувствъ въ извѣстные, періодически-назначенные дни для частныхъ совѣщаній. Такъ незамѣтно протекалъ 1825 годъ. Помню изъ этаго времени появленіе Каховскаго, бывшаго офицера Лейбъ-Гренадерскаго полка, вышедшаго въ отставку по неудовольствію съ командиромъ полка, и пріѣхавшаго въ Петербургъ по какимъ-то семейнымъ дѣламъ. Рылѣевъ былъ съ нимъ знакомъ, узналъ его короче и, находя въ немъ душу пылкую, принялъ его въ члены Общества. Лично я его мало зналъ, но по отзыву Рылѣева мнѣ извѣстно, что онъ высоко цѣнилъ его душевныя

*) Въ Москвѣ имѣли также пребываніе: Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, Павелъ Ивановичъ Колошинъ.

качества. Онъ видѣлъ въ немъ втораго Занда. Знаю также, что Рылѣевъ ему много помогалъ въ средствахъ къ жизни и не щадилъ для него своего кошелька.

Къ этому времени, т. е. къ началу осени 1825 г., въ слѣдствіе ли темнаго, неразгаданнаго предчувствія, или въ слѣдствіе думъ, постоянно обращенныхъ на одинъ и тотъ же предметъ, возникло во мнѣ самомъ сомнѣніе, довольно важное для внутренняго моего спокойствія. Я его сообщилъ Рылѣеву. Оно состояло въ слѣдующемъ: я спрашивалъ самаго себя, имѣемъ ли мы право, какъ частные люди, составляющіе едва замѣтную единицу въ огромномъ большинствѣ населенія нашего отечества, предпринимать государственный переворотъ, и свой образъ воззрѣнія на государственное устройство налагать почти насильно на тѣхъ, которые, можетъ быть, довольствуясь настоящимъ, не ищутъ лучшаго; если же ищутъ и стремятся къ лучшему, то ищутъ и стремятся къ нему путемъ историческаго развитія? Эта мысль долго мнѣ не давала покоя, въ минуты и часы досуга, когда мысль проходитъ процессъ самоиспытанія. Можетъ быть, она родилась во мнѣ въ слѣдствіе слова, даннаго нами Пестелю и рѣшенія, принятаго нами воспользоваться или перемѣною царствованія, или другимъ важнымъ политическимъ событіемъ, для исполненія окончательной цѣли Союза, т. е. для государственнаго переворота тѣми средствами, которыя будутъ готовы къ тому времени.

Сообщивъ свою думу Рылѣеву, я нашелъ въ немъ жаркаго противника моему воззрѣнію. Его возраженія были справедливы. Онъ говорилъ, что идеи не подлежатъ законамъ большинства или меньшинства;

что онѣ свободно рождаются и свободно развиваются въ каждомъ мыслящемъ существѣ; далѣе, что онѣ сообщительны, и если клонятся къ пользѣ общей, если онѣ не порожденія чувства себялюбиваго или своекорыстнаго, то суть только выраженіе нѣсколькими лицами того, что большинство чувствуетъ, но не можетъ еще выразить. Вотъ почему онъ полагалъ себя въ правѣ говорить и дѣйствовать въ смыслѣ цѣли Союза, какъ выраженіе идеи общей, еще не выраженной большинствомъ, въ полной увѣренности, что едва эти идеи сообщатся большинству, оно ихъ приметъ и утвердитъ полнымъ своимъ одобреніемъ. Доказательствомъ сочувствія большинства онъ приводилъ безчисленные примѣры общаго и частнаго неудовольствія на притѣсненія, несправедливости, и частныя и проистекающія отъ высшей власти; наконецъ приводилъ примѣры свободолюбивыхъ идей, развившихся почти самобытно въ нѣкоторыхъ лицахъ какъ купеческаго, такъ и мѣщанскаго сословія, съ коими онъ бывалъ въ личныхъ сношеніяхъ. Чувствуя и цѣня справедливость его возраженій, я понималъ однакожъ, что если идеи истины, свободы, правосудія составляютъ необходимую принадлежность всякаго мыслящаго существа, и потому доступны и понятны каждому, то форма ихъ выраженія или выраженіе ихъ въ поступкѣ подлежитъ нѣкоторымъ общимъ законамъ, которые должны быть выраженіемъ одной общей идеи. Бѣднякъ по чувству справедливости можетъ сказать богатому: удѣли мнѣ часть своего богатства. Но если онъ, получивъ отказъ, рѣшится, потому же чувству правды, отнять у него эту часть силою, то своимъ поступкомъ онъ нарушитъ

самую идею справедливости, которая въ немъ возникла при чувствѣ своей бѣдности. Я понималъ также, что государственное устройство есть выраженіе или осуществленіе идей свободы, истины и правды; но форма государственнаго устройства зависитъ не отъ теоретическаго воззрѣнія, но отъ историческаго развитія народа, глубоко лежащаго въ общемъ сознаніи, въ общемъ народномъ сочувствіи. Я смутно понималъ также, что кромѣ законовъ уголовныхъ, гражданскихъ и государственныхъ, какъ выраженія идей свободы, истины и правды, въ государственномъ устройствѣ должно быть выраженіе идеи любви, высшей, связующей всѣхъ въ одну общую семью. Ея выраженіе есть Церковь. Много и долго спорили мы съ Рылѣевымъ или, лучше сказать, обмѣнивались мыслями, чувствами и воззрѣніями. Ежедневно, въ продолженіи мѣсяца или болѣе, или онъ заѣзжалъ ко мнѣ или я приходилъ къ нему, и въ бесѣдѣ другъ съ другомъ проводили мы часы и разставались, когда уже утомлялись отъ долгой и поздней бесѣды. Въ этихъ ежедневныхъ бесѣдахъ вопросы были и философскіе и религіозные. Но послѣ многихъ отступленій, Рылѣевъ приходилъ къ темѣ, заданной мною сначала. Я видѣлъ, что онъ понималъ ее, какъ охлажденіе съ моей стороны къ дѣлу Общества и потому его усилія клонились къ тому, чтобы не допускать меня до охлажденія.

Между тѣмъ въ тайнахъ высшихъ судебъ приготовлялось событіе грустное, о которомъ никто изъ насъ не помышлялъ, и которое поразило насъ, какъ поражаетъ громовой ударъ при безоблачномъ небѣ. Императоръ Александръ Павловичъ приготовлялся къ

путешествію на югъ. Много слуховъ было тогда о причинахъ его путешествія. Между прочимъ говорили, что онъ готовилъ себѣ мѣсто успокоенія отъ царственныхъ трудовъ въ Таганрогѣ, гдѣ ему приготовляли дворецъ и гдѣ онъ думалъ, съ добродѣтельной супругой, Елисаветой Алексѣевной, послѣ отреченія отъ престола, поселиться въ глубокомъ уединеніи и посвятить остатокъ дней покою и тишинѣ. Много признаковъ утомленія отъ царственныхъ трудовъ и глубокаго потрясенія лучшихъ силъ души давно уже видимо было не только тѣмъ, которые были близки къ его особѣ, но и намъ, занимавшимъ мѣста низшія въ правительственной іерархіи.

Раскасированіе стараго Семеновскаго полка, наиболѣе имъ любимаго, первое потрясло его вѣру въ преданность къ его особѣ тѣхъ полковъ гвардіи, въ любви которыхъ онъ былъ наиболѣе увѣренъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ убѣжденъ, что причина явнаго неповиновенія полка не заключалась единственно въ мѣлкихъ притѣсненіяхъ полковника Шварца, въ его неумѣніи обращаться съ солдатами, въ его желаніи унизить духъ солдатъ и офицеровъ, но въ дѣйствіи Тайнаго Общества, коего членами онъ полагалъ многихъ офицеровъ стараго Семеновскаго полка. Въ этомъ онъ ошибался.

Сколько мнѣ извѣстно, изъ офицеровъ, бывшихъ въ то время при полку, членомъ Общества и однимъ изъ первыхъ его основателей былъ Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ. Кромѣ его я не зналъ никого. Слѣдствіе, которое было сдѣлано, не раскрыло ничего, кромѣ всѣмъ извѣстнаго обращенія полковника Шварца съ солдатами и офицерами, и противодѣйствія сихъ

послѣднихъ тѣмъ благороднымъ обращеніемъ съ ввѣренными имъ нижними чинами, которое само собою, безъ всякаго возмутительнаго начала, являло солдатамъ полковника Шварца въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Съ того времени можно было замѣтить, какъ вкралось недовѣріе въ сердце императора къ любимому имъ войску. Многіе думали и говорили, что въ немъ преобладала фрунтоманія. Съ этимъ мнѣніемъ я несовершенно согласенъ. Я весьма понимаю то возвышенное чувство, которое ощущаетъ всякій военный при видѣ прекраснаго войска, какимъ была и всегда будетъ гвардія, стройно движущаяся по мановенію начальника. Тутъ соединяется и стройность движеній, и тишина, и та самоувѣренность каждаго, движущагося безмолвно въ этомъ строю, которая являетъ собою невидимую, несокрушимую силу и бодрость душевную, составляющія украшеніе человѣка. Это чувство могъ раздѣлять и раздѣлялъ императоръ Александръ при видѣ своего войска. На ежедневныхъ его посѣщеніяхъ развода, въ манежѣ, онъ искалъ не отличнаго фрунтоваго образованія, но тотъ духъ, коимъ одушевлялось войско. Подъѣзжая къ фронту и ожидая отвѣта на сердечный привѣтъ: „здорово, ребята,“ онъ въ одушевленномъ: „здравія желаемъ, ваше императорское величество“, слышалъ или голосъ полный любви неподдѣльной, или какой то полухолодный отвѣтъ, который болѣзненно отзывался въ его любящей душѣ. Онъ былъ счастливъ, если слышалъ первый — и всѣмъ былъ доволенъ. Тогда и министры принимались съ докладами, и ихъ доклады всегда счастливо проходили; и ученіе развода, хотя съ ошибками, сходило съ рукъ хорошо. Это на-

строеніе въ особенности замѣтно стало въ послѣдніе годы его жизни. Помню весьма хорошо послѣдній Петергофскій праздникъ 1825 года. Императоръ, проѣзжая по парку, встрѣтилъ рядоваго лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, который, нечаянно увидѣвъ государя выѣзжавшаго изъ-за кустовъ, сталъ во фронтъ по солдатскому обычаю и, не дожидаясь царскаго привѣта, громко и одушевленно воскликнулъ: „здравія желаю, ваше императорское величество.“ Государь спросилъ его имя и велѣлъ немедленно произвесть въ унтеръ-офицеры. Заслуга рядоваго состояла единственно въ чувствѣ, которое онъ умѣлъ выразить. Изъ этаго примѣра можно видѣть, какъ высоко цѣнилъ это чувство императоръ Александръ.

Довольно трудно выразить, но не трудно понять и почувствовать тому, кто самъ служилъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ солдатами, сколько истины въ этихъ натурахъ, еще неиспорченныхъ воспитаніемъ свѣтскимъ, неизнѣженныхъ роскошію. Взявъ каждаго отдѣльно, можно найти въ немъ и лукавство, весьма естественное въ подчиненномъ, который въ начальникѣ видитъ не своего друга, но по большей части судью или безотвѣтственнаго начальника. Но въ строю, въ то время, когда ничто не возмущаетъ его чистыхъ побужденій, его голосъ есть голосъ истины, выражаемой всегда ея неподдѣльнымъ одушевленіемъ къ тому лицу, которое заслужило его довѣріе. Тутъ видно и чувство народное, выражаемое просто, но явственно слышимое тѣми, которые прислушиваются къ нему. Такъ понималъ я императора Александра въ его ежедневныхъ отношеніяхъ къ любимому имъ войску.

Но обратимся къ его поѣздкѣ въ Таганрогъ и къ первому извѣстію о его болѣзненномъ состояніи послѣ поѣздки въ Крымъ. Кто могъ помышлять, при легкихъ припадкахъ лихорадки крымской, что болѣзнь опасна и поведетъ къ скорому концу? Телеграфовъ тогда еще не существовало, и потому мы спокойно ожидали дальнѣйшихъ извѣстій, которыя однако жъ не замедлили придти, съ характеромъ угрожающимъ. Тогда начались молебствія въ церквахъ о здравіи государя и, кажется, во время втораго молебствія въ Зимнемъ Дворцѣ пришло извѣстіе о его смерти — и молебствіе обратилось въ торжественную паннихиду. За тѣмъ провозглашенъ былъ императоромъ Константинъ Павловичъ, и на другій день вся гвардія и всѣ верховныя власти принесли ему присягу.

Наканунѣ присяги всѣ наличные члены Общества собрались у Рылѣева. Всѣ единогласно рѣшили, что ни противиться восшествію на престолъ, ни предпринять что либо рѣшительное въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того положено было, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго императора, дѣйствія Общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своимъ домамъ, чувствуя, что на долго, а можетъ быть и навсегда, отдалилось осуществленіе лучшей мечты нашей жизни! На другой же день вѣсть пришла о возможномъ отреченіи отъ престола новаго императора. Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ и завѣщаніе покойнаго и вѣроятное вступленіе на престолъ великаго князя Николая Павловича. Тутъ всё пришло въ движеніе и вновь надежда на успѣхъ блеснула во всѣхъ сердцахъ.

Не стану разсказывать о ежедневныхъ нашихъ

совѣщаніяхъ, о дѣятельности Рылѣева, который, вопреки болѣзненному состоянію (у него открылась въ это время жаба), употреблялъ всю силу духа на исполненіе предначертаннаго намѣренія — воспользоваться перемѣною царствованія для государственнаго переворота.

Дѣйствія Общества и каждаго изъ членовъ обнародованы въ докладѣ Коммиссіи и въ сентенціи Верховнаго Уголовнаго Суда. Нельзя отрицать истины, выраженной фактами, но по совѣсти могу и долженъ сказать, что и въ горячешномъ бреду человѣкъ говоритъ то, чего послѣ не помнитъ: такъ и тутъ. Всё, что было сказано въ минуты, когда воображеніе, увлекаемое сильно-восторженнымъ чувствомъ, выговаривало въ порывѣ увлеченія, не можетъ и не должно быть принято за истину. Но Верховный Судъ не могъ быть тайнымъ свидѣтелемъ того, что происходило на совѣщаніяхъ, не могъ вникать въ нравственное состояніе каждаго. Онъ произносилъ приговоръ надъ фактомъ, а фактъ былъ неопровержимъ. Покроемъ завѣсою прошедшее!

Насталъ день 14 декабря. Рано утромъ я былъ у Рылѣева: онъ давно уже бодрствовалъ. Условившись въ дѣйствіяхъ дальнѣйшихъ, я отправился къ себѣ домой, по обязанностямъ службы. Прибывъ на площадь вмѣстѣ съ приходомъ Московскаго полка, я нашелъ Рылѣева тамъ. Онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь, и готовился стать въ ряды солдатскіе. Но вскорѣ нужно было ему отправиться въ Лейбъ-Гренадерскій полкъ, для ускоренія его прихода. Онъ отправился по назначенію, исполнилъ порученіе; но съ тѣхъ поръ я уже его не видалъ. Много пере-

чувствовалось въ этотъ знаменательный день; многое осталось запечатлѣннымъ въ сердечной памяти чертами неизгладимыми. Я и многіе со мною изъявляли мнѣніе противъ мѣръ, принятыхъ въ этотъ день Обществомъ, но необходимость близкая, неотвратимая, заставила отказаться отъ нравственнаго убѣжденія въ пользу дѣйствія, къ которому готовилось Общество въ продолженіи столькихъ лѣтъ. Не стану говорить о возможности успѣха: едва ли кто изъ насъ могъ быть въ этомъ убѣжденъ! Каждый надѣялся на случай благопріятный, на неожиданную помощь, на то, что называется счастливой звѣздой; но, при всей невѣроятности успѣха, каждый чувствовалъ, что обязанъ Обществу исполнить данное слово, — обязанъ исполнить свое назначеніе, и съ этими чувствами, этими убѣжденіями въ неотразимой необходимости дѣйствовать, каждый сталъ въ ряды. Дѣйствія каждаго извѣстны.

15 декабря я былъ уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Послѣ долгаго, томительнаго дня, наконецъ я остался одинъ. Это первое отрадное чувство, которое я испыталъ въ этотъ долгій, мучительный день. И Рылѣевъ былъ тамъ же; но я этаго не зналъ. Моя комната была отдалена отъ всѣхъ прочихъ номеровъ; её называли офицерскою. Особый часовый стоялъ на стражѣ у моихъ дверей. Нѣмая прислуга, нѣмые приставники: всё покрывалось мракомъ неизвѣстности. Но изъ вопросовъ Коммиссіи я долженъ былъ убѣдиться, что и Рылѣевъ раздѣляетъ общую участь. Первая вѣсть мною отъ него получена была 21 января; при чтеніи этихъ немногихъ строкъ радость моя была неизъяснима. Теплая душа Рылѣева не переставала любить горячо, искренно; много отрады

было въ этомъ чувствѣ. Я не могъ отвѣчать ему; я не имѣлъ искуства уберечь перо, чернилы, бумагу; послѣдняя всегда была номерована; перо, чернилица — въ одномъ экземплярѣ; ни посудки для чернилъ, ни мѣста, куда бы спрятать: всё такъ было открыто въ моей комнатѣ, что я не находилъ возможности спрятать что-нибудь.

Что скажу я о дняхъ, проведенныхъ въ заключеніи, подъ гнётомъ воспоминаній еще свѣжихъ, страстей, еще не утихшихъ, вопросовъ Коммиссіи, непрестанно-возобновляемыхъ, опасеній за близкихъ сердцу, страха — однимъ лишнимъ словомъ въ отвѣтѣ не прибавить лишняго горя тому, до кого коснется это слово; всё это было въ первый періодъ заключенія. Постепенно вопросы сдѣлались рѣже, личный вызовъ въ Коммиссію прекратился, тишина водворялась постепенно въ душѣ; новый свѣтъ проникалъ въ нее, озарялъ её въ самыхъ темныхъ ея изгибахъ, гдѣ хранится тотъ итогъ жизни мыслящей, чувствующей, дѣйствующей, который составился со дней немыслящей юности до времени мыслящаго мужа. Съ чѣмъ сравню этотъ свѣтъ и какъ достойно восхвалю его? Слабый образъ его есть восходящее солнце, которое, восходя изъ невидимой глубины небесной, освѣщаетъ сначала верхи горъ и едва замѣтными лучами касается долины; постепенно возвышаясь, лучи его постепенно дѣлаются ярче, постепенно ими освѣщаются и всѣ горы, и ярче и теплѣе освѣщаются долины, гдѣ растѣнія нѣжныя постепенно привыкаютъ къ его живительной теплотѣ, и открываютъ его лучамъ свои сомкнутыя чашечки, вдыхая въ себя его живительную силу. Такъ и свѣтъ евангельской исти-

ны освѣтилъ сначала тѣ черты жизни и характера, которыя рѣзко обозначались въ глубинѣ самопознанія. Постепенно проникая далѣе, свѣтъ евангельскій, лучами теплыми любви вѣчной, полной, совершенной, озарялъ, согрѣвалъ, оживлялъ всё то, что въ самосознаніи способно было принять его свѣтъ, вдохнуть въ себя его теплоту, раскрыться для принятія его живительной теплоты, его живительной силы. Такимъ образомъ протекали дни за днями, недѣли за недѣлями. Открылась весна, наступило начало лѣта — и намъ, узникамъ, позволено было пользоваться воздухомъ въ маломъ саду, устроенномъ внутри Алексѣевскаго равелина. Часы прогулки распредѣлялись поровну на всѣхъ узниковъ: ихъ было много, и потому не всякій день каждый пользовался этимъ удовольствіемъ.

Однажды добрый нашъ сторожъ приноситъ два кленовыхъ листа, и осторожно кладетъ ихъ въ глубину комнаты, въ дальній уголъ, куда не проникалъ глазъ часоваго. Онъ уходитъ, — я спѣшу къ завѣтному углу, поднимаю листы и читаю:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ:
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ криле ми голубине? —
Да полечу и почію.
Весь міръ, какъ смрадная могила:
Душа отъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила!
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ!
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души:
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши!

Кто пойметъ сочувствіе душъ, то невидимое соприкосновеніе, которое внезапно объемлетъ душу, когда нѣчто родное, близкое коснется ея, тотъ пойметъ и то́, что́ я почувствовалъ при чтеніи этихъ строкъ Рылѣева! То что мыслилъ, чувствовалъ Рылѣевъ — сдѣлалось моимъ: его болѣзнь сдѣлалась моею, его уныніе усвоилось мнѣ, его вопіющій голосъ вполнѣ отразился въ моей душѣ! Къ кому же могъ я обратиться съ новою моею скорбію, какъ не къ Тому, къ которому давно уже обращались всѣ мои чувства, всѣ тайные помыслы моей души? Я молился, — и кто можетъ изъяснить тайну молитвы? Если можно уподобить видимое невидимому, то скажу: цвѣтокъ, раскрывшій свою чашечку лучамъ солнечнымъ, едва вопьетъ ихъ въ себя, какъ издаетъ благоуханіе, которое слышно всѣмъ, приблизившимся къ цвѣтку. Неужели это благоуханіе, издаваемое цвѣткомъ, не впивается и лучемъ, которымъ оно было вызвано? Но если оно впивается лучемъ, то имъ же возносится къ тому Источнику, отъ коего получило начало! Такъ уподобляя видимое невидимому — сила любви вѣчной, коснувшись души, вызываетъ молитву, какъ благоуханіе, возносимое Тому, отъ кого получило начало! Кончилась молитва. У меня была толстая игла и нѣсколько клочковъ сѣрой, обверточной бумаги. Я накалывалъ долго, въ возможно-сжатой рѣчи, всѣ то́, что́ просилось подъ непокорное орудіе моего письма, и потрудившись около двухъ дней, успокоился душей и передалъ свою записку тому же доброму сторожу. Отвѣтъ не замедлилъ. Вотъ онъ:

„Любезный другъ! Какой безцѣнный даръ при-

слалъ ты мнѣ! — Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ Самъ Спаситель, котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я ему вчера молился со слезами. О! какая была эта молитва, какія были эти слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку, словомъ, за весь міръ! Давно ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь? Скажи мнѣ: чужое оно или твое? Ежели эта рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое оно или твое, но оно уже мое, такъ какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности духа и вещества.“

Радость моя была велика при полученіи этихъ драгоцѣнныхъ строкъ; но она была неполная, до полученія слѣдующихъ строфъ, писанныхъ также на кленовыхъ листахъ:

О, милый другъ! какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Спасителю, сей Истинѣ Верховной,
Всецѣло подчинить должны
Отъ полноты своей души
И міръ вещественный и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей;
Но онъ къ безсмертію стезя прямая;
И, благовѣствуя, речетъ о ней
Сама намъ истина святая!
Блаженъ, кого Отецъ нашъ изберетъ,
Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ!
Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ! —

Блаженъ, кто вѣдаетъ, что Богъ единъ —
И міръ, и истина, и благо наше!
Блаженъ, чей духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ христовой чашѣ!

Прямый мудрецъ: онъ жребій свой вознесъ;
Онъ предпочелъ небесное земному;
И, какъ Петра, ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому!

Душею чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ
Узритъ онъ край обѣтованный.

Это была послѣдняя, лебединая пѣснь Рылѣева. Съ того времени онъ замолкъ, и кленовые листы не являлись уже въ завѣтномъ углу моей комнаты.

Между тѣмъ Верховный Судъ оканчивалъ порученное ему дѣло. Насъ приводили, показывали подписанныя нами показанія. Я не зналъ, для чего меня спрашиваютъ; не зналъ, что вмѣсто слѣдствія Верховный Судъ уже окончательно рѣшилъ нашу участь; видѣлъ мои показанія; отвѣчалъ, что признаю ихъ за свои. Скоро насталъ день 9 іюля. Насъ собрали въ залы комендантскаго дома. Радость была велика при встрѣчѣ съ друзьями, съ коими такъ давно мы жили въ разлукѣ. Напрасно однако жъ я искалъ Рылѣева и прочихъ четверыхъ. Смутно я понималъ, что они избраны изъ среды насъ для чего то высшаго, нежели что предстояло намъ. Вошли мы въ залу. Знакомыя и незнакомыя лица сидѣли въ парадныхъ мундирахъ и безмолвно смотрѣли на насъ. Оберъ-прокуроръ громко прочелъ сентенціи каждаго изъ

насъ. Я выслушалъ свой приговоръ какъ то равнодушно. Въ эти минуты нѣтъ времени на размышленіе; и будущность, намъ предстоявшая, коснувшись слуха, не представляла никакаго яснаго понятія о ея истинномъ значеніи. Мы вышли и насъ повели обратно не въ прежній Алексѣевскій равелинъ. Мнѣ назначили пребываніе въ Кронверкской куртинѣ. Въ длинномъ и широкомъ корридорѣ указали мнѣ на дверь. Я взошелъ въ маленькую комнату, досчатой перегородкой отдѣленную отъ сосѣдняго нумера. Я удивился близкому сосѣдству, отъ котораго отвыкъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ. Вечеромъ на другій день приходитъ нашъ постоянный собесѣдникъ, постоянный утѣшитель, который съ первыхъ дней заключенія свято исполнялъ свой долгъ, какъ священникъ, какъ духовный отецъ, какъ единственный другъ заключенныхъ, Петръ Николаевичъ Мысловскій, протоіерей Казанскаго собора. Онъ зашелъ къ каждому, чтобы по возможности приготовить къ предстоящему исполненію приговора. Зная его скромность въ отношеніи тѣхъ предметовъ, которые не входили въ прямую его обязанность, какъ священника, я не смѣлъ спросить его сначала о предстоящей участи пятерыхъ, отдѣленныхъ отъ насъ и избранныхъ къ высшему испытанію.

Наконецъ передъ уходомъ я рѣшился спросить: что же будетъ съ ними? Когда онъ прямо отвѣчать не могъ, онъ отвѣчалъ всегда загадочно. Его послѣднія слова въ этотъ день были: *конфирмація-декорація*. Я понялъ, что испытаніе будетъ, но что оно кончится помилованіемъ. И онъ былъ въ этомъ убѣжденъ; и онъ надѣялся. Надежды не сбылись.

Вотъ послѣднее, предсмертное письмо Рылѣева къ его женѣ: „Богъ и государь рѣшили участь мою. Я долженъ умереть, и умереть смертію позорною. Письмо это, мой милый, мой безцѣнный другъ, отдастъ тебѣ духовный отецъ мой, протоіерей Петръ Николаевичъ Мысловскій. Онъ обѣщалъ мнѣ молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ, въ знакъ признательности, или лучше сказать, на память, потому что возблагодарить его можетъ одинъ Богъ за тѣ благодѣянія, которыя онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Не оставайся здѣсь долго; старайся кончить скорѣе дѣла свои; отправляйся къ почтеннѣйшей матушкѣ и проси её, чтобы она простила меня; равно всѣхъ проси о томъ же. К. И. и дѣтямъ ея кланяйся низко и скажи имъ, чтобы онѣ не роптали на меня за М. Б.; не я его вовлекъ въ общую бѣду; онъ самъ это засвидѣтельствуетъ.

„Я хотѣлъ просить свиданія съ тобою, но раздумалъ, боясь, чтобы не разстроить себя. Молю Бога за тебя, за Настиньку и за бѣдную сестру, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ ко мнѣ священникъ, мой другъ и благодѣтель, и причаститъ меня. Настиньку благословляю мысленно Нерукотвореннымъ Образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о ея воспитаніи; я желалъ бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее твои христіанскія чувства, и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни; а когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ его, какъ ты, мой милый, мой добрый,

неоцѣненный другъ, осчастливила меня въ продолженіи восьми лѣтъ. Могу ли я, мой другъ, благодарить тебя словами? Онѣ не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя вознаградитъ за всѣ! Почтеннѣйшей П. В. душевная, искренняя и усерднѣйшая моя благодарность. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ Его святая воля!“

Твой искренній другъ

Кондратій Рылѣевъ.

Настала полночь. Священникъ съ Святыми Дарами вышелъ отъ Кондратія Ѳедоровича, вышелъ и отъ Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, вышелъ и отъ Петра Каховскаго и отъ Михаила Бестужева-Рюмина. Пасторъ напутствовалъ Павла Ивановича Пестеля.

Я не спалъ; намъ велѣно было одѣваться; я слышалъ шаги, слышалъ шопотъ, но не понималъ ихъ значенія. Прошло нѣсколько времени, — слышу звукъ цѣпей. Дверь отворилась на противоположной сторонѣ корридора; цѣпи тяжело зазвенѣли. Слышу протяжный голосъ друга неизмѣннаго, Кондратія Ѳедоровича Рылѣева: *простите, простите, братья!* и мѣрные шаги удалились къ концу корридора. Я бросился къ окошку; начинало свѣтать; вижу взводъ Павловскихъ гренадеровъ и знакомаго мнѣ поручика Пильмана; вижу всѣхъ пятерыхъ, окруженныхъ гренадерами съ примкнутыми штыками. Знакъ поданъ и они удалились. И намъ сказано было выходить. И насъ повели тѣже гренадеры, и мы пришли на эспланаду передъ крѣпостію. Всѣ гвардейскіе полки были въ строю. Въ дали я видѣлъ пять висѣлицъ;

видѣлъ пятерыхъ избранниковъ, медленно приближающихся къ роковому мѣсту. Еще въ ушахъ моихъ звенѣли слова: „конфирмація-декорація“; еще надежда не оставляла меня. Съ нами скоро кончили: переломили шпаги, скинули мундиры и бросили въ огонь; потомъ, надѣвъ халаты, тѣмъ же путемъ повели обратно въ туже крѣпость. Я опять занялъ тотъ же нумеръ въ Кронверкской куртинѣ.

Избранныя жертву были готовы. Священникъ Петръ Николаевичъ былъ съ ними. Онъ подходитъ къ Кондратію Ѳедоровичу и говоритъ слово увѣщательное. Рылѣевъ взялъ его руку, поднесъ къ сердцу и говоритъ: „слышишь, отецъ? оно не бьется сильнѣе прежняго.“ Всѣ пятеро взошли на мѣсто казни — и казнь совершилась ...

Такъ пали пять жертвъ, избранныхъ среди насъ, какъ жертвы искупительныя за грѣхъ общій; какъ готовые, спѣлые грозды они упали на землю. Но не земля ихъ приняла, а Отецъ Небесный, который нашелъ ихъ достойными небесныхъ своихъ обителей. Они отошли въ вѣчность, предочищенные отъ всего земнаго въ горнилѣ скорбей, и внутреннихъ и внѣшнихъ, и принявъ смерть, приняли вмѣстѣ съ нею и вѣнецъ мученическій, который не отымется отъ нихъ во вѣки. Слава Господу Богу! ...

Князь Е. Оболенскій.

III.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ „ЗАПИСОКЪ Н. И. Г—ЧА.“

Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ, соучастникъ Пестеля, но самая рѣзкая ему противуположность ..... Небогатый дворянимъ, онъ воспитывался въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, выказывалъ съ дѣтства большую любознательность, училя хорошо чему учили въ корпусѣ, велъ себя порядочно, но былъ непокоренъ и дерзокъ съ начальниками, и съ намѣреніемъ подвергался наказаніямъ: его сѣкли нещадно; онъ старался выдерживать характеръ, не произносилъ ни жалобъ, ни малѣйшаго стона, и, ставъ на ноги, опять начиналъ грубить офицеру. Онъ былъ выпущенъ въ артиллерію, потомъ вышелъ въ отставку и былъ выбранъ дворянствомъ въ засѣдатели Петербургской Уголовной Палаты. Здѣсь онъ служилъ усердно и честно; всячески старался о смягченіи судьбы подсудимыхъ, особенно простыхъ, беззащитныхъ людей. Въ то же время былъ онъ правителемъ дѣлъ Правленія Россійской Американской Компаніи. Какъ я слышалъ отъ тогдашняго директора компаніи И. В. Прокофьева, онъ

въ началѣ своего служенія трудился ревностно и съ большею пользою, но потомъ охладѣлъ къ службѣ и *валилъ черезъ пень колоду* ..... На образъ мыслей кадета-Рылѣева имѣла сильное вліяніе „Сокращенная Библіотека“ *), составляемая для чтенія кадетъ учителемъ корпуса Желѣзниковымъ, который помѣщалъ въ ней цѣликомъ разные республиканскіе разсказы, описанія, рѣчи — изъ тогдашнихъ журналовъ ..... Рылѣевъ, котораго мы обыкновенно называли *Цвибелемъ*, былъ не формальный революціонеръ, а фанатикъ ..... Фанатизмъ силенъ и заразителенъ, и потому не удивительно, что мало-образованный Рылѣевъ успѣлъ увлечь за собою людей, которые были несравненно выше его не только по образованію, но даже и по уму, напримѣръ — Александра Бестужева. Однажды шли они вдвоемъ изъ засѣданія *Общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія*, и толковали, какимъ образомъ можетъ быть направлено это общество къ какой-либо высшей, практической цѣли. Тогда Рылѣевъ открылъ Бестужеву о замыслахъ нѣкоторыхъ, какъ онъ говорилъ, благородныхъ людей, имѣющихъ цѣлью преобразованіе Россіи, и взялъ съ него слово приступить къ этому союзу. Съ Николаемъ Тургеневымъ Рылѣевъ познакомился у меня 4 октября 1822 года, на празднованіи десятилѣтія „Сына Отечества“. Меня и многихъ изумило, что надутый аристократъ и гёттингенскій буршъ долго бесѣдовалъ съ плебеемъ и кадетомъ, который даже не говорилъ по французски. Могли ли мы воображать о

*) Сокращенная Библіотека въ пользу господамъ воспитанникамъ перваго кадетскаго корпуса. 3 части. Спб. 1800 — 1804.

чемъ они толкуютъ и чѣмъ покончитъ бѣдный *Цвибель!* Рылѣевъ сдѣлался двигателемъ и душею Тайнаго Общества, набиралъ членовъ, внушалъ имъ свои революціонныя идеи, писалъ сатирическія и возмутительныя стихи ..... 12-го декабря, на бывшемъ у него въ квартирѣ собраніи заговорщиковъ, онъ вынудилъ у нихъ согласіе взбунтовать войска и народъ 14-го числа, и потомъ, при слѣдствіи, самъ объявилъ, что былъ главнымъ двигателемъ, и если бы хотѣлъ, то могъ бы все остановить. 14-го декабря Рылѣевъ самъ не сражался на площади, но разъѣзжалъ повсюду, поощрялъ своихъ товарищей, призывалъ народъ къ возстанію ..... По окончаніи сраженія, Рылѣевъ скитался не знаю гдѣ, но къ вечеру пришелъ домой. У него собралось нѣсколько заговорщиковъ, дѣйствовавшихъ на площади, между прочими — баронъ Штейнгель. Они сѣли за столъ и закурили сигары. Булгаринъ, жестоко ошеломленный взрывомъ, о которомъ онъ имѣлъ темное предчувствіе, пришелъ къ нему часовъ въ восемь, и нашелъ всю компанію преспокойно сидящею за чаемъ. Рылѣевъ всталъ, отвелъ его въ переднюю и сказалъ: „Тебѣ здѣсь не мѣсто. Ступай домой! Я погибъ! Прости! Не оставляй жены моей и ребенка!“ Поцаловалъ его и выпровадилъ изъ дому. Онъ не только не истрашался смерти, но даже встрѣчалъ ее съ гордою радостью ..... Онъ былъ изъ числа тѣхъ трехъ несчастныхъ, которые сорвались съ петли и были повѣшены вторично. Говорятъ, онъ сказалъ притомъ: „И въ этомъ неудача!“

IV.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ М. А. Б—ВА.

Когда я, уже переведенный въ Московскій полкъ, жилъ по болѣзни у него (А. Бестужева) и Рылѣева на квартирѣ, вся наша дѣятельность была посвящена священной обязанности Тайнаго Общества: свиданія и толки были только съ членами; бо́льшая или меньшая довѣренность и сближеніе зависѣло отъ бо́льшей или меньшей дѣятельности и участія члена. Часто собирались и литераторы, читались разныя литературныя произведенія, были споры, сужденія, особенно въ эпоху перваго изданія „Полярной Звѣзды“; но въ этихъ столкновеніяхъ трудно было замѣтить пріязнь или дружбу одного къ другому. Знакомство его (А. Бестужева) съ домомъ Савицкихъ и фонъ-Дезина, равно какъ и сердечное участіе въ этихъ знакомствахъ вамъ, вѣроятно, уже извѣстны. Вѣроятно извѣстно также и то, что фонъ-Дезинъ, отказавшись отъ дуэли съ братомъ Александромъ, былъ прибитъ Рылѣевымъ на улицѣ хлыстомъ, и что это обстоятельство чуть не имѣло гибельныхъ результатовъ впо-

слѣдствіи для всѣхъ нашихъ товарищей, служившихъ на Кавказѣ, и что братъ Петръ все-таки поплатился сумасшествіемъ.

„Полярная Звѣзда“ на 1826 годъ предполагалась съ начала года 1825 быть изданною въ видѣ, составѣ и объемѣ предидущихъ годовъ. Когда же впослѣдствіи и въ особенности около декабря дѣла Тайнаго Общества усилились сношеніемъ съ Южнымъ Обществомъ; когда остающееся отъ служебныхъ обязанностей время было посвящено болѣе священной дѣятельности — братъ Александръ и Рылѣевъ рѣшились издать уже собранные матеріалы въ небольшомъ альманахѣ подъ названіемъ: „Звѣздочка“, котораго печатаніе къ 14 декабрю уже довольно подвинулось.

Въ дуэли Рылѣева съ женихомъ сестры его братъ Александръ былъ секундантомъ. Дуэль была ожесточенная, на близкой дистанціи. Пуля Рылѣева ударила въ стволъ пистолета его противника и отклонила выстрѣлъ, направленный прямо въ лобъ Рылѣева, въ пятку ноги.

V.

КАЗНЬ 14 ІЮЛЯ 1825 ГОДА.

(Со словъ присутствовавшаго по службѣ при казни.)

1825 года іюля 14 или 15 числа по опредѣленію Верховнаго Суда назначена была казнь для пятерыхъ преступниковъ, а для прочихъ 120 приговоръ по степени преступленія. Устройство эшафота производилось заблаговременно въ С. Петербургской городской тюрьмѣ подъ вѣдѣніемъ архитектора Гернея и полиціймейстера полковника Посникова. Наканунѣ этого роковаго дня санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ Кутузовъ производилъ опытъ надъ эшафотомъ въ тюрьмѣ, который состоялъ въ томъ: что бросали мѣшки съ пескомъ, вѣсомъ въ восемь пудовъ, на тѣхъ самыхъ веревкахъ, на которыхъ должны были быть повѣшены преступники; однѣ веревки были тоньше, другія толще. Генералъ-губернаторъ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, удостовѣрясь лично въ крѣпости веревокъ, опредѣлилъ употребить веревки тоньше, чтобы петли скорѣй затянулись. Конча этотъ опытъ, приказалъ полиціймейстру Посникову, разобравши по

частямъ эшафотъ, отправить въ разное время отъ 11 до 12 часовъ ночи на мѣсто казни въ Кронверкъ близь Петропавловской крѣпости. Эшафотъ былъ отправленъ на шести возахъ и неизвѣстно по какой причинѣ, вмѣсто шести возовъ, прибыли къ мѣсту назначенія: только пять возовъ, шестой главный, гдѣ находилась перекладина съ желѣзными кольцами пропалъ; потому въ туже минуту должны были дѣлать другой брусъ и кольца, что заняло время около 3 часовъ, и вмѣсто двухъ часовъ, казнь совершилась въ 5 часовъ утра.

Въ 12 часовъ ночи генералъ-губернаторъ и шефъ жандармовъ со своими штабами и прочія власти прибыли въ Петропавловскую крѣпость, куда прибыли и солдаты Павловскаго гвардейскаго полка, и сдѣлано было на площади противъ монетнаго двора каре изъ солдатъ, куда велѣно было вывести изъ казематовъ, гдѣ содержались преступники, всѣхъ 120 осужденныхъ, кромѣ пяти приговоренныхъ къ смерти. Изъ этого каре вызывали по именамъ и фамиліямъ, по разрядамъ преступленій, и отправляли тотчасъ на гласисъ, гдѣ ставили каждаго преступника противъ отряда солдатъ, къ которому онъ принадлежалъ по оружію, тоесть — кавалеристовъ противъ кавалеріи, пѣхотныхъ противъ пѣхоты, снимали съ нихъ мундиры, тутъ же жгли на кострахъ, и сломавъ на головѣ шпаги, которыя впрочемъ были подпилены, надѣвали на нихъ простые сѣрые кафтаны. По окончаніи всего, опять по одиночкѣ преступники были отведены въ казематы въ крѣпость, откуда они были посылаемы въ Шлисенбургъ по ночамъ въ продолженіе мѣсяца или около того, по два и по три за

одинъ разъ, такъ чтобы они въ дорогѣ не видались. 120 этихъ преступниковъ были введены въ каре, а пять осужденныхъ къ смерти въ тоже время ночью были отправлены изъ крѣпости подъ конвоемъ Павловскихъ солдатъ, при полиціймейстерѣ Чихачевѣ, въ Кронверкъ, на мѣсто казни. Эшафотъ уже строился въ кругу солдатъ. Преступники шли въ оковахъ: Каховскій шелъ впереди одинъ, за нимъ Бестужевъ подъ руку съ Муравьевымъ, потомъ Пестель съ Рылѣевымъ подъ руку же и говорили между собою по французски, но разговора нельзя было слышать. Проходя мимо строющагося эшафота, въ близкомъ разстояніи, хоть было еще темно, слышно было, что Пестель, смотря на эшафотъ, сказалъ: „C'est trop!“ Тутъ же ихъ посадили на траву въ близкомъ разстояніи, гдѣ они оставались самое короткое время. Такъ какъ эшафотъ не могъ быть готовъ скоро, то ихъ развели въ Кронверкѣ по разнымъ комнатамъ, и когда эшафотъ былъ готовъ, то они опять выведены были изъ комнатъ при сопутствіи священника. Полиціймейстеръ Чихачевъ прочиталъ сентенцію Верховнаго Суда, которая оканчивалась словами: „за такія злодѣянія повѣсить!“ Тогда Рылѣевъ, обратясь къ товарищамъ, сказалъ, сохраняя все присутствіе духа: „Господа, надо отдать послѣдній долгъ!“ и съ этимъ они пали всѣ на колѣни, глядя на небо, крестились. Рылѣевъ одинъ говорилъ — желалъ благоденствія Россіи ... Потомъ вставши, каждый изъ нихъ прощался со священникомъ, цалуя крестъ и руку его; при томъ Рылѣевъ твердымъ голосомъ сказалъ священнику: „батюшка, помолитесь за наши грѣшныя души; не забудьте моей жены и благословите мою

дочь!“ перекрестясь — взошелъ на эшафотъ, за нимъ послѣдовали прочіе, кромѣ Каховскаго, который упалъ на грудь священника, плакалъ и обнялъ его такъ сильно, что его съ трудомъ отняли. Они размѣщены были такъ:

1. ПЕСТЕЛЬ (съ правой стороны),
2. РЫЛѢЕВЪ,
3. МУРАВЬЕВЪ,
4. БЕСТУЖЕВЪ,
5. КАХОВСКІЙ.

При казни было два палача, которые надѣвали петлю сперва, а потомъ бѣлый колпакъ. На груди у нихъ была черная кожа, на которой было написано мѣломъ имя преступника; они были въ бѣлыхъ халатахъ, а на ногахъ были тяжелыя цѣпи. Когда все было готово, съ пожатіемъ пружины въ эшафотѣ, помостъ, на которомъ они стояли на скамейкахъ, упалъ и въ то же мгновеніе трое сорвались: Рылѣевъ, Пестель и Каховскій упали внизъ. У Рылѣева колпакъ упалъ и видна была окровавленная бровь и кровь за правымъ ухомъ, вѣроятно отъ ушиба. Онъ сидѣлъ скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота. Я къ нему подошелъ, онъ сказалъ: „какое несчастіе!“ Генералъ-губернаторъ, видя съ гласису, что трое упали, прислалъ адъютанта Башуцкаго, чтобы взяли другія веревки и повѣсили ихъ, что и было немедленно исполнено. Я былъ такъ занятъ Рылѣевымъ, что не обратилъ вниманія на остальныхъ оборвавшихся съ висѣлицы и не слыхалъ — говорили ли они что нибудь. Когда доска была опять поднята, то веревка Пестеля такъ была длинна, что онъ но-

сками доставалъ до помосту, что должно было продлить его мученіе, и замѣтно было нѣкоторое время, что онъ еще живъ. Въ такомъ положеніи они оставались полъ часа; докторъ, бывшій тутъ, объявилъ что преступники умерли. Тогда веревки обрѣзали и отнесли ихъ тутъ же на одну телѣгу и полиціймейстеръ Дершау отвезъ ихъ въ сарай Кронверка. Когда съ нихъ снимали петли, то слышаенъ былъ звукъ въ родѣ храпѣнія, вѣроятно отъ спертаго воздуха. Гдѣ они похоронены — неизвѣстно. Говорятъ, что тѣла съ гирями спустили въ морѣ на островѣ Голодай. *) Зрѣлище это на близко-присутствующихъ имѣло сильное вліяніе: архитекторъ Герней умеръ черезъ мѣсяцъ отъ горячки, полиціймейстеръ Посниковъ страдалъ отъ болѣзни болѣе года и умеръ; онъ всегда говорилъ, что это было причиной его болѣзни. Окончивъ разсказъ, онъ заплакалъ, и сказалъ: „много времени прошло съ тѣхъ поръ, но ни разу не могу вспомнить безъ слезъ объ этихъ несчастныхъ.“

*) Другіе говорятъ, что преступники были зарыты на островѣ Голодай.

ДУМЫ.

ЕГО

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

НИКОЛАЮ СЕМЕНОВИЧУ МОРДВИНОВУ,

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ УВАЖЕНІЕМЪ

ПОСВЯЩАЕТЪ

Сочинитель.

„Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти — вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Онѣ крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта.“

Такъ говоритъ Нѣмцевичъ *) о священной цѣли своихъ „Историческихъ пѣсенъ“ (Śpiewy Historyczne); эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя „Думы“. Желаніе славить подвиги добродѣтельныхъ или славныхъ предковъ для Русскихъ не ново; не новы самый видъ и названіе думы.

Дума — старинное наслѣдіе отъ южныхъ братьевъ нашихъ, наше русское, родное изобрѣтеніе. Поляки заняли ее отъ насъ. Еще до сихъ поръ Украинцы поютъ думы о герояхъ своихъ: Дорошенкѣ, Нечаѣ, Сагайдачномъ, Палеѣ, и самому Мазепѣ приписы-

*) Śpiewy Historyczne Niemcewicza. См. Предисловіе.

вается сочиненіе одной изъ нихъ. Сарницкій *) свидѣтельствуетъ, что на Руси пѣлись элегіи въ память двухъ храбрыхъ братьевъ Струсовъ, павшихъ въ 1506 году въ битвѣ съ Валахами. „Элегіи сіи, говоритъ онъ, у Русскихъ думами называются. Соглашая заунывный голосъ и тѣлодвиженія со словами, народъ рускій иногда сопровождаетъ пѣніе оныхъ печальными звуками свирѣли.

Въ числѣ предлагаемыхъ „Думъ“ читатели найдутъ двѣ піесы, которыя не должны бы войти въ сіе собраніе; это „Рогнѣда“ и „Олегъ Вѣщій“. Первая по составу своему болѣе повѣсть, нежели дума; вторая есть историческая пѣсня (Śpiew Historyczny). Она слаба и неудачно исполнена; но я рѣшился помѣстить ее въ числѣ „Думъ“, чтобы показать составъ историческихъ пѣсенъ Нѣмцевича, одного изъ лучшихъ поэтовъ Польши.

Примѣчанія, припечатанныя при „Думахъ“, кромѣ нѣкоторыхъ сдѣланы, П. М. Строевымъ.

---

*) Annales Regni Pol. t. II. k. 1198. Слово въ слово: „Anno 1506 duo fratres Strusii (Felix i Jerzy, jak świadczy Niesiecki, Herb IV, 218) adolescentes bellicosi a Valachis occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae quas Dumas Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id quod canitur exprimentes, quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit.“

I.

ОЛЕГЪ ВѢЩІЙ. *)

Наскучивъ мирной тишиною,
Собралъ полки Олегъ
И съ ними полетѣлъ грозою
На цареградскій брегъ.

Покрылся быстрый Днѣпръ ладьями,
Въ брегахъ крутыхъ взревѣлъ
И подъ отважными рулями
Напѣнясь закипѣлъ.

---

*) Рюрикъ, основатель Россійскаго Государства, умирая (въ 879 г.), оставилъ малолѣтняго сына Игоря, подъ опекою своего родственника, Олега. Опекунъ мало-по-малу сдѣлался самовластнымъ владѣтелемъ. Время его правленія примѣчательно походомъ къ Константинополю, въ 907 году. - Лѣтописцы сказываютъ, что Олегъ, приплывъ къ стѣнамъ Византійской столицы, велѣлъ вытащить ладьи на берегъ, поставилъ ихъ на колеса и, развернувъ паруса, подступилъ къ городу. Изумленные Греки заплатили ему дань. Олегъ умеръ въ 912 году. Его прозвали *Вѣщимъ* (мудрымъ).

Дружина храбрая героевъ,
На славныя дѣла
Сгарая пылкой жаждой боевъ,
Съ веселіемъ текла.

Въ пути ей не были преграды
Кремнистыхъ горъ скалы,
Днѣпра подводныя громады,
Ни ярыхъ водъ валы.

Сѣдой Олегъ, шумящей птицей,
Въ Евксинъ черезъ Лиманъ —
И предъ Леоновой столицей
Разкинулъ грозный станъ.

Мгновенно вóйсками покрылась
Окрестная страна
И кровь повсюду заструилась;
Вездѣ кипитъ война.

Горятъ деревни, селы пышутъ,
Прахъ вьется средь долинъ;
Въ сердцахъ убійствомъ хладнымъ дышутъ
Варягъ и Славянинъ.

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися въ стѣнахъ;
Уже ихъ нѣга развратила,
Нѣтъ мужества въ сердцахъ.

Ихъ императоръ самовластный
Въ чертогахъ трепеталъ,
И въ астрологіи, несчастный,
Спасенія искалъ.

Межъ тѣмъ замысливъ приступъ смѣлый,
Ладьи свои Олегъ,
Развивъ на каждой парусъ бѣлый,
Вдругъ выдвинулъ на брегъ.

„Идемъ, друзья!“ — рекъ князь Россіи
Геройскимъ племенамъ —
И шелъ по сушѣ къ Византіи,
Какъ въ морѣ по волнамъ.

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая тронъ,
Пословъ и дань — за миръ позорный —
Къ Олегу шлетъ Леонъ.

Объятый праведнымъ презрѣньемъ,
Беретъ князь русскій дань;
Даритъ Леона примиреньемъ —
И прекращаетъ брань.

Но въ трепетъ гордой Византіи
И въ память всѣмъ вѣкамъ,
Прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи
Къ царь-градскимъ воротамъ.

Успѣхомъ подвиговъ довольный
И славой въ тѣхъ краяхъ,
Олегъ помчался въ градъ престольный
На быстрыхъ парусахъ.

Народъ, узрѣвъ съ крутаго брега
Возвратъ своихъ полковъ,
Прославилъ подвиги Олега
И восхвалилъ боговъ.

Весь Кіевъ въ пышномъ пированьѣ
Восторгъ свой изъявлялъ
И князю Вѣщаго прозванье
Единогласно далъ.

II.

ОЛЬГА ПРИ МОГИЛѢ ИГОРЯ. *)

Осенній вѣтеръ бушевалъ,
Крутя деревъ листами,
И сосны древнія качалъ
Надъ мрачными холмами.
Съ поляны всталъ сѣдой туманъ
И все сокрылъ отъ взгляда;
Лишь Игоревъ синѣлъ курганъ,
Какъ грозная громада.

---

*) Игорь, сынъ основателя Россійскаго Государства Рюрика, принялъ правленіе въ 912 году. Первымъ его подвигомъ было усмиреніе возмутившихся Древлянъ. Сіе народное Славянское племя обитало въ лѣсахъ нынѣшней Волынской губерніи. Игорь наложилъ дань, которую Древляне платили до 945 года. Въ сіе время ему захотѣлось умножить сборъ. Древляне возмутились снова — и корыстолюбивый Игорь погибъ: они привязали его къ двумъ деревьямъ, нагнули ихъ и такимъ образомъ разорвали надвое. По немъ остался малолѣтній сынъ Святославъ. Супруга его Ольга правила государствомъ около десяти лѣтъ; скончалась въ 969 году. Церковь причла ее къ лику святыхъ женъ.

Слетала быстро ночь съ небесъ;
Луна межь тучь всплывала,
И изрѣдка въ дремучій лѣсъ,
Иль въ долъ лучемъ сверкала.
Настала полночь ... Вдругъ вдали —
Какъ шелестъ по полянѣ ...
То Ольга съ Святославомъ шли
И стали при курганѣ.

И долго мудрая въ тиши
Стояла предъ могилой,
Съ волненьемъ горестной души
И съ думою унылой.
О прошломъ, плавая въ мечтахъ,
Она, томясь, вздыхала;
Но огнь блеснулъ въ ея очахъ —
И мудрая вѣщала:

„Мой сынъ! здѣсь палъ родитель твой:
Вотъ храбраго могила!
Но слезъ не лей: я местью злой
Древлянамъ заплатила.
Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла
И кровь, пролитая рѣкой,
Тутъ, мнится, не обсохла ...

„Такъ, сынъ мой, Игорь отомщенъ;
Моя спокойна совѣсть;
Но самъ виновенъ въ смерти онъ —
Внемли объ оной повѣсть:

Уже надменный Грекъ, смиренъ
Кровопролитной бранью,
Покой отъ сѣверныхъ племенъ
Купилъ позорной данью.

„И Игорь, бросивъ мечъ и щитъ
Къ подножію кумира,
Молилъ Перуна, да хранитъ
Ненарушимость мира.
Изъ града въ градъ вездѣ текла
Его дѣяній слава,
И счастьемъ мирнымъ процвѣла
Обширная держава.

„Вдругъ князя гордая душа
Покой пренебрегаетъ
И, къ золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляетъ.
Дружины собралися въ станъ,
Въ доспѣхахъ ярой брани,
И полетѣли въ край Древлянъ
Сбирать покорства дани.

„Древляне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольной
Сталъ вновь налоги брать съ земли,
Съ дружиной своевольной.
— О, князь! — народъ ему вѣщалъ,
Чего еще желаешь? ...
Отъ насъ послѣднее ты взялъ —
И насъ же угнетаешь! —

„Но князь не внялъ моленьямъ симъ —
И угнетенныхъ племя
Рѣшилося сразиться съ нимъ
И сбросить ига бремя.
— Погибель хищнику, друзья!
Пускай падетъ онъ мертвой!
Его сразитъ стрѣла моя,
Иль всѣ мы будемъ жертвой! —

„Древлянскій князь твердилъ въ лѣсахъ ...
Отважные возстали,
И, съ дикой яростью въ сердцахъ,
На Игоря напали.
Дружина хищниковъ легла
Безъ славы и безъ чести,
А твой отецъ; виновникъ зла,
Палъ жертвой лютой мести!

„Отецъ будь подданнымъ своимъ
И болѣ князь, чѣмъ воинъ;
Будь другъ своихъ, гроза чужимъ
И жить въ вѣкахъ достоинъ!“
Такъ князю-отроку рекла,
И, поклонясь кургану,
Мать съ сыномъ тихо потекла
Ко дремлющему стану.

III.

СВЯТОСЛАВЪ.*)

И одинока, и блѣдна,
Въ туманныхъ облакахъ ныряя,
Текла двурогая луна
Надъ брегомъ быстраго Дуная:
Ея перловые лучи
Станъ усыпленный озаряли;
Сверкали копья и мечи,
И ратниковъ ряды дремали.

---

*) Святославъ, сынъ русскаго князя Игоря Рюриковича, принялъ правленіе около 955 года. Въ исторіи славны походы его въ Болгарію Дунайскую и битвы съ Греками. Передъ одною изъ сихъ послѣднихъ, Святославъ воспламенилъ мужество своихъ воиновъ слѣдующею рѣчью: „Бѣгство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества, но ляжемъ на мѣстѣ битвы: мертвымъ не стыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу голову, дѣлайте, что хотите!“ Возвращаясь въ отечество, Святославъ (въ 972 г.) зимовалъ у Днѣпровскихъ пороговъ; на него напали Печенѣги — и герой погибъ. Враги сдѣлали чашу изъ его черепа.

Съ отвагой въ сердцѣ и въ очахъ,
Младой гусаръ вдали отъ стана,
Закутанъ буркой, на часахъ
Стоялъ на высотѣ кургана.
Предъ нимъ на острову рѣки
Шатры турецкіе бѣлѣли,
Какъ лѣсъ вздымались бунчуки
И съ вѣтромъ въ воздухѣ шумѣли.

Въ давно минувшихъ временахъ
Крылатой думою летая,
О прошлыхъ онъ мечталъ бояхъ,
Гремѣвшихъ на брегахъ Дуная.
„На сихъ степяхъ, такъ воинъ пѣлъ,
Съ Цимискіемъ въ борьбѣ кровавой,
Не разъ подъ тучей грозныхъ стрѣлъ
Нашъ Святославъ увѣнчанъ славой.

„По манію его руки
Безстрашный Россъ, пылая местью,
На грозные враговъ полки
Леталъ — и возвращался съ честью.
Онъ на равнинахъ дальнихъ сихъ,
Для славы на бѣды готовой,
Дивилъ и чуждыхъ и своихъ
Своею жизнію суровой.

„Ему сводъ неба былъ шатромъ
И въ лѣтній зной, и въ зимній холодъ,
Земля подъ войлокомъ — одромъ,
А пищею — конина въ голодъ.

„Друзья, насъ бѣгство не спасетъ!
Гремѣлъ герой на бранномъ полѣ:
„Позоръ на мертвыхъ не падетъ;
„Намъ биться волей, иль неволей ...

„Сразимся жь, храбрые, смѣлѣй;
„Не посрамимъ отчизны милой —
„И груды вражескихъ костей
„Набросимъ надъ своей могилой!“
И горсть Славянъ на тьмы враговъ
Текла, вождя послышавъ голосъ, —
И у врага хладѣла кровь,
И дыбомъ становился волосъ! ...

„Съ утра до вечера кипѣлъ
На ближнемъ полѣ бой кровавой;
Двѣнадцать разъ герой хотѣлъ
Вѣнчать побѣду звучной славой.
Валились грудами тѣла,
И Грекъ не разъ бѣжалъ изъ боя;
Но рать враговъ превозмогла
Надъ чудной доблестью героя!

„Закинувъ на спину щиты,
Славяне шли, какъ львы съ ловитвы,
Грозя съ нагорной высоты
Кровопролитьемъ новой битвы.
Столь дивной изумленъ борьбой,
Владыка гордой Византіи
Свиданіе и миръ съ собой
Здѣсь предложилъ главѣ Россіи.

„И къ славѣ сѣверныхъ племенъ
И цареградскаго престола
Желанный миръ былъ заключенъ
Не вдалекѣ отъ Доростола.
О, князь! давно истлѣлъ твой прахъ;
Но живъ еще твой духъ геройскій!
Питая къ славѣ жаръ въ сердцахъ,
Онъ окриляетъ наши войски!

„Онъ тамъ, гдѣ пылъ войны кипитъ,
Орломъ ширяясь передъ строемъ,
Чудесной силою творитъ
Вождя и ратника героемъ!
Но что?... Ужь вспыхнула заря!...
Взгремѣла пушка вѣстовая —
И войски бѣлаго царя
Покрыли берега Дуная.

„Трубы призывной слышенъ звукъ!
Меня зовутъ на пиръ кровавой...
Туда, мой конь, гдѣ саблей стукъ,
Гдѣ можно пасть, вѣнчавшись славой!...“
Гусаръ умчался... Громъ взревѣлъ...
Свистя, сшибалися картечи,
И смѣло строй на строй летѣлъ,
Ища съ врагами ярой сѣчи...

Вдругъ крови хлынула рѣка!...
Отважный Вейсманъ палъ, но съ честью;
И рой наѣздниковъ полка
На мусульманъ ударилъ местью.

Враги смѣшались, дали тылъ —
И поле трупами покрыли,
И Русскій знамя водрузилъ,
Гдѣ Грековъ праотцы громили.

IV.

СВЯТОПОЛКЪ.*)

Въ глуши Богемскихъ дикихъ горъ,
Куда ни голосъ человѣка,
Ни любопытства дерзкій взоръ
Не проникалъ еще отъ вѣка,
Гдѣ только въ дебряхъ сѣрый волкъ
Съ щетинистымъ вепрёмъ встрѣчался —
Братоубійца Святополкъ,
Отъ всѣхъ оставленный, скитался.

---

*) Святополкъ, сынъ Ярополка Святославича, усыновленный Владиміромъ Великимъ. Сей властолюбивый князь захватилъ велико-княжескій престолъ и умертвилъ своихъ братьевъ: Бориса, Глѣба и Святослава (въ 1015 году). Ярославъ Владиміровичъ, князь Новгородскій, послѣ продолжительныхъ междоусобій, разбилъ его на берегахъ рѣки Альшы. Святополкъ бѣжалъ изъ предѣловъ россійскихъ, скитался въ пустыняхъ Богеміи, разслабъ душею и тѣломъ, и кончилъ жизнь въ припадкахъ ужаса (1019 г.): ему мечтались враги, безпрерывно его преслѣдующіе. Проклятіе современниковъ увѣковѣчило память о Святополкѣ. Лѣтописи называютъ его *Окаяннымъ*.

Ему былъ страшенъ взоръ людей:
Онъ видѣлъ въ немъ себѣ укоры;
Страдальцу мнилось: „ты злодѣй!“
Въ глухихъ отзывахъ вторятъ горы.
„Злодѣй!“ казалось, вопіютъ
Ему лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И всюду грозныя бѣгутъ
За нимъ убитыхъ братьевъ тѣни.

Изъ дебри въ дебрь, изъ лѣса въ лѣсъ
Въ неистовствѣ перебѣгая,
Встрѣчалъ онъ всюду гнѣвъ небесъ —
И кончилъ дни свои, страдая ...
Никто слезы не уронилъ
На прахъ отверженника неба,
И всѣхъ проклятье заслужилъ
Убійца-братъ святаго Глѣба.

И обитатель той земли
Завидѣвъ, трепетомъ объятый,
Его могилу издали,
Бѣжа, крестилъ себя трикраты.
Отъ современниковъ до насъ
Дошло ужасное преданье,
И сочеталъ народа гласъ
Съ нимъ Окаяннаго прозванье.

И въ страшной повѣсти объ немъ
Его ужасныя злодѣйства
Пересказавъ въ кругу родномъ,
Твердилъ дѣтямъ отецъ семейства:

„Ужасно быть рабомъ страстей!
Кто разъ ихъ предался стремленью,
Тотъ съ каждымъ днемъ летитъ быстрѣй
Отъ преступленья къ преступленью.“

V.

РОГНѢДА.*)

(А. А. В.....й.)

Потухъ послѣдній солнца лучъ;
Луна обычный путь свершала,
То пряталась, то изъ-за тучь,
Какъ стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблиставъ порой
Надъ берегомъ Лыбѣди скромной,
Свѣтъ блѣдный проливала свой
На теремъ пышный и огромной.

---

*) Около 970 года Варягъ Рогволодъ, оставивъ отечество, поселился въ Полоцкѣ, главномъ городѣ тогдашней области Кривской. Онъ имѣлъ прекрасную дочь, по имени Рогнѣду или Гориславу: ее сговорили за великаго князя Ярополка Святославича. Братъ его Владиміръ Великій, взявъ Полоцкъ (въ 980 г.), умертвилъ Рогволода, двухъ сыновей его, и насильно понялъ Рогнѣду. Отъ ней родился сынъ, Изяславъ. Въ послѣдствіи Владиміръ разлюбилъ жену, выслалъ ее изъ дворца и заточилъ на берегу Лыбеди, въ окрестностяхъ Кіева. Однажды, гуляя въ сихъ мѣстахъ, князь заснулъ крѣпко: мстительная Рогнѣда, приблизившись, хотѣла нанести ему смертель-

Все было тихо ... лишь потокъ,
Журча, ропталъ между кустами,
И перелетный вѣтерокъ
Въ дубравѣ шелестилъ вѣтвями.
Какъ мѣсяцъ утренній блѣдна,
Рогнѣда въ горести глубокой
Сидѣла съ сыномъ у окна,
Въ свѣтлицѣ ясной и высокой.

Отъ вздоховъ подъ фатой у ней
Младыя перси трепетали,
И изъ потупленныхъ очей,
Какъ жемчугъ, слезы упадали.
Глядѣлъ невинный Изяславъ
На мать умильными очами,
И къ персямъ матери припавъ,
Онъ обвивалъ ее руками.

— Родимая! твердилъ онъ ей,
Ты все печальна, ты все вянешь:
Когда же будешь веселѣй,
Когда грустить ты перестанешь?

ный ударъ; но Владиміръ проснулся. Въ ярости онъ захотѣлъ казнить несчастную, велѣлъ ей надѣть брачную одежду и, сидя на богатомъ ложѣ, ожидать казни. Входитъ Владиміръ; юный Изяславъ, наученный Рогнѣдою, бросается къ нему и подаетъ мечъ: „Родитель! — говоритъ онъ — ты не одинъ; сынъ твой будетъ свидѣтелемъ твоей ярости.“ Изумленный Владиміръ простилъ Рогнѣду, и вмѣстѣ съ сыномъ отправилъ ее въ новопостроенный городъ, названный имъ Изяславлемъ. Сіе происшествіе описано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ.

О! полно плакать и вздыхать!
Твои мнѣ слезы видѣть больно:
Начнешь ты только горевать,
Встоскуюсь вдругъ и я невольно.

Ты бъ лучше разсказала мнѣ
Дѣянья дѣда Рогволода,
Какъ онъ сражался на войнѣ,
И о любви къ нему народа. —
„О комъ, мой сынъ, напомнилъ ты?
Что отъ меня узнать желаешь?
Какія страшныя мечты
Ты симъ въ Рогнѣдѣ пробуждаешь!

„Но — такъ и быть — исполню я,
Мой сынъ, души твоей желанье:
Пусть Рогволодовъ духъ въ тебя
Вдохнетъ мое повѣствованье;
Пускай оно въ груди младой
Зажжетъ къ дѣламъ великимъ рвенье,
Любовь къ странѣ твоей родной
И къ притѣснителямъ презрѣнье!

„Родитель мой, твой славный дѣдъ,
Отъ тѣхъ Варяговъ происходитъ,
Которыхъ дивный рядъ побѣдъ
Міръ въ изумленіе приводитъ.
Покинувъ въ юности своей
Дремучей Сканіи дубравы,
Вступилъ онъ въ землю Кривичей
Искать владычества и славы.

„Народы мирной сей страны
На гордыхъ пришлецовъ возстали,
И смѣло грозныхъ чадъ войны
Въ рукахъ съ оружіемъ встрѣчали ...
Но тщетно! роковой удѣлъ
Обрекъ въ поддàнство ихъ герою —
И скоро дѣдъ твой завладѣлъ
Обширной Сѣвера страною.

„Воздвигся Полоцкъ. Рогволодъ
Привѣтливо и кротко правилъ,
И привязавъ къ себѣ народъ,
Власть князя полюбить заставилъ ...
При Рогволодѣ Кривичи
Томились жаждой дѣлъ великихъ;
Сверкали въ дебряхъ ихъ мечи,
Литовцевъ поражая дикихъ.

„Иноплеменные цари
Союза съ Полоцкомъ искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вмѣняли.“
Но шумъ раздался у крыльца ...
Рогнѣда повѣсть прерываетъ —
И видитъ: пыль и потъ съ лица
Гонецъ усталый отираетъ.

— Княгиня! онъ вѣщалъ, войдя:
Гоня звѣрей въ дубравѣ смежной,
Владиміръ посѣтитъ тебя,
Прибудетъ въ теремъ сей прибрежной. —

„Итакъ онъ вспомнилъ объ женѣ ...
Но не желаніе свиданья —
О нѣтъ! — влечетъ его ко мнѣ —
Одна лишь близость разстоянья!“

Вѣщала — и сверкнулъ въ очахъ
Негодованья пламень дикій.
Межь тѣмъ ужь пронеслись въ поляхъ
Совы полуночныя крики ...
Сгустился мракъ. Луна чуть, чуть
Лучемъ трепещущимъ свѣтила;
Холодный вѣтеръ началъ дуть, —
И буря страшная завыла.

Лыбѣдь вскипѣла межь береговъ;
Съ деревьевъ листья полетѣли;
Дождь проливной изъ облаковъ,
И градъ и вихорь зашумѣли;
Скопились тучи ... и съ небесъ
Вилася молнія змѣю;
Громъ грохоталъ; отъ молній лѣсъ
То здѣсь, то тамъ пылалъ порою ...

Внезапно съ бурей звукъ роговъ
Въ долинѣ глухо раздается:
То вдругъ замолкнетъ средь громовъ
То снова съ вѣтромъ пронесется ...
Вотъ звуки ближе и громчѣй ...
Замолкли ... снова загремѣли ...
Вотъ топотъ скачущихъ коней —
И всадники на дворъ влетѣли.

То былъ Владиміръ. На крыльцѣ
Его Рогнѣда ожидала;
На сумрачномъ ея лицѣ
Невѣдомая страсть пылала.
Смущенью мрачность приписавъ,
Герой супругу лобызаетъ,
И сына милаго обнявъ,
Его привѣтливо ласкаетъ.

Отводятъ отроки коней . . .
Съ Рогнѣдой князь идетъ въ палаты,
И вотъ, въ кругу богатырей,
Садится онъ за пиръ богатый.
Подъ тучнымъ вепремъ столъ трещитъ,
Покрытый скатертію браной;
Отъ яствъ прозрачный паръ летитъ
И вьется по избѣ брусяной.

Звѣздясь, янтарный медъ шипитъ,
И ходитъ чаша круговая.
Всѣ веселятся . . . но груститъ
Одна Рогнѣда молодая.
„Воспой дѣянья предковъ намъ!“
Бояну витязи вѣщали.
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ —
И вѣщія зарокотали.

Онъ славилъ Рюрика судьбу,
Пѣлъ Святославовы походы,
Его съ Цимискіемъ борьбу
И покоренные народы:

Пѣлъ удивленіе враговъ,
Его нетрепетность средь боя,
И къ славѣ пылкую любовь,
И смерть, достойную героя ...

Бояна пламеннымъ словамъ
Герои съ жадностью внимали,
И праотцевъ чудясь дѣламъ,
Въ восторгѣ пылкомъ трепетали.
Пѣвецъ умолкнулъ ... но опять
Онъ пробудилъ живыя струны —
И началъ князя прославлять
И грозные его перуны:

„Дружины чуждыя громя,
Давно ль наполнилъ славой бранной
Ты дальной Нейстріи поля
И Альбіона край туманной?
Давно ли отъ твоихъ мечей
Упали Полоцка твердыни,
И нивы храбрыхъ Кривичей
Преобратилися въ пустыни?

„Самъ Рогволодъ ...“ Вдругъ тяжкій стонъ
И вопль отчаянья Рогнѣды
Перерываютъ гуслей звонъ
И радость шумную бесѣды ...
„О, успокойся, другъ младой!
Вѣщалъ ей князь: „не слезъ достоинъ,
Но славы, кто въ странѣ родной
И жилъ, и кончилъ дни, какъ воинъ.

„Воскреснетъ храбрый Рогволодъ
Въ дѣлахъ и въ чадахъ Изяслава,
И пролетитъ изъ рода въ родъ
Объ немъ, какъ громъ гремящій, слава.“
Рогнѣды видъ покойнѣй сталъ;
Въ очахъ остановились слезы:
Но въ нихъ какой то огнь сверкалъ,
И на щекахъ пылали розы ...

При стукахъ чашъ, Боянъ поетъ,
Вновь тѣшитъ князя и дружину ...
Но конченъ пиръ — и князь идетъ
Въ великолѣпную одрину.
Снявъ мечъ, висѣвшій при бедрѣ,
И вороненыя кольчуги,
Онъ засыпаетъ на одрѣ,
Въ объятьяхъ молодой супруги.

Сквозь оконъ скважины порой
Проникнувъ, молнія пылаетъ
И брачный одръ во тьмѣ ночной
Съ четой лежащей освѣщаетъ.
Бушуя, ставнями стучитъ
И свищетъ въ щели вѣтръ порывный;
По кровлѣ градъ и дождь шумитъ,
И громъ гремитъ безперерывный.

Князь спитъ покойно ... Тихо вставъ,
Рогнѣда свѣточъ зажигаетъ,
И въ страхѣ, вся затрепетавъ,
Мечъ тяжкій со стѣны снимаетъ ...

Идетъ ... стоитъ ... ступила вновь ...
Едва дыханье переводитъ ...
Въ ней то кипитъ, то стынетъ кровь ...
Но вотъ ... къ одру она подходитъ ...

Ужь поднятъ мечъ! .. вдругъ грянулъ громъ,
Потрясся теремъ озаренный —
И князь, объятый крѣпкимъ сномъ,
Воспрянулъ, трескомъ пробужденный —
И предъ собой Рогнѣду зритъ ...
Ея глаза огнемъ пылаютъ ...
Подъятый мечъ и грозный видъ
Преступницу изобличаютъ ...

Мечъ выхвативъ, ей князь вскричалъ:
„На что дерзнула въ изступленьи? ...“
— На то, что мнѣ повелѣвалъ
Ужасный Чернобогъ — на мщенье! —
„Но долгъ супруги? но любовь? ...“
— Любовь! къ кому? ... къ тебѣ, губитель? ...
Забылъ, во мнѣ чья льется кровь,
Забылъ ты, кѣмъ убитъ родитель! ...

— Ты, ты, тиранъ, его сразилъ!
Горя преступною любовью.
Ты жениха меня лишилъ
И братнею облился кровью!
Испепеливъ мой край родной,
Рѣкой ты кровь въ немъ пролилъ всюду,
И Полоцкъ, дивный красотой,
Преобратилъ развалинъ въ груду.

— Но, недовольный ... местью злой
Къ безсильной плѣнницѣ пылая,
Ты бракъ свой совершилъ со мной
При заревѣ роднаго края!
Повлекъ меня въ престольный градъ:
Тебѣ я сына даровала ...
И чтожъ? ... еще презрѣнья хладъ
Въ очахъ тирана прочитала! ...

— Вотъ страшный рядъ ужасныхъ дѣлъ,
Владиміра покрывшихъ славой!
Не черезъ нихъ ли пріобрѣлъ
Ты на любовь Рогнѣды право?
Страдала, мучилась, стеня,
Вся жизнь моя текла въ кручинѣ;
Но, боги! не роптала я
На васъ въ злосчастіяхъ донынѣ!

— Впервые днесь ропщу! ... увы!
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы,
И совершить достойной тризны!
Съ какою бъ жадностію я
На брызжущую кровь глядѣла,
Съ какимъ восторгомъ бы тебя,
Тиранъ, угасшаго узрѣла! —

Супругъ, слова прервавъ ея,
Въ одрину стражу призываетъ.
„Ждетъ смерть, преступница, тебя!“
Пылая гнѣвомъ восклицаетъ:

„Съ зарей готова къ казни будь!
Сей брачный одръ пусть будетъ плаха!
На немъ пронжу твою я грудь,
Безъ сожалѣнія и страха!“

Сказалъ — и вышелъ. Вдругъ о томъ
Мгновенно слухъ распространился —
И теремъ, весь объятый сномъ,
Отъ вопля женщинъ пробудился ...
Бѣгутъ къ княгинѣ, слезы льютъ;
Терзаясь близостью разлуки,
Себя въ младыя перси бьютъ
И бѣлыя ломаютъ руки ...

Въ тревогѣ все ... лишь Изяславъ
Въ объятьяхъ сна, съ улыбкой нѣжной,
Лежитъ, покровы разметавъ,
Покой вкушая безмятежной.
Объ участи Рогнѣды онъ
Въ мечтахъ невинности не знаетъ;
Ни бури ревъ, ни плачъ, ни стонъ
Отъ сна его не пробуждаетъ.

Но пересталъ гремѣть ужь громъ,
Замолкли вѣтры въ чащѣ лѣса,
И на востокѣ голубомъ
Рѣдѣла мрачная завѣса.
Вся въ перлахъ, златѣ и сребрѣ,
Ждала Рогнѣда, безъ боязни,
На изукрашенномъ одрѣ,
Назначенной супругомъ казни.

И вотъ денница занялась;
Сверкнулъ сквозь окна лучъ багровый —
И входитъ съ витязями князь
Въ одрину, гнѣвный и суровый.
„Подайте мечъ!“ воскликнулъ онъ —
И раздалось вездѣ рыданье:
„Пусть каждаго страшитъ законъ!
Злодѣйство приметъ воздаянье!“

И быстро въ храмину вбѣжавъ:
„Вотъ мечъ! Коль не отецъ ты нынѣ,
Убей!“ вѣщаетъ Изяславъ:
„Убей, жестокій, мать при сынѣ!“
Какъ громомъ неба пораженъ,
Стоитъ Владиміръ и трепещетъ,
То въ ужасѣ на сына онъ,
То на Рогнѣду взоры мещетъ ...

Рѣчь замираетъ на устахъ,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещетъ онъ; въ его костяхъ
И лютый хладъ, и пламень льется,
Въ душѣ кипитъ борьба страстей:
И милосердіе, и мщенье ...
Но вдругъ, съ слезами изъ очей —
Изъ сердца вырвалось: прощенье!

VI.

БОЯНЪ.*)

На брегъ Днѣпра, разбивъ Болгаръ,
Владиміръ-солнце возвратился,
И въ свѣтлой гридницѣ, въ кругу князей, бояръ,
На шумномъ пиршествѣ съ друзьями веселился ...

*) Сочинитель извѣстнаго „*Слова о полку Игоревѣ*“ называетъ Бояна: *соловьемъ стараго времени*. Неизвѣстно, когда жилъ сей славянскій бардъ. Н. М. Карамзинъ въ *Пантеонѣ Росс. Авторовъ*, говоритъ о немъ такъ: „Можетъ быть, жилъ Боянъ во времена героя Олега; можетъ быть, пѣлъ онъ славный походъ сего Аргонавта къ Царю-граду, или несчастную смерть храбраго Святослава, который съ горстію своихъ погибъ среди безчисленныхъ Печенѣговъ, или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, ея невинность въ сельскомъ уединеніи, ея славу на тронѣ.“ — Не менѣе правдоподобно, что Боянъ былъ пѣвцомъ подвиговъ Великаго Владиміра и знаменитыхъ его сподвижниковъ: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательномъ дворѣ сѣвернаго Карломана находились и пѣснопѣвцы: ихъ привлекали великолѣпныя пиршества, богатырскія потѣхи и привѣтливость добраго князя; а славныя побѣды надъ Греками, Ляхами, Печенѣгами, Ятвягами и Болгарами — могли воспламенить духъ піитизма въ сихъ дикихъ сынахъ Сѣвера. И грубые Норманы услаждали слухъ свой пѣснями скальдовъ.

Медъ, въ старикахъ воспламенивши кровь,
Протекшую напомнилъ младость,
Побѣды славныя, волшебницу-любовь
И лѣтъ утраченныхъ былую радость.

Безпечнѣе веселый кругъ шумѣлъ,
Звучнѣе гусли раздавались.
Одинъ задумчиво Боянъ сидѣлъ:
Въ немъ думы думами смѣнялись ...

„Какое зрѣлище мой видитъ взоръ! —
Мечталъ пѣвецъ унылый:
Бояръ, князей и витязей соборъ,
И государь народу милый!

Дивятся ихъ безчислію побѣдъ
Иноплеменныя державы,
И служитъ, трепеща, завистливый сосѣдъ
Для нихъ невольнымъ отголоскомъ славы.

Ихъ именами всѣ мѣста
Исполнены на Сѣверѣ угрюмомъ,
И каждый день изъ устъ въ уста
Перелетаютъ съ шумомъ ...

И я, дивяся ихъ дѣламъ,
Пѣлъ витязей — и сонмы умолкали,
И персты вѣщіе, по золотымъ струнамъ
Летая, славу рокотали!

Но, можетъ быть, временъ губительныхъ полетъ
Всесокрушающею силой
Дѣянья славныя погубитъ въ безднѣ лѣтъ,
И будетъ Русь пространною могилой! ...

И пѣсни звучныя Бояна-соловья
На пиршествахъ не станутъ раздаваться;
Забудутъ витязей, которыхъ славилъ я,
И память ихъ хвалой не будетъ оживляться.

Ахъ, такъ — предчувствую: Бояна вѣщій гласъ
Вѣковъ въ пучинѣ необъятной,
Какъ эхо дальное въ безмолвной ночи часъ
Межь горъ, умолкнетъ невозвратно ...

По чувствамъ пламеннымъ не оцѣнитъ
Пѣвца потомокъ юный;
Въ мракъ неизвѣстности всѣ пѣсни рокъ умчитъ,
И звучныя порвутся струны!

Но отлети скорѣй
Моей души угрюмое мечтанье:
Не погашай послѣдней искры въ ней
Надежды — жить хоть именемъ въ преданьѣ!“

VII.

МСТИСЛАВЪ УДАЛОЙ. *)

(Ѳ. В. БУЛГАРИНУ.)

Какъ тучи съ горъ текли Косоги;
На встрѣчу имъ Мстиславъ летѣлъ.
Стеналъ поморья брегъ пологій,
И въ полѣ гулъ глухой гремѣлъ.
Ужь звукъ трубы на полѣ брани
Сзывалъ храбрѣйшихъ изъ полковъ;
Ужь храбрый князь Тмутаракани
Кипѣлъ ударить на враговъ.

---

*) Мстиславъ, сынъ Владиміра Великаго, былъ удѣльный князь Тмутараканскій. Столица сего княжества — Тмутаракань (древняя Таматарха) находилась на островѣ Тамани, который образуютъ рукава рѣки Кубани, при впаденіи ея въ Азовское море. Въ сосѣдствѣ жили Косоги, племя Горскихъ Черкесовъ. Въ 1022 году Мстиславъ объявилъ имъ войну. Князь Косожскій, Редедя, крѣпкотѣлый великанъ, по обычаю богатырскихъ временъ, предложилъ ему рѣшить распрю единоборствомъ. Мстиславъ согласился. Произошелъ бой: Тмутараканскій князь повергъ врага и умертвилъ его. Косоги признали себя данниками Мстислава. Онъ умеръ около 1036 года. Лѣтописи называютъ его *Удалымъ*.

Вдругъ, кожею покрытъ медвѣдя,
Отъ вражьихъ отдѣлясь дружинъ,
Явился съ палицей Редедя,
Племенъ косожскихъ властелинъ.
Онъ къ войску шелъ, какъ въ океанѣ
Валится въ бурю черный валъ,
И сталъ, какъ сосна, на курганѣ,
И громогласно провѣщалъ:

„Почто кровавыхъ битвъ упорствомъ
Губить и войско, и народъ?
Рѣшимъ войну единоборствомъ:
Пускай за всѣхъ одинъ падетъ!
Иди, Мстиславъ, сразись со мною:
И кто въ сей битвѣ побѣдитъ,
Тому владѣть врага страною,
Или отдать ее на щитъ!“

— Готовъ! — князь Русскій восклицаетъ —
И грозный сталъ передъ бойцомъ,
Съ коня — и на курганъ взлетаетъ
Удалой, яснымъ соколомъ,
Сошлись, схватились, въ бой вступили ...
Могущъ и князь и великанъ!
Другъ друга стиснули, сдавили;
Трещатъ ... колеблется курганъ ...

Стоятъ — и мигъ счастливый ловятъ;
Какъ вихрь крутятся ... прахъ летитъ ...
Погибель, падая, готовятъ,
И каждый яростью кипитъ ...

Хранятъ молчаніе два строя,
Но души воиновъ въ очахъ:
Смотря по перемѣнамъ боя,
Въ нихъ блещетъ радость или страхъ.

То Русскій хочетъ славить Бога,
Простерши длани къ небесамъ;
То вдругъ слышна мольба Косога:
„О! помоги, Всевышній, намъ!“
И вотъ князья, напрягши силы,
Другъ друга ломятъ, льется потъ ...
На нихъ, какъ верви, вздулись жилы:
Колеблется и сей, и тотъ ...

Глаза, налившись кровью, блещутъ,
Колѣна крѣпкія дрожатъ,
И мышцы сильныя трепещутъ,
И искры сыплются отъ латъ ...
Но вотъ — Мстиславъ изнемогаетъ —
Онъ падаетъ! ... конецъ борьбѣ ...
„Святая Дѣва!“ — восклицаетъ:
„Я храмъ сооружу тебѣ!“

И сила дивная мгновенно
Влилася въ князя ... онъ возсталъ,
Рванулся бурей разъяренной —
И новый Голіаѳъ упалъ!
Упалъ — и сталъ курганъ горою ...
Мстиславъ широкій мечъ извлекъ,
И придавивъ врага пятою,
Главу огромную отсѣкъ.

VIII.

МИХАИЛЪ ТВЕРСКОЙ. *)

(Ѳ. В. БУЛГАРИНУ.)

За Узбекомъ въ слѣдъ влекомый
Кавгадыемъ, Михаилъ
Въ край чужой и незнакомый
Съ сыномъ юношей вступилъ.
Мчался Терекъ быстрымъ бѣгомъ
Межь нависшихъ береговъ;
Зрѣлись горъ хребты подъ снѣгомъ
Изъ за сизыхъ облаковъ.

---

*) Несчастный Михаилъ, сынъ Тверскаго князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 г.) долженъ былъ вступить на великокняжескій престолъ; но племянникъ его, Георгій Даниловичъ, князь Московскій, началъ оспоривать у него сіе право. Россія находилась тогда подъ владычествомъ Монголовъ: оба князя отправились въ Орду, и ханъ (Тохта) утвердилъ Михаила. Болѣе десяти лѣтъ протекло мирно; но злоба не угасла въ сердцѣ Георгія; онъ не пропускалъ случая вредить Михаилу. Между тѣмъ Тохта умеръ (1312 г.); ему наслѣдовалъ сынъ его, Узбекъ. Несогласія князей возобновились, и Георгія призвали въ Орду (1315 г.). Цѣлые три года онъ раболѣпствовалъ передъ Узбекомъ, дарами

Станъ Узбековъ за рѣкою,
На степи, въ глуши пестрѣлъ;
Всюду воины толпою;
Всюду гулъ глухой шумѣлъ.
Ветхимъ рубищемъ покрытый,
Съ мрачной грустію въ груди,
Князь-страдалецъ знаменитый
Сѣлъ въ цѣпяхъ на площади.

Несчастливца обступили
Любопытные толпой:
„Это князь былъ!“ говорили,
И качали головой:
„Онъ обширными странами,
Какъ Узбекъ нашъ, обладалъ;
Онъ съ отважными полками
Кавгадыя поражалъ!“

Въ рѣчи вслушавшись чужія,
Загрустилъ сильнѣе князь;
Вспомнилъ славу — и впервые
Слезы брызнули изъ глазъ.

и происками снискалъ себѣ милостивое расположеніе и, въ довершеніе всего, женился на сестрѣ его Кончакѣ (1318 г.). Ханъ наименовалъ Георгія старѣйшимъ изъ князей Русскихъ и далъ ему войско. Михаилъ выступилъ къ нему на встрѣчу, сразился и одержалъ побѣду: Татарскій полководецъ Кавгадый и супруга Георгія впали въ плѣнъ; послѣдняя умерла скоропостижно въ Твери. Раздраженный Узбекъ призвалъ Михаила въ Орду, жестоко истязалъ его и наконецъ велѣлъ лишить жизни. Церковь причла сего князя-страдальца къ лику св. мучениковъ.

„До какого униженья“,
Онъ мечталъ, потупя взоръ:
„Довели насъ заблужденья
И погибельный раздоръ!

„Тѣ, которыхъ трепетали
Хитрый Грекъ и храбрый Ляхъ,
Нынѣ вдругъ рабами стали
И предъ ханомъ пали въ прахъ!
Я любилъ страну родную
И пылалъ разрушить въ ней
Нашихъ бѣдъ вину прямую —
Распри злобныя князей.

„О, Георгій! ты виною,
Ты одинъ тому виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита въ странѣ родной!
Ты на дядю поднялъ длани;
Ты въ душѣ былъ столь жестокъ,
Что на Русь всю лютость брани
И Татаръ толпы навлекъ!

„Смерть свою давно предвижу;
Для побѣга други есть, —
Но побѣгомъ не унижу
Незапятнанную честь!
Такъ, правъ чести не нарушу!
Пусть мой врагъ, гонитель мой,
Насыщаетъ въ злобѣ душу
Лютымъ мщеньемъ надо мной!

„Пусть вымаливаетъ казни!
Твердъ и правъ въ душѣ своей,
Смерть я встрѣчу безъ боязни,
Какъ въ бояхъ сретался съ ней.
Не хочу своимъ спасеньемъ
На родимый край привлечь
Кавгадыя съ лютымъ мщеньемъ,
И Узбека грозный мечъ!“

Подкрѣпленный сею думой,
Приподнялся Михаилъ,
И спокойный, но угрюмой,
Тихо въ свой шатеръ вступилъ.
Кавгадыемъ обольщенный,
Между тѣмъ младой Узбекъ,
Въ сердцѣ трепетный, смятенный,
Смерть невинному изрекъ ...

Ужь Георгій съ палачами
И коварный другъ царя
Шли поспѣшными шагами
Къ жертвѣ, злобою горя ...
Предъ иконою святою
Михаилъ псаломъ читалъ:
Вдругъ съ той вѣстью роковою
Отрокъ княжескій вбѣжалъ ...

Въ слѣдъ за нимъ убійцы съ крикомъ
Ворвались въ густыхъ толпахъ:
Блещетъ гнѣвъ во взорѣ дикомъ,
Злоба алчная въ чертахъ ...

Ворвалися — и напали ...
Какъ гроза въ глухой ночи,
Надъ упавшимъ засверкали
Ятаганы и мечи ...

Кровь изъ язвъ лилась струею ...
И пробилъ его конецъ:
Сердце хладною рукою
Вырвалъ дикій Романецъ.
Князь скончался жертвой мщенья!
Съ той поры онъ всюду чтимъ:
Михаила за мученья
Церковь празднуетъ святымъ.

IX.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.*)

„Доколь намъ, други, предъ тираномъ
Склонять покорную главу,
И за одно съ презрѣннымъ ханомъ
Позорить сильную Москву?
Не намъ, не намъ страшиться битвы
Съ толпами грозными враговъ:
За насъ и Сергія молитвы,
И прахъ замученныхъ отцовъ!

*) Подвиги великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго извѣстны всякому Русскому. Онъ былъ сынъ великаго князя Московскаго Іоанна Іоанновича; родился въ 1350 году; великокняжескій престолъ занялъ 1362 года. Владычествовавшая надъ Россіею Золотая или Сарайская орда въ его время раздиралась междоусобіями. Одинъ изъ князей Татарскихъ, Мамай, властвовалъ тамъ, подъ именемъ Мамантъ-Салтана, слабаго и ничтожнаго хана. Недовольный великимъ княземъ, Мамай отправилъ (въ 1378 г.) мурзу Бегича со множествомъ Татарскаго войска. Ополченіе Димитрія встрѣтило ихъ на рѣкѣ Волгѣ, сразилось мужественно и одержало побѣду. Раздраженный Мамай, совокупивъ еще большія толпы иноплеменниковъ,

„Летимъ — и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ.
Туда — за Донъ! ... Настало время!
Надежда наша — Богъ и мечъ!
Сразимъ Моголовъ и, какъ бремя,
Ярмо Мамая сбросимъ съ плечъ!“

Такъ Дмитрій, рать обозрѣвая,
Красуясь на конѣ, гремѣлъ,
И въ помощь Бога призывая,
Перуномъ грознымъ полетѣлъ ...
„Къ врагамъ! за Донъ!“ вскричали войски:
„За вольность, правду и законъ!“
И повторяя кликъ геройскій,
За княземъ ринулися въ Донъ.

Несутся полные отваги,
Волнъ упреждаютъ быстрый бѣгъ;
Летятъ, какъ соколы, — и стяги
Противный осѣнили брегъ.

двинулся съ ними къ предѣламъ Россіи. Димитрій вооружился; противники сошлись на Куликовомъ полѣ (при рѣчкѣ Непрядвѣ, впадающей въ Донъ). Бой былъ жестокій и борьба ужасная (8 сентября 1380 г.). На пространствѣ двадцати верстъ кровь Русскихъ мѣшалась съ татарскою. Наконецъ Мамай предался бѣгству и Димитрій восторжествовалъ. Сія знаменитая побѣда доставила ему великую славу и уваженіе современниковъ. Потомство наименовало его *Донскимъ*. Димитрій умеръ въ 1389 году.

Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега рѣки,
И взору вдалекѣ открыло
Татаръ несмѣтные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипятъ;
Всѣхъ силъ объять не могутъ взоры ...
Повсюду бердыши блестятъ.
Идутъ, какъ мрачныя дубравы —
И вторятъ степи гулъ глухой;
Идутъ ... тамъ ханъ, здѣсь чада славы —
И закипѣлъ кровавый бой.

„Богъ намъ прибѣжище и сила!“
Рекъ Дмитрій на челѣ полковъ:
„Умремъ, когда судьба судила!“
И первый грянулъ на враговъ.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихремъ къ небесамъ,
Свѣтило дня отъ глазъ сокрыли —
И мракъ простерся по полямъ.

Повсюду хлещетъ кровь ручьями;
Зеленый побагрѣвѣлъ долъ:
Тамъ Русской пораженъ врагами,
Здѣсь палъ растоптанный Моголъ,
Тутъ слышенъ копій трескъ и звуки,
Тамъ сокрушился мечъ о мечъ;
Летятъ отсѣченныя руки,
И гѣловы катятся съ плечъ.

А тамъ, подъ тѣнію кургана,
Презрѣвшій славу, санъ и свѣтъ,
Лежитъ, низвергнувъ великана,
Отважный инокъ Пересвѣтъ.
Тамъ Бѣлозерскій князь и чада,
Достойныя его любви,
И окрестъ ихъ Татаръ громада,
Въ своей потопшая крови.

Ужь многіе изъ храбрыхъ пали,
Великодушный сонмъ рѣдѣлъ;
Уже враги одолѣвали,
Татаринъ дикій свирѣпѣлъ;
Къ концу клонился бой кровавый,
И черный стягъ былъ пасть готовъ;
Какъ вдругъ орломъ изъ-за дубравы
Волынскій грянулъ на враговъ.

Враги смѣшались — отъ кургана
Промчалось: „Силенъ русскій Богъ!“
И побѣжала рать тирана,
И сокрушенъ гордыни рогъ! ...
Помчался ханъ въ глухія степи,
За нимъ шумящимъ враномъ страхъ;
Расторгнулъ Русскій рабства цѣпи
И сталъ на вражескихъ костяхъ.

Но кто тамъ блѣденъ, близь дубравы,
Обрызганъ кровію лежитъ?
Что зрю? ... Первоначальникъ славы*),
Димитрій раненъ ... страшный видъ! ...

*) Выраженіе Лѣтописца.

Уже ль изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вотъ къ стенящему герою
Притекъ сонмъ воевъ и князей.

Вотъ, преклонивъ трофеи брани,
Гласятъ: „Ты побѣдилъ! возстань!“
И князь, воздѣвши къ Небу длани:
„Великъ насъ ополчившій въ брань!
Великъ!“ речетъ: „къ нему молитвы!
Онъ Сергія услышалъ гласъ!
Ему вся слава грозной битвы!
Онъ, Онъ одинъ прославилъ насъ!“

X.

ГЛИНСКІЙ. *)

Подъ сводомъ обширнымъ темницы подземной,
Куда лучь привѣтный отрадныхъ свѣтилъ
Страшился проникнуть; гдѣ въ области темной
Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мерцая, бродилъ,
Гремѣвшій въ Варшавѣ, Литвѣ и Россіи
Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ дѣлъ,
Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по шеи,
Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

*) Князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, нѣкогда знатный и богатый литовскій вельможа. Родъ его происходилъ отъ Татарскаго князя, выѣхавшаго изъ Орды во времена в. к. Витовта. Воспитанный въ Германіи, Глинскій принялъ тамошніе обычаи, долго служилъ императору и отличался храбростію и умомъ. Возвратясь въ отечество, онъ снискалъ милость короля Александра и былъ его любимцемъ и другомъ. Когда (въ 1508 г.) Сигизмундъ сдѣлался королемъ, завистники обнесли предъ нимъ Глинскаго. Главный врагъ его былъ панъ Забржезенскій. Князь Глинскій, обще съ двумя братьями, передался вел. князю Московскому, Василію Іоанновичу, былъ принятъ имъ съ уваженіемъ и сдѣланъ воеводою. Глинскій сражался противъ своихъ соотечественниковъ и оказалъ особенныя

Волосъ уцѣлѣвшихъ сѣдые остатки
На сморщенно вѣкомъ и грустью чело
Спадали кудрями, вiясь въ безпорядкѣ:
Страданье на Глинскомъ бразды провело ...
Сидѣлъ онъ склоненный на длань головою,
Угрюмою думой въ минувшемъ леталъ;
Звучалъ средь безмолвья цѣпями порою
И тяжко, стоная, вздыхалъ.

При немъ неотступно въ темницѣ сидѣла
Прелестная дѣва — отрада слѣпца;
Свободой, и счастьемъ, и свѣтомъ презрѣла,
И блага всѣ въ жертву она для отца.
Блескъ пышный чертога для ней замѣнила
Могильная мрачность темницы сырой;
Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная скрыла
И жизни зарю молодой.

услуги при взятiи Смоленска (1514 г.). Вел. князь обѣщалъ его сдѣлать владѣтелемъ сего княжества; но не сдержалъ слова. Глинскiй вошелъ въ переписку съ Сигизмундомъ и намѣренъ былъ ему передаться: его схватили, привезли въ Москву и заключили въ темницу. Тамъ онъ просидѣлъ болѣе двѣнадцати лѣтъ. Вел. князь женился на его племянницѣ, княжнѣ Еленѣ, дочери брата его Василiя. Черезъ годъ царица выпросила своему дядѣ прощенiе (1527 г.) и кн. Глинскiй пришелъ еще въ бо́льшую силу. По кончинѣ вел. князя, Елена сдѣлалась правительницею государства. Князь Михаилъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ членовъ Думы. Нескромная слабость племянницы къ любимцу ея, князю Телепневу-Оболенскому, возбудила въ немъ справедливое негодованiе: онъ сталъ дѣлать ей увѣщанiя и подпалъ гнѣву; снова его заключили въ темницу, гдѣ онъ и умеръ (въ 1534 г.).

„О, долго ли будешь, стоная, лить слезы?“
Рекла она нѣжно: „печали забудь!
Быть можетъ разторгнешь сіи ты желѣзы:
Надежда лелѣетъ и узниковъ грудь!
Быть можетъ, остатокъ несчастливой жизни,
Спокоя волненье и бурю души,
Какъ гражданинъ вѣрный, на лонѣ отчизны
Ты счастливо кончишь въ тиши.“

.

— На лонѣ отчизны! воскликнулъ измѣнникъ:
Не мнѣ утѣшаться надеждою сей:
Страшась угрызеній, стенающій плѣнникъ,
Несчастный, и вспомнить трепещетъ о ней.
Могуль быть покоенъ хотя на мгновенье?
Червь совѣсти тайно терзаетъ меня;
Къ себѣ самому я питаю презрѣнье
И мучусь, измѣну кляня.

— Природа дала мнѣ возможныя блага,
Чтобъ славнымъ быть въ мирѣ, иль грознымъ въ войнѣ:
Богатство, познанья, порода, отвага —
Все съ щедростью было низпослано мнѣ.
Желалъ еще славы и лавровъ побѣды;
Душа трепетала, духъ юный кипѣлъ ...
Вдругъ поднялись тучей на Польшу сосѣды —
И лавръ мнѣ достался въ удѣлъ.

— Могольскія орды влетѣли бѣдою:
Литва задымилась въ пылу боевомъ —
И старцы, и жены, и дѣти толпою
Влеклися въ неволю свирѣпымъ врагомъ;

И въ пепелъ деревни и пышные грады ...
И буйный Татаринъ въ крови утопалъ;
Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады:
Мечъ жадный надъ всѣми сверкалъ.

— Встревоженъ невзгодой, я къ хищнымъ на встрѣчу
Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой,
Достигъ — и отважно въ кровавую сѣчу,
И кровь полилася, напѣнясь, рѣкой.
Покрылись тѣлами поля и равнины:
Литвинъ и Татаринъ упорно стоялъ;
Но съ яростью новой за мною дружины —
И гордый Моголъ побѣжалъ.

— Боролся съ кончиной властитель державной;
Тревогой и плачемъ наполненъ дворецъ —
И вдругъ о побѣдѣ и громкой, и славной,
Отъ Глинскаго съ вѣстью примчался гонецъ.
Чело Александра веселость покрыла:
„Когда торжествуетъ родная страна,“
Онъ рекъ предстоящимъ: „тогда и могила,
Повѣрьте, друзья, не страшна!“

— Симъ подвигомъ славнымъ чрезмѣру надменный,
Не могъ укротить я волненья страстей —
И родъ Забржезенскихъ, давно мнѣ враждебный,
Внезапно средь ночи палъ жертвой мечей.
Погибъ онъ — и други мнѣ стали врагами,
И, преданъ душею лишь мести одной,
Дерзнулъ я внестися съ чужими полками
Въ отчизну свирѣпой войной.

— О мука! о совѣсть — тиранъ неотступной! . . .
Ни зрѣлище стяговъ родимой земли,
Ни тайный гласъ сердца изъ длани преступной
Въ часъ битвы исторгнуть меча немогли!
Среди раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
И ярыхъ, и грозныхъ душей Москвитянъ,
Увы, къ преступленью влекомъ преступленьемъ,
Разилъ я своихъ сограждàнъ! . . .

— Бой конченъ — и Глинскій узрѣлъ на равнинѣ
Разтерзанныхъ трупы и груды костей;
Душа предалася невольно кручинѣ . . .
И брызнули слезы на грудь изъ очей.
Не въ пору позналъ я тоску преступленья!
Вся гнусность измѣны представилась мнѣ;
Молилъ Сигизмунда проступкамъ забвенья;
Мечталъ о родной сторонѣ!

— Но геній враждебный о тайнѣ душевной
Царю въ злое время извѣстіе далъ,
И Русскій властитель, смущенный и гнѣвный,
Раскаянье сердца измѣной назвалъ:
Лишилъ меня зрѣнья убійцы руками,
Забывши и славу и старость мою;
И дядю царицы, опутавъ цѣпями,
Забросилъ въ темницу сію.

— Лѣтъ десять живу я въ могилѣ сей хладной;
Ни звѣзды, ни солнце не свѣтятъ ко мнѣ;
Тоскую угрюмый въ душѣ безотрадной
И думой стремлюся къ родимой странѣ.

Примѣтно слабѣю въ утраченныхъ силахъ,
Чуть сердце трепещетъ, нѣмѣетъ мой гласъ,
И медленнѣй льется кровь хладная въ жилахъ,
И смерти ужь близится часъ.

— О, дочь моя! скоро, надъ гробомъ рыдая,
Ты бросишь на прахъ мой горсть чуждой земли.
Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края:
Отъ милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народъ нашъ, дѣяньями славный,
Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
Проступки несчастныхъ отцовъ своенравно
Не будетъ отмщать на дѣтяхъ.

— Край милый увидишь — и сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь;
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нѣжно
И ласково примутъ отчизны сыны —
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.

— Пусть рокъ мой, исполненъ тоской и мученьемъ,
Пребудетъ примѣромъ отчизнѣ моей;
Да каждый, пылая преступнымъ отмщеньемъ,
Идти не посмѣетъ стезею страстей!
Да видятъ во мнѣ моей родины братья,
Что рано, иль поздно — измѣнѣ взгремятъ
Ужасныя сердцу согражданъ проклятья,
И совѣсть отъ сна пробудятъ! —

Несчастный умолкнулъ съ душевной тоскою:
Вдругъ стонъ по темницѣ — и Глинскій упалъ
На дочери лоно сѣдой головою
И холодъ кончины его оковалъ ...
Такъ Глинскій — мужъ Думы и пламенный воинъ —
Погибъ на чужбинѣ, какъ гнусный злодѣй;
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мірѣ достоинъ,
Когда бы не буря страстей.

XI.

КУРБСКІЙ.*)

На камнѣ мшистомъ въ часъ ночной,
Изъ милой родины изгнанникъ,
Сидѣлъ князь Курбскій, вождь младой,
Въ Литвѣ враждебной грустный странникъ,
Позоръ и слава русскихъ странъ,
Въ совѣтѣ мудрый, страшный въ брани,
Надежда скорбныхъ Россіянъ,
Гроза Ливонцевъ, бичь Казани ...

---

*) Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, знаменитый вождь, писатель и другъ Іоанна Грознаго. Въ казанскомъ походѣ, при отраженіи Крымцевъ отъ Тулы (1552 г.) и въ войнѣ ливонской (1560 г.) онъ оказалъ чудеса храбрости. Въ 1564 г. Курбскій былъ воеводою въ Дерптѣ. Въ сіе время Грозный преслѣдовалъ друзей прежняго своего любимца, Адашева, въ числѣ которыхъ былъ и Курбскій: ему дѣлали выговоры, оскорбляли и наконецъ угрожали. Опасаясь погибели, Курбскій рѣшился измѣнить отечеству и бѣжалъ въ Польшу. Сигизмундъ II принялъ его подъ свое покровительство и далъ ему

Сидѣлъ — и въ перекатахъ громъ
На небѣ мрачномъ раздавался,
И темный лѣсъ шумя, кругомъ
Отъ блеска молній освѣщался.
„Далеко отъ страны родной,
Далеко отъ подруги милой,“
Сказалъ онъ, покачавъ главой:
„Я долженъ вѣкъ вести унылой.

„Ужь болѣ пылкихъ я дружинъ
Не поведу къ кровавой брани,
И врагъ не побѣжитъ съ равнинъ
Отъ покорителя Казани.
До дряхлой старости влача
Унылу жизнь въ тиши безславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гонимъ судьбою своенравной.

въ помѣстье княжество Ковельское. Отсюда Курбскій велъ бранную и язвительную переписку съ Іоанномъ; а потомъ еще далѣе простеръ свое мщеніе: забылъ отечество, предводительствовалъ Поляками во время ихъ войны съ Россіею и возбуждалъ противъ нее хана Крымскаго. Онъ умеръ въ Польшѣ. Предъ смертію сердце его нѣсколько умягчилось: онъ вспомнилъ о Россіи и называлъ ее милымъ отечествомъ. Спасаясь изъ Дерпта, Курбскій оставилъ тамъ супругу и девятилѣтняго сына; потомъ, въ Польшѣ, вторично женился на княгинѣ Дубровицкой, съ которою король повелѣлъ ему развестися. Курбскій извѣстенъ также литературными своими трудами: онъ описалъ жестокости царя Іоанна и перевелъ нѣкоторыя бесѣды Златоустаго на „Дѣянія Св. Апостолъ“. Въ концѣ XVII вѣка правнуки его выѣхали въ Россію.

„Въ Литвѣ я нынѣ сталъ вождемъ;
Но, ахъ! ни почести велики
Не веселятъ въ краю чужомъ,
Ни ласки чуждаго владыки.
Я все стенаю и грущу,
И на пирахъ сижу угрюмый,
Чего то для души ищу,
И часто погружаюсь въ думы ...

„И въ хижинѣ, и во дворцѣ
Меня гласъ внутренній тревожитъ,
И мрачность на моемъ лицѣ
Веселость шумныхъ пиршествъ множитъ ...
Увы! злымъ рокомъ я лишенъ
Семьи, отечества драгова.
Сколь жалокъ тотъ, кто осужденъ
Искать въ странѣ чужой покрова!“

XII.

СМЕРТЬ ЕРМАКА.*)

(П. А. МУХАНОВУ.)

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали ...

---

*) Подъ словомъ Сибирь разумѣется нынѣ неизмѣримое пространство отъ хребта Уральскаго до береговъ Восточнаго Океана. Нѣкогда Сибирскимъ царствомъ называлось небольшое татарское владѣніе, коего столица, Искеръ, находилась на рѣкѣ Иртышѣ, впадающей въ Обь. Въ половинѣ XVI вѣка сіе царство зависѣло отъ Россіи. Въ 1569 году царь Кучумъ *былъ принятъ подъ руку* Іоанна Грознаго и обязался платить дань. Между тѣмъ сибирскіе Татары, и подвластные имъ Остяки и Вогуличи, вторгались иногда въ Пермскія области. Это заставило россійское правительство обратить вниманіе на обезпеченіе сихъ украйнъ укрѣпленными мѣстами и умноженіемъ въ нихъ народонаселенія. Богатые въ то время купцы Строгоновы получили во владѣніе обширныя пустыни на пре-

Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

дѣлахъ Перміи: имъ дано было право заселить ихъ и обработать. Сзывая вольницу, сіи дѣятельные помѣщики обратились къ козакамъ, кои, не признавая надъ собою никакой верховной власти, грабили на Волгѣ промышленниковъ и купеческіе караваны. Лѣтомъ 1579 года 540 сихъ удальцевъ пришли на берега Камы; предводителей у нихъ было пятеро, главный назывался Ермакъ Тимофеевъ. Строгоновы присоединили къ нимъ 300 человѣкъ разныхъ всельниковъ, снабдили ихъ порохомъ, свинцомъ и другими припасами, и отправили за Уральскія горы (въ 1581 г.). Въ теченіи слѣдующаго года козаки разбили Татаръ во многихъ сраженіяхъ, взяли Искеръ, плѣнили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трехъ лѣтъ господствовали въ Сибири. Между тѣмъ число ихъ мало по малу уменшалось: много погибло отъ оплошности. Сверженный Кучумъ бѣжалъ въ Киргизскія степи и замышлялъ способы истребить козаковъ. Въ одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильномъ дождѣ, онъ учинилъ неожиданное нападеніе: козаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силѣ и незапности удара. Не имѣя средствъ къ спасенію, кромѣ бѣгства, Ермакъ бросился въ Иртышъ, въ намѣреніи переплыть на другую сторону, и погибъ въ волнахъ. Лѣтописцы представляютъ сего козака-героя крѣпкотѣлымъ, осанистымъ и широкоплечимъ; онъ былъ роста средняго, имѣлъ плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Нѣсколько лѣтъ послѣ сего Сибирь была оставлена Россіянами; потомъ пришли царскія войска и снова завладѣли ею. Въ теченіи XVII вѣка безпрерывныя завоеванія разныхъ удальцовъ-предводителей отнесли предѣлы Россійскаго Государства къ берегамъ Восточнаго Океана.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали, близъ дубравы.
„О, спите, спите“, мнилъ герой:
„Друзья, подъ бурею ревущей!
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу, иль на смерть зовущій!

„Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
И силы ратниковъ удвоитъ.
Кто жизни не щадилъ своей
Въ разбояхъ, злато добывая,
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь святую погибая?

„Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ преступленья буйной жизни,
И за побѣды заслуживъ
Благословенія отчизны —
Намъ смерть не можетъ быть страшна;
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — непраздно въ мірѣ жили!“

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ,
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ:
Вздымалися сѣдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ козачьи челны.
Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала!

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ —
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина ...

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
И, гибель зря, стремится въ волны,
Душа отвагою полна;
Но далеко отъ брега челны!
Иртышъ волнуется сильнѣй ...
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ —
И мощною рукой своей
Валы сѣдые разсѣкаетъ ...

Плыветъ ... ужь близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.
Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь — даръ царя —
Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря ... Вдругъ луной
Иртышъ кипящій осребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ бронѣ мѣдяной озарился.
Носились тучи, дожь шумѣлъ,
И молніи еще сверкали,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

XIII.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ. *)

Москва рѣка дремотною волной
Катилась тихо межь брегами;
Въ нее, гордясь, глядѣлся Кремль стѣной
И златоверхими главами.
Умолкъ по улицамъ и вдоль береговъ
Кипящаго народа гулъ шумящій.
Все въ тихомъ снѣ: одинъ лишь Годуновъ
На ложѣ бодрствуетъ стенящій.

*) Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ является въ исторіи съ 1570 года: тогда онъ былъ царскимъ оруженосцемъ. Возвышаясь постепенно, Годуновъ сдѣлался бояриномъ и конюшимъ: титла важныя при прежнемъ дворѣ россійскомъ. Сынъ Іоанна Грознаго, царь Ѳеодоръ, сочетался бракомъ съ его сестрою, Ириною Ѳеодоровною. Тогда Годуновъ пришелъ въ неограниченную силу; онъ имѣлъ столь великое вліяніе на управленіе государствомъ, что иностранныя державы признавали его соправителемъ сего кроткаго, слабодушнаго монарха. По кончинѣ Ѳеодора Іоанновича (1598 г.), духовенство, государственные чины и повѣренные народа избрали Годунова царемъ. Правленіе его продолжалось около осьми лѣтъ. Въ сіе

Предъ образомъ Спасителя, въ углу,
Лампада тусклая трепещетъ,
И блѣдный лучъ, блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца страшно блещетъ.
Тутъ зрѣлся скиптръ, корона тамъ видна,
Здѣсь золото и серебро сіяло:
Увы! лишь добродѣтели и сна
Великому недоставало! ...

Онъ тщетно звалъ его въ ночной тиши:
До сна ль, когда шептала совѣсть
Изъ глубины встревоженной души
Ему цареубійства повѣсть:
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный сонъ,
Тревожной оживлялось думой —
И, трепету невольно преданъ онъ,
Страдалъ въ душѣ своей угрюмой.

время Годуновъ старался загладить непріятное впечатлѣніе, какое оставили въ народѣ прежніе честолюбивые и хитрые его виды; между прочимъ ему приписывали отдаленіе отъ двора родственниковъ царской фамиліи (Нагихъ, кн. Сицкихъ и Романовыхъ) и умерщвленіе малолѣтняго царевича Димитрія, брата царя Ѳеодора, въ 1591 году погибшаго въ Угличѣ. Годуновъ расточалъ награды царедворцамъ, благотворилъ народу и всѣми мѣрами старался пріобрѣсти общественную любовь и довѣренность. Между тѣмъ явился ложный Димитрій; къ нему пристало множество приверженцевъ — и государству угрожала опасность. Въ сіе время (1605 г.) Годуновъ умеръ незапно; полагаютъ, что онъ отравился. Историки несогласны въ сужденіяхъ о Годуновѣ: одни ставятъ его на ряду государей великихъ, хвалятъ добрыя дѣла и забываютъ о честолюбивыхъ его происках; другіе — многочисленнѣйшіе — называютъ его преступнымъ, тираномъ.

Ему представился тотъ страшный часъ,
Когда достичь пылая трона,
Онъ заглушилъ священный въ сердцѣ гласъ,
Гласъ совѣсти, и вѣры, и закона.
„О, заблужденіе!“ онъ возопилъ:
„Я мнилъ, что гласъ сей сокровенный
На вѣкъ сномъ непробуднымъ усыпилъ
Въ душѣ, злодѣйствомъ омраченной!

„Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные и сёла;
Полезному открою всѣ пути,
И возвеличу блескъ престола.

„Я мнилъ: народъ меня благословитъ,
Зря благоденствіе отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю, — но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожитъ.

„Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый геній,
Влачится въ слѣдъ — и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій ...

Ахъ! удались! дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна ужь чаша наказанья!

„Взываю я, — но тщетны всѣ мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящій перстъ судьбы,
И слышу сердца гласъ угрюмый.
Терзай же, тайный гласъ, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую,
И смою черное съ души пятно
И кровь царевича святую!

„Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня:
Не утомлюся отъ страданья,
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодѣянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правленіе прославлю,
И прахъ несчастнаго почтить слезой
Потомка поздняго заставлю.

„О такъ! хоть станутъ проклинать во мнѣ
Убійцу отрока святова,
Но не забудутъ же въ родной странѣ
И дѣлъ полезныхъ Годунова.“
Страдая внутренно, такъ думалъ онъ;
И вдругъ, на гласъ святой надежды,
Къ царю слетѣлъ давно желанный сонъ
И осѣнилъ страдальца вѣжды.

И съ той поры державный Годуновъ,
Перенося гоненье рока,
Творилъ добро, былъ подданнымъ покровъ
И врагъ лишь одного порока.
Скончался онъ — и тихо приняла
Земля несчастнаго въ объятья ...
И загремѣли за его дѣла
Благословенья и — проклятья! ...

XIV.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Чьи такъ дико блещутъ очи?
Дыбомъ чорный волосъ всталъ?
Онъ страшится мрака ночи;
Зрю — сверкнулъ въ рукѣ кинжалъ! ...
Вотъ идетъ ... стоитъ ... трепещетъ ...
Быстро бросился назадъ;
И, какъ злой преступникъ, мещетъ
Вдоль чертога робкій взглядъ.

---

*) Читавшимъ отечественную исторію извѣстенъ странный Лжедимитрій — Григорій Отрепьевъ. Повѣствуютъ, что онъ происходилъ изъ сословія дѣтей боярскихъ; нѣсколько лѣтъ находился въ Чудовѣ монастырѣ іеродьякономъ и былъ келейникомъ у Патріарха Іова. За безпорядочное поведеніе Отрепьевъ заслуживалъ наказаніе; онъ желалъ избѣжать сего и предался бѣгству. Долго скитаясь внутри Россіи и переходя изъ монастыря въ монастырь, наконецъ выѣхалъ въ Польшу. Тамъ онъ замыслилъ выдать себя царевичемъ Димитріемъ, сыномъ Іоанна Грознаго, который умерщвленъ былъ (въ 1591 г.) въ

Не убійца ль сокровенной,
За Москву и за народъ,
Надъ стезею потаенной
Самозванца стережетъ? ...
Вотъ къ окну оборотился;
Вдругъ луны сребристый лучъ
На чело къ нему скатился
Изъ-за мрачныхъ грозныхъ тучь.

Что я зрю? То хищникъ власти! —
Лжедимитрій тамъ стоитъ;
На лицѣ пылаютъ страсти;
Трепеща онъ говоритъ:
„Тамъ въ чертогахъ кто то бродитъ —
Шорохъ — заскрипѣла дверь! ...
И вотъ призракъ чей то входитъ:
Это ты — Бориса дщерь! ...

Угличѣ — какъ говорили — по проискамъ властолюбиваго Годунова. Онъ началъ разглашать выдуманныя имъ обстоятельства мнимаго своего спасенія, привлекъ къ себѣ толпу легковѣрныхъ и, съ помощію Сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка, вторгся въ отечество вооруженною рукою. Странное стеченіе обстоятельствъ благопріятствовало Отрепьеву: Годуновъ умеръ незапно, и на престолѣ россійскомъ возсѣлъ самозванецъ (1605 г.). Но торжество Отрепьева было не долговременно: явная преданность католицизму и терпимость іезуитовъ сдѣлало его ненавистнымъ въ народѣ; а развратное поведеніе и дурное правленіе ускорили его паденіе. Князь Василій Шуйскій (въ 1606 г.) произвелъ заговоръ; возникло народное возмущеніе — и Лжедимитрія не стало. Явленіе сего Самозванца, быстрые его успѣхи и странное стеченіе обстоятельствъ того времени составляютъ важную загадку въ нашей исторіи.

„О, молю, избавь отъ взгляда! ...
Укоризною горя,
Онъ вселяетъ муки ада
Въ грудь преступнаго царя! ...
Но — изчезла у порога ...
Это кто жь мелькнулъ и сталъ,
Притаясь въ углу чертога?
Это Шуйскій! ... Я пропалъ!“

Такъ страдалъ злодѣй коварной
Въ часъ спокойствія въ Кремлѣ:
Проступалъ безперестанно
Потъ холодный на челѣ.
„Но укроюсь я отъ мщенья!“
Онъ невнятно прошепталъ:
„Для тирана нѣтъ спасенья;
Другъ ему — одинъ кинжалъ!

„На престолѣ, иль на ложѣ,
Иль въ толпѣ на площади,
Рано, поздно ли, но все же
Быть ему въ моей груди!
Прекращу свой вѣкъ постылый;
Мнѣ наскучило страдать
Во дворцѣ, какъ средь могилы,
И убійцу нажидать.“

Сталь занесъ — она сверкнула —
И преступный задрожалъ:
Смерть тирана ужаснула;
Выпалъ поднятый кинжалъ.

„Не настало еще время!“
Простоналъ онъ: „но придетъ —
И несносной жизни бремя
Тяжкой ношею спадетъ.“

Но какъ будто вдругъ очнувшись:
„Что свершить рѣшился я?“
Онъ воскликнулъ, ужаснувшись:
„Нѣтъ! не погублю себя.
Завтра жь, завтра все разрушу,
Завтра хлынетъ кровь рѣкой —
И встревоженную душу
Вновь порадуетъ покой!

„Вмѣсто праотцевъ закона
Я введу законъ Римлянъ;
Грозной местью гряну съ трона
Въ подозрительныхъ гражданъ.
И твоя падетъ на плахѣ,
Буйный Шуйскій, голова!
И, дымясь въ крови и прахѣ,
Затрепещешь ты, Москва!“

Смолкъ. Преступныя надежды
Удалили страхъ — и онъ
Легъ на пышный одръ — и вѣжды
Оковалъ тревожный сонъ.
Вдругъ среди безмолвья грянулъ
Бой набата близь дворца,
И тиранъ съ одра воспрянулъ
Съ смертной блѣдностью лица ...

Побѣжалъ и зритъ у входа:
Изо всѣхъ кремлевскихъ вратъ
Волны шумныя народа
Ко дворцу, стремясь, кипятъ.
Вотъ приблизились, напали;
Храбрый Шуйскій впереди —
И Сарматы побѣжали
Съ хладнымъ ужасомъ въ груди.

„Все погибло! нѣтъ спасенья!
Смерть — прибѣжище одно!“
Рекъ тиранъ ... еще мгновенье —
И бросается въ окно.
Палъ на камни, и при стукахъ
Сабель, копій и мечей,
Жизнь окончилъ въ страшныхъ мукахъ
Нераскаянный злодѣй.

XV.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ. *)

„Куда ты ведешъ насъ? Не видно ни зги!“
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:
„Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга;
Намъ знать не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!

---

*) Въ исходѣ 1612 года, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, послѣдняя отрасль рюриковой династіи, скрывался въ Костромской области. Въ то время Москву занимали Поляки: сіи пришельцы хотѣли утвердить на россійскомъ престолѣ царевича Владислава, сына короля ихъ Сигизмунда III. Одинъ отрядъ проникнулъ въ Костромскіе предѣлы и искалъ захватить Михаила. Вблизи отъ его убѣжища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы онъ тайно провелъ ихъ къ жилищу будущаго вѣнценосца Россіи. Какъ вѣрный сынъ отечества, Сусанинъ захотѣлъ лучше погибнуть, нежели предательствомъ спасти жизнь. Онъ повелъ Поляковъ въ противную сторону и извѣстилъ Михаила объ опасности: бывшіе съ нимъ успѣли увезти его. Раздраженные Поляки убили Сусанина. По восшествіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича (въ 1613), потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участокъ земли при селѣ Домнинѣ; ее подтверждали и послѣдующіе государи.

„Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ:
Но смерти отъ Ляховъ вашъ царь не минуетъ!
Веди жь насъ, — такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся: не долго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ мятелью ...
Но что тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?“

— Деревня! — Сарматамъ въ отвѣтъ мужичокъ:
— Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! въ ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите, — не бойтесь! — „Ну, то-то, Москаль! ...
Какая же, братцы, чертовская даль!

„Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣгу соколіи очи ...
Жупанъ мой — хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!“
Вошедъ, проворчалъ такъ Сарматъ молодой.
„Вина намъ, хозяинъ! мы смокли, иззябли!
Скорѣй! ... не заставь насъ приняться за сабли!“

Вотъ скатерть простая на столъ постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ окончины вѣтеръ, бушуя, стучитъ;
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.

Давно ужь заполночь! Сномъ крѣпкимъ объяты,
Лежатъ беззаботно по лавкамъ Сарматы.
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ, на сторожѣ, Сусанинъ сѣдой

Въ пол-голоса молитъ въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.

Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и въ двери тайкомъ ...
„Ты ль это, родимый? А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
Заполночь ... а вѣтеръ еще не затихъ;
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!“

— Приводитъ самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому:
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые Ляхи, по злобѣ своей,
Его потаенно убить замышляютъ,
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ!

— Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ
И что ужь убійцы со мной на ночлегѣ. —
„Но что ты затѣялъ? подумай, родной!
Убьютъ тебя Ляхи ... Что будетъ со мной?

„И съ юной сестрою и съ матерью хилой?“
— Творецъ защититъ васъ святой своей силой.
Не дасть Онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о сынъ мой, намъ дорого время!
И помни: я гибну за русское племя! —

Рыдая, на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ: — и помчался свистящей стрѣлой.

Луна, между тѣмъ, совершила полъ-круга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря:
Проснулись Сарматы, злодѣи царя.

„Сусанинъ!“ вскричали, „что молишься Богу?
Теперь ужь не время — пора намъ въ дорогу!“
Оставивъ деревню шумящей толпой,
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой.
Сусанинъ ведетъ ихъ ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло:

То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ.
Стоятъ не шелохнясь и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.

Другъ за̀ другомъ идутъ въ молчаньи Сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужь солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ, —
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними;
И сосны, и ели, вѣтвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще на сторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьѣ и мертво, и глухо ...
„Куда ты завелъ насъ?“ Ляхъ старый вскричалъ.
— Туда, куда нужно! — Сусанинъ сказалъ:

— Убейте! замучьте! — моя здѣсь могила!
Но знайте, и рвитесь: — я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ,
И душу измѣной свою не погубитъ. —

„Злодѣй!“ закричали враги, закипѣвъ:
„Умрешь подъ мечами!“ — Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто Русской по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь! —

„Умри же!“ Сарматы герою вскрычали —
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
„Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!“
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила!

XVI.

БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучъ денницы
И ужасъ мѣста озарялъ, —
Въ цѣпяхъ, и грозный, и угрюмый,
Лежалъ Хмѣльницкій на землѣ;
Въ немъ мрачныя кипѣли думы
И выражались на челѣ.

---

*) Зиновій (Богданъ) Хмѣльницкій, сынъ Чигиринскаго сотника, воспитывался въ Кіевѣ и кончилъ ученіе у іезуитовъ, въ польскомъ городѣ Ярославцѣ. Въ Исторіи онъ становится извѣстенъ съ 1620 года. Въ сраженіи при Цецорѣ Турки взяли его въ плѣнъ и держали въ неволѣ два года. По возвращеніи своемъ Хмѣльницкій служилъ въ войскѣ польскомъ; потомъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ селеніи Субботовѣ, въ покоѣ. Чигиринскій подстароста Чаплицкій, захватилъ селеніе, похитилъ у него подругу и высѣкъ плетьми малолѣтняго его сына. Хмѣльницкій поѣхалъ въ Варшаву жаловаться; но не нашелъ управы. Тогда онъ поклялся отомстить всѣмъ Полякамъ. Въ 1647 году въ Малороссіи вспыхнуло возмущеніе. Хмѣльницкій

Темницы мертвое молчанье
Ни стонъ, ни вздохъ не нарушалъ;
Надежду мести и страданье
Герой въ груди своей питалъ.
„Такъ, такъ, онъ думалъ, часъ настанетъ!
Освобожденный отъ оковъ,
Забытый узникъ бурей грянетъ
На притѣснителей-враговъ;

„Отмститъ холодное презрѣнье
Къ священнѣйшимъ правамъ людей;
Отмститъ убійства и хищенье,
Безчестье женъ и дочерей;
Позорныя разрушитъ цѣпи,
И, рабства сокруша кумиръ,
Вновь водворитъ въ родныя степи
Съ святой свободой тихій миръ.

принялъ въ немъ дѣятельное участіе, поощрялъ недовольныхъ и умножалъ толпы ихъ. Дошло до явной войны. Хмѣльницкій выбранъ былъ гетманомъ. Онъ вошелъ въ связи съ Крымцами, призвалъ ихъ на помощь и слишкомъ четыре года противостоялъ Полякамъ. Примѣчательны сраженія: на Желтыхъ Водахъ, подъ Корсуномъ и при Берестечкѣ. Въ 1651 году прекратились раздоры. Поляки заключили съ Малороссіянами и Запорожскимъ войскомъ мирный договоръ подъ Бѣлою Церковію; но не смотря на сіе, не упускали случая оскорблять ихъ. Сіи притѣсненія заставили Хмѣльницкаго просить Россійскаго государя о принятіи его съ войскомъ въ подданство (1654 т.). Онъ умеръ въ Чигиринѣ 15 августа 1657 года. За освобожденіе отчизны его прозвали *Богданомъ*, т. е. Богомъ дарованнымъ избавителемъ.

„Покроетъ ржа враговъ кольчуги
И прахъ ихъ вѣтеръ разнесетъ,
Застонутъ нѣжныя супруги
И мать дѣтей не обоймет.
А ты, пришлецъ иноплеменный,
Тиранъ родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкій! — трепещи, злодѣй!

„За кровь пролитую, за слезы
И женъ, и старцевъ, и сиротъ,
За все — и за сіи желѣзы
Тебя мое отмщенье ждетъ!
Но гдѣ о вольности мечтаю?
Увы! въ темницѣ дни влача,
Свой вѣкъ, быть можетъ, оканчаю
Отъ рукъ презрѣнныхъ палача.

„И долго, можетъ быть, стеная
Подъ тяжкимъ бременемъ оковъ,
Хмѣльницкаго страна родная
Пребудетъ жертвою враговъ.“
Чела страдальца видъ суровый
Мрачнѣе сталъ отъ думы сей,
И на заржавыя оковы
Упали слезы изъ очей.

Вдругъ слышитъ: загремѣли створы,
Со скрипомъ дверь отворена,
И входитъ, потупляя взоры,
Младая робкая жена.

„Кто ты?“ Хмѣльницкій изумленный
Представшей незнакомкѣ рекъ:
„Оковы ль снять? ... о часъ блаженный!
О, если бъ этотъ часъ притекъ!

„Или съ жестокою душою,
Съ презрѣньемъ хладнымъ на очахъ,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня въ цѣпяхъ?“
— О, нѣтъ! — привѣтно произноситъ:
— Въ душѣ любви питая жаръ,
Жена Чаплицкаго приноситъ
Тебѣ съ рукой свободу въ даръ. —

„Жена Чаплицкаго!“ — Мученье
И вмѣстѣ мужество твое
Вдохнули въ душу мнѣ почтенье
И сердце тронули мое:
И полюбила — и пылала
Изъ сихъ оковъ тебя извлечь;
Я связь съ тираномъ разорвала;
Будь мой! — „Я твой!“ — Прими свой мечъ! —

„Мой мечъ!“ Хмѣльницкій восклицаетъ:
„Живъ Богъ! — и ты погибъ, злодѣй!
Заря свободы засіяетъ
Отъ блеска мстительныхъ мечей!“
Сребрила долъ царица нощи,
Въ брега волною Днѣпръ плескалъ;
Опѣнивъ удила, у рощи
Нетерпѣливый конь стоялъ.

Герой вскочилъ, веселья полный,
Летитъ — и зритъ поля отцовъ,
И вкругъ его, какъ моря волны,
Рои толпятся козаковъ.
„Друзья!“ онъ къ храбрымъ восклицаетъ:
„За мной, чью грудь волнуетъ месть,
Кто рабству смерть предпочитаетъ,
Кому всего дороже честь!

„Самъ Богъ поборникъ угнетённымъ!
Вожди — рѣшительность и я!
На встрѣчу ко врагамъ презрѣннымъ,
На Воды Желтыя, друзья!“ —
И вотъ сошлися два народа:
И съ яростью вступили въ бой
Съ тиранствомъ бодрая свобода,
Кипя отвагою младой.

Сарматъ, и храбрый, и надменный,
Вотще упорствовать хотѣлъ;
Вотще разбитый, побѣжденный,
Бѣжалъ мечей и мѣткихъ стрѣлъ.
Преслѣдуя, какъ ангелъ мщенья,
Герой вездѣ враговъ сражалъ,
И трупы ихъ безъ погребенья
Волкамъ въ добычу разметалъ.

И воцарилася свобода
Съ тѣхъ поръ въ Украинскихъ степяхъ,
И стала съ счастіемъ народа
Цвѣсть радость въ селахъ и градахъ.

И чтя посломъ небесъ желаннымъ
Въ замѣну всѣхъ наградъ и хвалъ,
Вождя-героя — Богомъ даннымъ
Народа общій гласъ назвалъ.

XVII.

АРТЕМОНЪ МАТВѢЕВЪ.*)

Мужъ знаменитый, другъ добра,
Бояринъ Артемонъ Матвѣевъ
Былъ сосланъ въ ссылку отъ двора,
По клеветамъ своихъ злодѣевъ.
Семь лѣтъ томился онъ въ глуши;
Семь лѣтъ позоръ и стыдъ изгнанья
Сносилъ съ величіемъ души,
Безъ слезъ, безъ скорби и роптанья.

---

*) Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ родился въ 1625 году. Въ правленіе царя Алексѣя Михайловича онъ отличился доблестями на поприщѣ военномъ и политическомъ: сражался съ Поляками, Шведами и Татарами, заключилъ договоръ о сдачѣ Смоленска (1656 года), убѣдилъ Запорожцевъ къ подданству Россіи и уничтожилъ невыгодный для нея Андрусовскій миръ (1667). Начальствуя надъ посольскимъ приказомъ, Матвѣевъ умѣлъ вселить въ другихъ европейскихъ дворахъ должное уваженіе къ Россіи. Въ его домѣ воспитывалась Наталія Кириловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексѣя Михайловича,

„Когда защитникъ намъ законъ
И совѣсть сердца не тревожитъ,
Тогда ни ссылка, думалъ онъ,
Ни казнь позорить насъ не можетъ.
Бывъ другомъ добраго царя,
Народа русскаго любимецъ,
Всегда въ душѣ спокоенъ я
И въ злополучіи счастливецъ.

„Для блага согражданъ моихъ
Усилія мои не тщетны,
Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтный.

отъ которой родился Петръ Великій. Въ послѣдствіи государь возвелъ Матвѣева въ ближніе бояре и оказывалъ ему особенную довѣренность и даже дружбу. Съ кончиною царя Алексѣя Михайловича (въ 1676 г.) кончилось блистательное поприще Матвѣева: враги оклеветали его и удалили отъ двора. Матвѣевъ получилъ назначеніе въ Верхотурье воеводою; на дорогѣ настигъ его гонецъ и отвезъ въ отдаленный Пустозерскій острогъ. Цѣлые семь лѣтъ Матвѣевъ пробылъ въ заточеніи. Наконецъ ему велѣно было ѣхать въ городъ Лухъ (Костромской губерніи). Въ дорогѣ Матвѣевъ узналъ о кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича и получилъ приглашеніе ко двору воцарившихся соправителей. Въ столицѣ ожидало его новое бѣдствіе: на четвертый день пріѣзда (15 мая 1682) взбунтовались стрѣльцы, и Матвѣевъ палъ жертвою преданности къ государямъ. Любя добродѣтель, онъ уважалъ просвѣщеніе и науки; сочинилъ „Россійскую Исторію“; имѣлъ вкусъ къ изящнымъ искусствамъ: живописи, музыкѣ и драматическимъ представленіямъ. При немъ впервые стали извѣстны у насъ театральныя зрѣлища.

Всѣ козни злыхъ клеветниковъ
Потомству время обнаружитъ,
И ненависть моихъ враговъ
Къ безславію для нихъ послужитъ.

„Пускай передъ царемъ меня
Чернитъ и клевета, и злоба.
Предъ ними не унижусь я:
Мнѣ честь сопутницей до гроба.
Щитомъ противъ коварства стрѣлъ,
Среди моей позорной ссылки,
Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
И духъ къ добру, какъ прежде, пылкій.

„Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовыя.
Опалой царской не лишенъ
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободной.

„Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа,
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣ о царѣ жалѣю.

„На страшной трона высотѣ
Необходима прозорливость.
О, государь! внявъ клеветѣ,
Ты оказалъ несправедливость!
Меня ты въ ссылку осудилъ
За толь, что я служилъ полвѣка?
Но я давно тебя простилъ,
О, царь! простилъ, какъ человѣка.

„Близь трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся лесть и вѣроломство.
Сколь много для царей труда!
Дѣяній ихъ судьей — потомство.
Увы! его склонить нельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ.
Нелицемѣрный сей судья
Творитъ свой приговоръ надъ прахомъ.“

Такъ изгнанный мечталъ въ глуши,
Неся позорной ссылки бремя —
И правоту его души
Предъ свѣтомъ оправдало время:
Другъ истины и другъ добра,
Горя къ отечеству любовью,
Палъ мертвъ за юнаго Петра,
Запечатлѣвъ невинность кровью.

XVIII.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ
ВЪ
ОСТРОГОЖСКѢ.*)

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и булавою
Вкругъ монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами козаки.

---

*) Петръ Великій, по взятіи Азова (въ августѣ 1696 года) прибылъ въ Острогожскъ. Тогда пріѣхалъ въ сей городъ и Мазепа, охранявшій у Коломака, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, предѣлы Россіи отъ Татаръ. Онъ поднесъ царю богатую турецкую саблю, оправленную золотомъ и осыпанную драгоцѣнными каменьями, и на золотой цѣпи щитъ съ такими жь украшеніями. Въ то время Мазепа былъ еще невиненъ. Какъ бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетманъ умѣлъ вкрасться въ милость Петра. Монархъ почтилъ его посѣщеніемъ, обласкалъ, изъявилъ особенное благоволеніе и съ честію отпустилъ въ Украйну.

„Видѣнъ Промысла святова
Надъ тобою дивный щитъ!“
Покорителю Азова
Старецъ бодрый говоритъ:
„Оглася побѣдой славной
Моря Чернаго брега,
Ты смирилъ, монархъ державной,
Непокорнаго врага.

„Страшный въ брани, мудрый въ мирѣ,
Превзошелъ ты всѣхъ владыкъ:
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей великъ.
Чту я славою и честью
Быть врагомъ твоимъ врагамъ,
И губительною местью
Пролетѣть по ихъ полкамъ.

„Уснѣжился черный волосъ
И булатъ дрожитъ въ рукѣ,
Но зажжетъ еще мой голосъ
Пылъ отваги въ козакѣ.
Въ пылкомъ сердцѣ жажда славы
Не остыла въ зиму дней:
Празднество мнѣ — бой кровавый;
Мнѣ музыка — стукъ мечей!“

Кончилъ — и къ стопамъ Петровымъ
Щитъ и саблю положилъ;
Но, казалось, вождь суровый
Что то въ сердцѣ затаилъ ...

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?

Сей пришлецъ въ странѣ пустынной —
Былъ Мазепа, вождь сѣдой;
Можетъ быть, еще невинной,
Можетъ быть, еще герой.
Гдѣ жь свиданіе съ Мазепой
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпой
Клясться въ искренности смѣлъ?

Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну тихую влились;
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разрослись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій Крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкой
Добрыхъ гражданъ возмущалъ;

Гдѣ, плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный, легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ, въ странѣ благословенной,
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенной
Острогожскихъ козаковъ.

XIX.

ВОЛЫНСКІЙ. *)

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученникъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій, безъ боязни;

*) Волынскій началъ поприще службы при Петрѣ Великомъ. Получивъ чинъ генералъ-маіора, онъ оставилъ военную службу и сдѣлался дипломатомъ: ѣздилъ въ Персію въ качествѣ министра, былъ вторымъ посломъ на Немировскомъ Конгрессѣ и въ 1737 году пожалованъ въ статсъ-секретари. Манштейнъ изображаетъ его человѣкомъ обширнаго ума, но крайне искательнымъ, гордымъ и сварливымъ. Неострожность погубила Волынскаго. Однажды, примѣтя холодность императрицы Анны къ герцогу Бирону, онъ рѣшился подать ей мемоpію, въ которой обвинялъ во многомъ герцога и нѣкоторыхъ при дворѣ особъ: ему хотѣлось отдалить ихъ. Узнавъ о семъ, жестокій Бирон излилъ месть на Волынскаго: его отдали подъ судъ и приговорили къ смертной казни (въ 1739 году).

„Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ, въ часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Какъ покорители Казани;
Пусть удивляетъ ... но когда
Онъ все творитъ то изъ тщеславья:
Бѣда несчастному, бѣда! —
Онъ сынъ не славы, а безславья!

„Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства —
И на проклятіе вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства.
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья;

„Но тотъ, кто съ гордыми въ борьбѣ,
Наградъ не ждетъ и ихъ не проситъ,
И, забывая о себѣ,
Все въ жертву родинѣ приноситъ.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

„Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.

Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣпи —
Онъ на него, какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи ...

„И хоть падетъ, но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной,
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы, герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.

„Вражда къ неправдѣ закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ —
И Русь священная узритъ
Неправосудіе въ обломкахъ.“
Такъ, сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,
Волынскій думалъ справедливо;
Душею чистъ и правъ въ дѣлахъ,
Свой жребій несъ онъ горделиво.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ,
Презрѣвъ и казнью, и Бирономъ,
Дерзнулъ на пришлеца одинъ
Всю правду высказать предъ тономъ:
Открылъ царицѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокій.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ бѣдствій,
И ждалъ съ безтрепетной душой
Дѣянью правому послѣдствій.
Не долго, вольности лишенъ,
Герой влачилъ свои оковы:
Однажды вдругъ запоровъ звонъ —
И входитъ стражъ въ нему суровый.

Приникъ — и, осѣнясь крестомъ,
Сказалъ: „За истину святую
И казнь мнѣ будетъ торжествомъ:
Я мнилъ спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру,
И вѣренъ правдѣ былъ до гроба!“

Въ его очахъ, при мысли сей,
Сверкнула съ гордостью отвага;
И бодро изъ тюрьмы своей
Шелъ другъ общественнаго блага.
Притекъ ... увидѣлъ палача —
И голову склонилъ безъ страха:
Сверкнуло лезвіе меча —
И кровью освятилась плаха.

Сыны отечества! — въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ
Почіетъ прахъ врага Бирона!

Отецъ семейства! — приведи
Къ могилѣ мученика сына:
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ, —
И благородная душа
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ — желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью.

XX.

ВИДѢНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ. *)

Свершилась казнь — и образецъ
Любви къ отечеству священной,
Пріялъ страдальческій вѣнецъ —
Вѣнецъ чистѣйшій и нетлѣнный.
Волынскій твердъ былъ до конца;
Неустрашенный мукой казни,
Онъ гордость важнаго лица
Не измѣнилъ чертой боязни.

Презрѣннаго злодѣя мечъ
Сверкнулъ надъ выей патріота,
Сверкнулъ — глава упала съ плечъ
И покатилась съ эшафота.

*) Въ первомъ изданіи „Думъ“ была пропущена, или, лучше сказать, не пропущена цензурою дума: „Видѣніе Анны Іоанновны, напечатанная въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1859 годъ. Мы сочли необходимымъ помѣстить ее въ числѣ „Думъ“.

Прим. изд.

И страхъ и тайную тоску
Льстецы въ душѣ презрѣнной кроя,
Чтобъ угодить временщику —
Торжествовали казнь героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой:
Какъ будто камнемъ залегла
Тоска въ душѣ ея угрюмой.
Съ тѣхъ поръ у ней веселье прочь!
И стала сна она бояться;
Ея очамъ и день и ночь
Какой то призракъ сталъ являться.

Однажды пиръ гремѣлъ въ дворцѣ,
Гремѣла музыка на хорахъ;
У всѣхъ веселье на лицѣ
И упоеніе во взорахъ.
Тоской своей утомлена,
Она печальна и угрюма ...
Царица въ тронную одна
Ушла, украдкою, отъ шума.

Увы! и рѣзвость не могла
Ее порадовать улыбкой,
И мрачность блѣднаго чела
Развеселить хотя ошибкой.
„О, гдѣ найду душѣ покой!“
Она въ раздумьѣ возопила,
И, опершись на тронъ рукой,
Уныло голову склонила.

„И въ шумѣ пиршествъ и въ тиши
Меня раскаянье терзаетъ:
Оно изъ глубины души
Волынскаго напоминаетъ!“
„Онъ здѣсь!“ — внезапно зазвучалъ
По сводамъ тронной страшный голосъ ...
Въ царицѣ трепетъ пробѣжалъ
И дыбомъ приподнялся волосъ.

Она взглянула; — передъ ней
Глава Волынскаго летала,
И на нее изъ подъ бровей
Съ упреомъ очи устремляла.
Какъ огнь безплотный въ ночь горитъ,
Такъ очи смерти страшно блещутъ ...
.....
.....

Вокругъ главы во тьмѣ ночной
Какой-то чудный свѣтъ пылаетъ,
И колыхаясь кровь порой
Полы чертога обагряетъ.
Рисуетъ каждая черта
Страдальца дивнаго отчизны.
Вдругъ потемнѣвшія уста
Залепетали укоризны:

„Что медлишь ты! Давно я жду
Къ Творцу тебя на судъ священный,
Гдѣ каждый воспріемлетъ мзду:
Равны тамъ царь и рабъ презрѣнный!“

Окончивъ грозныя слова,
По прежнему изъ мрака ночи
Вперила мертвая глава
Въ царицу трепетную очи.

Шумъ музыки гремѣлъ еще,
Весельемъ наслаждались лица,
Всѣ ждали Анны, но вотще!
Рыдала въ ужасѣ царица;
Изчезла радость, шумъ утихъ;
На царедворцахъ мракъ угрюмый;
И каждый, глядя на другихъ,
Идетъ домой съ печальной думой.

XXI.

НАТАЛЯ ДОЛГОРУКОВА. *)

Настала осени пора:
Въ долинахъ вѣтры бушевали,
И волны мутнаго Днѣпра
Песчаный берегъ подрывали.
На брегъ сей дикой и крутой,
Невольно слезы проливая,
Бесѣдовать съ своей тоской
Пришла страдалица младая.

„Свершится завтра жребій мой:
Раздастся колоколъ церковной —
И я на вѣкъ съ своей тоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной.

*) Княгиня Наталія Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, знаменитаго сподвижника Петра Великаго. Нѣжная ея любовь къ несчастному своему супругу и непоколебимая твердость въ страданіяхъ — увѣковѣчили ея имя.

О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы слезы, въ мѣстѣ семъ унылом:
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!

„Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньенъ смутнымъ,
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.
Была гонима всюду я
Жезломъ судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!

„Въ борьбѣ съ враждующей судьбой
Я отцвѣтала въ заточеньѣ;
Мнѣ другъ прекрасный и младой
Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье.
Забыла я родной свой градъ,
Богатство, почести и знатность,
Чтобъ съ нимъ дѣлить въ Сибири хладъ
И испытать судьбы превратность.

„Все съ твердостью перенесла,
И, бѣдствуя въ странѣ пустынной,
Для Долгорукаго спасла
Любовь души своей невинной.
Онъ жертвой мести лютой палъ:
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя межь снѣжныхъ скалъ,
Ему въ душѣ не измѣнила.

„Судьба отраду мнѣ дала
Въ моемъ изгнаніи уныломъ:
Я утѣшалась, я жила
Мечтой всегдашнею о миломъ!
Въ странѣ угрюмой и глухой
Она являлась мнѣ какъ радость,
И въ душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

„Но завтра — завтра я должна
На вѣкъ забыть о страсти нѣжной!
Живая въ гробъ заключена,
Отъ жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свѣтъ —
И, холодна къ любви и злобѣ,
Суровый выполню обѣтъ —
Мечтать до гроба лишь о гробѣ.

„О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ:
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!
Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ,
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.“

Тутъ, снявъ кольцо съ своей руки,
Она кольцо поцаловала
И, бросивъ въ глубину рѣки,
Лицо закрыла и взрыдала:

„Сокройся въ шумной глубинѣ,
Ты перстень, перстень обручальной,
И въ монастырской жизни мнѣ
Не оживляй любви печальной!“

Рѣка клубилась въ берегахъ,
Поблеклый листъ валился съ шумомъ;
Порывный вѣтръ шумѣлъ въ поляхъ
И бушевалъ въ лѣсу угрюмомъ.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль рѣки
Дочь Шереметева младая.

Обрядъ свершился роковой ...
Прости послѣднее веселье!
Одна съ угрюмою тоской
Страдалица сокрылась въ кельѣ.
Тамъ дни свои въ постѣ влача,
Снѣдалась грустью безотрадной
И угасала, какъ свѣча,
Какъ предъ иконой огнь лампадной.

XXII.

ДЕРЖАВИНЪ. *)

(Н. И. ГНѢДИЧУ.)

Съ деревъ валится желтый листъ;
Не слышно птицъ въ лѣсу угрюмомъ,
Въ поляхъ осеннихъ вѣтровъ свистъ,
И плещутъ волны въ берегъ съ шумомъ.
Надъ Хутынскимъ монастыремъ
Примѣтно солнце догарало,
И на главахъ златымъ лучемъ,
Изъ тучь прокравшись, трепетало.

---

*) Державинъ родился 1743 года въ Казани. Онъ былъ воспитанъ сперва въ домѣ своихъ родителей, а послѣ въ Казанской гимназіи; въ 1760 г. записанъ былъ въ Инженерную школу, а въ слѣдующемъ году, за успѣхи въ математикѣ и за описаніе Болгарскихъ развалинъ, переведенъ въ гвардію. Въ чинѣ поручика отличился въ корпусѣ, посланномъ для усмиренія Пугачева. Въ 1777 году поступилъ въ статскую службу, а въ 1802 году пожалованъ былъ въ министры юстиціи. Скончался іюля 6 дня 1816 года въ помѣстьѣ своемъ на берегу Волхова.

Какой то думой омраченъ,
Младой пѣвецъ бродилъ въ оградѣ;
Но вдругъ остановился онъ,
И заблисталъ огонь во взглядѣ:
„Что вижу я? ... на сихъ брегахъ,
Онъ рекъ, для сѣвера священной
Державина ль почіетъ прахъ
Въ обители уединенной?“

И засіяли, какъ росой,
Слезами юноши рѣсницы,
И онъ съ удвоенной тоской
Сѣлъ у подножія гробницы.
И долго, молча, онъ сидѣлъ ...
И, мрачною тревожимъ думой,
Пѣвецъ задумчивый глядѣлъ
На грустный памятникъ угрюмо.

Но вдругъ восторженный вѣщалъ:
„Что я напрасно здѣсь тоскую?

„Къ безсмертнымъ памятникамъ Екатеринина вѣка принад„лежатъ пѣснопѣнія Державина. Громкія побѣды на морѣ и „сухомъ пути, покореніе двухъ царствъ, униженіе гордости „Оттоманской Порты, столь страшной для европейскихъ госу„дарей, преобразованія Имперіи, законы, гражданская сво„бода, великолѣпныя торжества просвѣщенія, тонкій вкусъ — „все это было сокровищемъ для генія Державина. Онъ былъ „Горацій своей государыни ... Державинъ великій живопи„сецъ ... Державинъ хвалитъ, укоряетъ и учитъ ... Онъ „возвышаетъ духъ націи и каждую минуту даетъ чувствовать „благородство своего духа“ ... говоритъ г. *Мерзляковъ*.

Нашъ дивный бардъ не умиралъ:
Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ,
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.

„Онъ долгъ пѣвца постигъ вполнѣ:
Онъ свить горѣлъ вѣнокъ нетлѣнной,
И былъ въ родной своей странѣ
Органомъ истины священной.
Вездѣ пѣвецъ народныхъ благъ,
Вездѣ гонимыхъ оборона
И зла непримиримый врагъ,
Онъ такъ твердилъ любимцамъ трона:

„Вельможу должны составлять:
„Умъ здравый, сердце просвѣщенно!
„Собой примѣръ онъ долженъ дать,
„Что званіе его священно;
„Что онъ орудье власти есть,
„Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
„Должны быть польза, слава, честь —
„Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній.*)

„О, такъ! нѣтъ выше ничего
Предъ назначенія поэта:
Святая правда — долгъ его;
Предметъ — полезнымъ быть для свѣта.

*) См. „Вельможа“, соч. Державина.

Служитель избранный Творца,
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой, высокій санъ пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обязанъ.

„Ему невѣдомъ низкій страхъ;
На смерть съ презрѣніемъ взираетъ,
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ правдивымъ зажигаетъ.
Надъ нимъ кто будетъ властелинъ? —
Онъ добродѣтель свято цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ думахъ тайныхъ не измѣнитъ.

„Таковъ нашъ бардъ-Державинъ былъ:
Всю жизнь онъ велъ борьбу съ порокомъ;
Судьямъ ли правду говорилъ —
Онъ такъ гремѣлъ съ святымъ Пророкомъ:
„Вашъ долгъ на сильныхъ не взирать;
„Безъ помощи, безъ обороны
„Сиротъ и вдовъ не оставлять,
„И свято сохранять законы.

„Вашъ долгъ: несчастнымъ дать покровъ,
„Всегда спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
„Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ,
„Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ.“*)

*) См. „Къ Властителямъ и Судіямъ“, его же.

Пѣвцу ли ожидать стыда
Въ судѣ грядущихъ поколѣній?
Не осквернитъ онъ никогда
Порочной мыслію твореній.

„Повсюду правды вѣрный жрецъ,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станетъ портить онъ сердецъ
И развращать народа нравы.
Поклонникъ пламенный добра,
Ни чѣмъ себя не опорочитъ
И освященнаго пера
Въ нечестьи буйномъ не омочитъ.

„Творцу ли гимнъ святой звучитъ
Его восторженная лира —
Словами онъ какъ громъ гремитъ,
И вторятъ гимнъ народы міра.
О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Откажетъ ли и самый рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ?

„Ты правъ, пѣвецъ: ты будешь жить;
Ты памятникъ воздвигнулъ вѣчный:
Его не могутъ сокрушить
Ни громъ, ни вихорь быстротечный.“ *)

*) См. „Памятникъ“, подражаніе Державина Гораціевой одѣ: „Exegi monumentum aere perennius.“

Пѣвецъ умолкъ — и тихо всталъ;
Въ немъ сердце билось — и въ волненьѣ
Вздохнувъ, онъ, отходя, вѣщалъ
Въ какомъ то дивномъ иступленьѣ:

„О, пусть не буду въ гимнахъ я,
Какъ нашъ Державинъ, дивенъ, громокъ;
Лишь только бъ молвилъ про меня
Мой образованный потомокъ:
„Парилъ онъ мыслію въ вѣкахъ,
„Сѣдую вызывая древность,
„И воспалялъ въ младыхъ сердцахъ
„Къ общественному благу ревность!“

П О Э М Ы.

ВОЙНАРОВСКІЙ.

Nessum maggior dolore che ricordarsi
del tempo felice Nella miseria.

Dante.

А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Какъ странникъ грустной, одинокой
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужь къ людямъ холодъ ненавистной
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Незапно ты явился мнѣ —
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Прими жь плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга!
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искуства;
За то найдешь живыя чувства —
Я не поэтъ, я гражданинъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ МАЗЕПЫ.*)

Мазепа принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ въ россійской исторіи XVIII столѣтія. Мѣсто рожденія и первые годы его жизни покрыты мракомъ неизвѣстности. Достовѣрно только, что онъ провелъ молодость свою при варшавскомъ дворѣ, находился пажемъ у короля Іоанна Казимира, и тамъ образовался среди отборнаго польскаго юношества. Несчаст-

*) Можетъ быть читатели удивятся противуположности характера Мазепы, выведеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ. Считаемъ за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ. И могло ли быть иначе? ... Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія. Желая преклонить Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его по неопытности въ войну противъ великаго государя; но истина восторжествовала — и Провидѣніе наказало измѣнника.

ныя обстоятельства, до сихъ поръ еще не объясненныя, заставили его бѣжать изъ Польши. Исторія представляетъ намъ его въ первый разъ въ 1674 году главнымъ совѣтникомъ Дорошенки, который, подъ покровительствомъ Польши, правилъ землями, лежавшими по правой сторонѣ Днѣпра. Московскій дворъ рѣшился присоединить въ то время сіи страны къ своей державѣ. Мазепа, попавшись въ плѣнъ при самомъ началѣ войны съ Дорошенкомъ, совѣтами противъ бывшаго своего начальника много способствовалъ успѣху сего предпріятія и остался въ службѣ у Самойловича, гетмана Малороссійской Украины. Самойловичъ, замѣтивъ въ немъ хитрый умъ и пронырство, увлеченный его краснорѣчіемъ, употреблялъ его въ переговорахъ съ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, съ Крымскимъ ханомъ и съ Поляками. Въ Москвѣ Мазепа вошелъ въ связи съ первыми боярами царскаго двора и, послѣ неудачнаго похода любимца Софіи князя Василья Васильевича Голицына въ Крымъ, въ 1687 году, чтобъ отклонить отвѣтственность отъ сего вельможи, онъ приписалъ неуспѣхъ сей войны благодѣтелю своему Самойловичу, отправилъ о семъ доносъ къ царямъ Іоанну и Петру, и въ награду за сей поступокъ былъ, по проискамъ Голицына, возведенъ въ званіе гетмана обѣихъ Украинъ.

Между тѣмъ война съ Крымцами не уставала: походъ 1688 года былъ еще неудачнѣе прошлогодняго; здѣсь въ то время произошла перемѣна въ правленіи. Владычество Софіи и ея любимца кончилось, и власть перешла въ руки Петра. Мазепа, опасаясь раздѣлить несчастную участь съ вельможею, которому

онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, рѣшился объявить себя на сторонѣ юнаго государя, обвинилъ Голицына въ лихоимствѣ и остался гетманомъ.

Утвержденный въ семъ достоинствѣ, Мазепа всячески старался снискать благоволеніе россійскаго монарха. Онъ участвовалъ въ азовскомъ походѣ; во время путешествія Петра по чужимъ краямъ счастливо воевалъ съ Крымцами, и одинъ изъ первыхъ совѣтовалъ разорвать миръ со Шведами. Въ словахъ и поступкахъ онъ казался самымъ ревностнымъ поборникомъ выгодъ Россіи, изъявлялъ совершенное покорство волѣ Петра, предупреждалъ его желанія, и въ 1701 году, когда Буджацкіе и Бѣлгородскіе Татары просили его о принятіи ихъ въ покровительство, согласно съ древними обычаями козаковъ: „прежнія козацкія обыкновенія миновались“, отвѣчалъ онъ депутатамъ: „гетманы ничего не дѣлаютъ безъ повелѣнія государя.“ Въ письмахъ къ царю Мазепа говорилъ про себя, что онъ одинъ, и что всѣ окружающіе его недоброжелательствуютъ Россіи; просилъ, чтобъ доставили ему случай показать свою вѣрность, позволивъ участвовать въ войнѣ противъ Шведовъ, и въ 1704 году, послѣ похода въ Галицію, жаловался, что король Августъ держалъ его въ бездѣйствіи, не давъ ему способовъ къ оказанію важныхъ услугъ русскому царю. Петръ, плѣненный его умомъ, познаніями, и довольный его службою, благоволилъ къ гетману особеннымъ образомъ. Онъ имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность, осыпалъ его милостями, сообщалъ ему самыя важныя тайны, слушалъ его совѣтовъ. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, объявляли его въ измѣнѣ, государь велѣлъ отсылать ихъ

въ Малороссію и судить какъ ябедниковъ, осмѣлившихся поносить достойнаго повелителя козаковъ. Еще въ концѣ 1705 года Мазепа писалъ къ Головину: „Никогда не отторгнусь отъ службы премилостивѣйшаго моего государя.“ Въ началѣ 1706 года былъ онъ уже измѣнникъ.

Нѣсколько разъ уже Станиславъ Лещинскій подсылалъ къ Мазепѣ повѣренныхъ своихъ съ пышными обѣщаніями и убѣжденіями — преклониться на его сторону; но послѣдній отсылалъ всегда сіи предложенія Петру. Замысливъ измѣну, повелитель Малороссіи почувствовалъ необходимость притворства. Ненавидя Россіянъ въ душѣ, онъ вдругъ началъ обходиться съ ними самымъ привѣтливымъ образомъ; въ письмахъ своихъ къ государю увѣрялъ онъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, въ своей преданности, а между тѣмъ потаенными средствами раздувалъ между козаками неудовольствіе противъ Россіи. Подъ предлогомъ, что козаки ропщутъ на тягости, понесенныя ими въ прошлогднихъ походахъ и въ крѣпостныхъ работахъ, онъ распустилъ войско, вывелъ изъ крѣпостей гарнизоны и сталъ укрѣплять Батуринъ; самъ Мазепа притворился больнымъ, слегъ въ постель, окружилъ себя докторами, не вставалъ съ одра по нѣсколько дней сряду, не могъ ни ходить, ни стоять, и въ то время, какъ всѣ полагали его близкимъ ко гробу, онъ приводилъ въ дѣйствіе свои намѣренія. Переписывался съ Карломъ XII и Лещинскимъ, велъ по ночамъ переговоры съ присланнымъ отъ Станислава іезуитомъ Зеленскимъ о томъ, на какихъ основаніяхъ сдать Малороссію Полякамъ, и отправлялъ тайныхъ агентовъ къ Запорожцамъ съ разглашеніями, что

Петръ намѣренъ истребить Сѣчу и чтобъ они готовились къ сопротивленію. Гетманъ еще болѣе началъ притворяться по вступленіи Карла въ Россію. Въ 1708 году болѣзнь его усилилась. Тайныя пересылки съ шведскимъ королемъ и письма къ Петру сдѣлались чаще. Карла умолялъ онъ о скорѣйшемъ прибытіи въ Малороссію и избавленіи его отъ ига Русскихъ, и въ то же время писалъ къ графу Гаврилѣ Ивановичу Головкину, что ни какія прелести не могутъ отторгнуть его отъ высокодержавной руки царя русскаго и поколебать недвижимой его вѣрности. Между тѣмъ Шведы были разбиты при Добромъ и Лѣсномъ, и Карлъ обратился въ Украину. Петръ повелѣлъ гетману слѣдовать къ Кіеву и съ той стороны напасть на непріятельскій обозъ; но Мазепа не двигался изъ Борзны. Притворныя страданія его часъ отъ часу усиливались. 22 октября 1708 писалъ онъ еще къ графу Головкину: что онъ не можетъ ворочаться безъ пособія своихъ слугъ, болѣе 10 дней не употребляетъ пищи, лишенъ сна и, готовясь умереть, уже соборовался масломъ, а 29, явившись въ Горкахъ съ 5000 козаковъ, положилъ къ стопамъ Карла XII булаву и бунчукъ въ знакъ подданства и вѣрности.

Что побудило Мазепу къ измѣнѣ? ненависть ли его къ Русскимъ, полученная имъ еще въ дѣтствѣ во время его пребыванія при польскомъ дворѣ? любовная ли связь съ одною изъ родственницъ Станислава Лещинскаго, которая принудила его перейти на сторону сего короля? или, какъ нѣкоторые полагаютъ, любовь къ отечеству, внушившая ему неумѣстное опасеніе, что Малороссія, оставшись подъ

владычествомъ русскаго царя, лишится правъ своихъ? Но въ современныхъ актахъ ея не вижу въ поступкѣ гетмана Малороссіи сего возвышеннаго чувства, предполагающаго отверженіе отъ личныхъ выгодъ и пожертвованіе собою пользѣ согражданъ. Мазепа, въ универсалахъ и письмахъ своихъ къ козакамъ, клялся самыми священными именами, что дѣйствуетъ для ихъ блага; но въ тайномъ договорѣ съ Станиславомъ отдавалъ Польшѣ Малороссію и Смоленскъ съ тѣмъ, чтобъ его признали владѣтельнымъ княземъ Полоцкимъ и Витебскимъ. Низкое, мелочное честолюбіе привело его къ измѣнѣ. Благо козаковъ служило ему средствомъ къ умноженію числа своихъ соумышленниковъ и предлогомъ для скрытія своего вѣроломства. И могъ ли онъ, воспитанный въ чужбинѣ, уже два раза опятнавшій себя предательствомъ, двигаться благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ?

Генеральный судья Василій Кочубей былъ давно уже въ несогласіи съ Мазепою. Ненависть его къ гетману усилилась съ 1704 года, послѣ того, какъ сей послѣдній, во зло употребляя власть свою, обольстилъ дочь Кочубея, и смѣясь надъ жалобами родителей, продолжалъ съ нею виновную связь. Кочубей поклялся отомстить Мазепѣ; узнавъ о преступныхъ его замыслахъ, можетъ быть, движимый усердіемъ къ царю, рѣшился открыть ихъ Петру. Согласившись съ Полтавскимъ полковникомъ Искрою, они отправили доносъ свой въ Москву, а вскорѣ потомъ и сами туда явились: но двадцатилѣтняя вѣрность Мазепы и шестдесятъ четыре года жизни, отдаляли отъ него всякое подозрѣніе. Петръ, приписывая поступокъ Кочубея и Искры личной ненависти на гетмана,

велѣлъ отослать ихъ въ Малороссію, гдѣ сіи несчастные, показавъ подъ пыткою, что ихъ показанія ложны, были казнены 14 іюля 1708 года въ Борщаговкѣ, въ 8 миляхъ отъ Бѣлой-Церкви.

А. Корниловичъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ВОЙНАРОВСКАГО.

Андрей Войнаровскій былъ сынъ родной сестры Мазепы, но объ его отцѣ и дѣтствѣ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что бездѣтный гетманъ, провидя въ племянникѣ своемъ дарованія, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Объѣхавъ Европу, онъ возвратился домой, обогативъ разумъ познаніемъ людей и вещей. Въ 1705 году Войнаровскій посланъ былъ на службу царскую. Мазепа поручилъ его тогда особому покровительству графа Головина; а въ 1707 году мы уже встрѣчаемъ его атаманомъ пятитысячнаго отряда, посланнаго Мазепою подъ Люблинъ въ усиленіе Меньшикова, откуда и возвратился онъ осенью того же года. Участникъ тайныхъ замысловъ своего дяди, Войнаровскій, въ рѣшительную минуту паденія Карла XII въ Украину, отправился къ Меньшикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведеніе. Но Меньшиковъ уже былъ разочарованъ: сомнѣнія

объ измѣнѣ Мазепы превращались въ вѣроятія, и вѣроятія склонились къ достовѣрности — разсказы Войнаровскаго остались втунѣ. Видя, что каждый часъ умножается опасность его положенія, не принося никакой пользы его сторонѣ, онъ тайно отъѣхалъ къ войску. Мазепа еще притворствовалъ: показалъ видъ, будто разгнѣвался на племянника, и чтобы удалить отъ себя тягостнаго нажидателя, полковника Протасова, упросилъ его исходатайствовать лично у Меньшикова прощеніе Войнаровскому за то, что тотъ уѣхалъ не простясь. Протасовъ дался въ обманъ и оставилъ гетмана, казалось, умирающаго. Явная измѣна Мазепы и прилученіе части козацкаго войска къ Карлу XII послѣдовали за симъ немедленно, и отъ сихъ поръ судьба Войнаровскаго была нераздѣльна съ судьбою сего славнаго измѣнника и вѣнценоснаго рыцаря, который не разъ посылалъ его изъ Бендеръ къ хану Крымскому и турецкому двору, чтобы возстановить ихъ противу Россіи. Станиславъ Лещинскій нарекъ Войнаровскаго короннымъ воеводою царства Польскаго, а Карлъ далъ ему чинъ полковника шведскихъ войскъ, и по смерти Мазепы назначилъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Однако жь Войнаровскій потерялъ блестящую и вѣрную надежду быть гетманомъ всей Малороссіи, ибо намѣреніе дяди и желаніе его друзей призывали его въ преемники сего достоинства; отклонилъ отъ себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни бѣглецы, и даже откупился отъ онаго, придавъ Орлику 3000 червонцевъ къ имени гетмана и заплативъ кошевому 200 червонцевъ за склоненіе козаковъ на сей выборъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди знатное

количество денегъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, Войнаровскій пріѣхалъ изъ Турціи и сталъ очень роскошно жить въ Вѣнѣ, въ Бреславлѣ и въ Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ дворовъ германскихъ, а его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется весьма двусмысленное) съ славною графинею Кенигсмаркъ, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица де Саксъ. Между тѣмъ какъ счастіе ласкало такъ Войнаровскаго забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намѣреваясь отправиться въ Швецію для полученія съ Карла занятыхъ имъ у Мазепы 240,000 талеровъ, онъ пріѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ по требованію россійскаго резидента Беттахера. Однако жь, въ слѣдствіе протестацій вѣнскаго двора, по правамъ неутралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго, и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго, отдаться милости Петра I, предала его во власть Русскихъ. Онъ представился государю въ день именинъ императрицы, и ея заступленіе спасло его отъ казни. Войнаровскій былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою, но когда и какъ — неизвѣстно. Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири въ 1736 и 1737 годахъ, видѣлъ его въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Такова была жизнь Войнаровскаго, и нравъ его виденъ въ дѣлахъ. Онъ былъ отваженъ, ибо Мазепа не ввѣрилъ бы ему многочисленнаго отряда людей независимыхъ, у коихъ однѣ личныя достоинства могли

скрѣплять власть; краснорѣчивъ, что доказываютъ порученія отъ Карла XII и Мазепы; рѣшителенъ и неуклончивъ, какъ это видно изъ размолвки его съ Меньшиковымъ; наконецъ ловокъ и обходителенъ, ибо тщеславіе не нарекло бы его въ Вѣнѣ графомъ *), если бы любезной дикарь сей не имѣлъ тонкости свѣтской. Однимъ словомъ, Войнаровскій принадлежалъ къ числу тѣхъ не многихъ людей, которыхъ Великій Петръ почтилъ именемъ опасныхъ враговъ. Безъ сомнѣнія, Войнаровскій, одаренный сильнымъ характеромъ, которому случай далъ развернуться въ такую славную эпоху, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ лицъ прошлаго вѣка — лицъ, равно присвоенныхъ исторіи и поэзіи, ибо превратность судьбы его предупредила всѣ вымыслы романтика.

А. Бестужевъ.

---

*) Въ Вѣнѣ называли его графомъ.

ВОЙНАРОВСКІЙ.

ПОЭМА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ странѣ мятелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ [1] бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистихъ горъ
Разнообразныя вершины.

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,

Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака ...

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалой;
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ,
Съ толпой преступниковъ усталой,
Дружина воиновъ придётъ;
Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
Приходитъ съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылой и глухой;
Все зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и Юкагиръ пустынной,
Неся богатый свой ясакъ [2],
Лѣсной Тунгузъ, и съ пикой длинной
Сибирской строевой козакъ.

Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ;
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
Почти убитаго тоской

Страдальца-узника порой
Души минутное веселье;
Такъ въ душу мрачную влетитъ,
Подъ часъ, спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ ...

Но кто украдкою изъ дому,
Въ туманѣ раннею порой,
Идетъ по берегу крутому
Съ винтовкой длинной за спиной,
Въ полукафтаньѣ, въ шапкѣ черной
И перетянутъ кушакомъ,
Какъ странъ Днѣпра козакъ проворной
Въ своемъ нарядѣ боевомъ?
Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.
Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
И, съ видомъ нестерпимой муки,
Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

„О, край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужь болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изганнику не обнимать!

„Горитъ напрасно пламень пылкій ...
Я не могу полезнымъ быть:

Средь дальной и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть.

„О, край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужь болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать!“

Сказалъ — пошелъ по косогору,
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,
И вотъ изчезъ въ глуши лѣсной.
Кто ссыльный сей, никто не знаетъ;
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезёнъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда,
И посѣдѣли ужь примѣтно
Его и усъ и борода.
Онъ не варнакъ [3]; смотри: не видно
Печати роковой на немъ,
Для человѣчества постыдной,
Въ чело вклейменной палачемъ.
Но видъ его суровѣй вдвое,
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкалъ [4] предъ бурей мрачнымъ днёмъ.
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ —
Такъ незнакомца блещутъ очи.

Всегда дичится и молчитъ,
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ . . .

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ [5] славной;
Въ укромномъ домикѣ, въ тиши,
Работалъ для вѣковъ въ глуши,
Съ судьбой боролся своенравной
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой
Въ сей край пустынной завлечёнъ
Къ познаньямъ страстію высокой,
Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды
Любилъ разсказы стариковъ,
Про Ермака и козаковъ,
Про ихъ отважные походы
По царству хлада и снѣговъ.
Какъ часто, вышедши изъ дому,
Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
По океану снѣговому,
Или по дебрямъ и горамъ.
Слѣдилъ, какъ солнце яркій пламень
Разливъ по тверди голубой,
На мигъ за Кангалацкій камень
Уходитъ лѣтнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климатъ жестокой и суровой,
И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій —
И мракъ, и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ иніи сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги ...
Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ на̀ спину рога,
Вдали межь соснами мелькаетъ,
Летитъ ... вдругъ выстрѣлъ! ... быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ ...
Вотъ зашатался — и на снѣгъ
Окровавлѐный упадаетъ.
Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ,
Сквозь чащу, вѣтьви, дичь и боръ,
И зритъ: къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Окутанный дахдю [6] черной
И въ длинношерстномъ чебакѣ [7],
Охотникъ ловкой и проворной.

То ссыльный былъ. Угрюмый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,
И незнакомца видъ унылой,
Все душу странника страшило.
Но трепеща въ глуши лѣсной
Блуждать одинъ, путей не зная,

Преодолѣлъ онъ ужасъ свой
И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
— Кто бъ ни былъ ты, онъ такъ сказалъ,
Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога!
Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ
И въ глушь нечаянно попалъ.
Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога? —
„Она осталась за тобой,
За часъ отсюда, въ ближномъ долѣ;
Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
И врядъ ли до ночи глухой
Успѣешь выбраться ты въ поле:
Уже вечерняя пора ...
Но мы въ близи заимки [8] скудной:
Пойдемъ — тамъ въ юртѣ до утра
Ты отдохнешь съ охоты трудной.“

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
Все рѣже виденъ сводъ небесъ;
Погасло дневное свѣтило;
Настала ночь ... Вотъ мѣсяцъ всплылъ
И одинокой и унылой,
Дремучій лѣсъ осеребрилъ,
И юрту путникамъ открылъ.
Пришли — и ссыльный, торопливо
Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ,
Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
И искры сыпались на трутъ,
Мракъ освѣщая молчаливой;
И каждый въ сталь ударъ кремня
Въ углу обители пустынной

То дуло озарялъ ружья,
То ратовище пальмы [9] длинной,
То саблю, то конецъ копья.
Глазъ съ незнакомца не спуская,
Близь двери Миллеръ передъ нимъ,
Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
Стоитъ и нѣмъ и недвижимъ.
Вотъ вздувъ огонь, пришлецъ суровый
Проворно жирникъ [10]) засвѣтилъ,
Скамью придвинулъ, столъ сосновый
Простою скатертью накрылъ,
И съ лаской гостя посадилъ.
И вотъ за трапезою сытной,
Въ хозяина вперяя взоръ,
Заводитъ странникъ любопытной
Съ нимъ о Сибири разговоръ.
Въ какое жь Миллеръ удивленье
Былъ незнакомцемъ приведенъ;
И кто бы не былъ пораженъ:
Странъ европейскихъ просвѣщенье
Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
Покинувъ родину съ тоскою,
Два года Миллеръ, какъ чужой,
Бродилъ бездомнымъ сиротою
Въ странѣ забытой и глухой.
Но тутъ, въ пустынѣ отдаленной, —
Онъ неожиданно, въ глуши,
Впервые могъ тоску души
Отвесть бесѣдой просвѣщенной.
При строгой важности лица,
Слова, высокихъ мыслей полны,
Изъ устъ сѣдаго пришлеца,

Въ избыткѣ чувствъ, текли, какъ волны.
Въ бесѣдѣ долгой и живой
Глаза у обойхъ сверкали;
Они другъ друга понимали —
И, какъ друзья, въ глуши лѣсной
Взаимно души открывали.
Усталый странникъ позабылъ
И поздній часъ и сонъ отрадный,
И, слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье былъ.

„Ты знать желаешь, добрый странникъ,
Кто я, и какъ сюда попалъ?
Такъ незнакомецъ продолжалъ:
Того до сей поры изгнанникъ
Здѣсь никому не повѣрялъ.
Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
Они не поняли бъ меня,
И повѣсть мрачная моя
Не взволновала бы ихъ груди.
Тебѣ же тайну ввѣрю я
И чувства сердца обнаружу;
Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,
Наукой просвѣтилъ себя:
Ты все поймешь, ты все оцѣнишь,
И несчастливцу не измѣнишь.

„Дивись же странникъ молодой,
Какъ гонитъ смертныхъ рокъ свирѣпый:
Въ одеждѣ дикой и простой —
Узнай — сидитъ передъ тобой
И другъ, и родственникъ Мазепы!

Я Войнаровскій. Обо мнѣ
И о судьбѣ моей жестокой
Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
Слыхалъ не разъ, съ тоской глубокой ...
Ты видишь: дикъ я и угрюмъ,
Брожу, какъ остовъ — очи впали,
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровой дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ,
И, какъ климатъ сибирскій, сталъ
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
Ничто меня не веселитъ,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ,
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальные снѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага.
. . . . . .
И ты печально не гляди,
Не изъявляй мнѣ сожалѣнье,
И такъ жестоко не буди
Въ моей измученной груди
Тоски уснувшей на мгновенье.

Признаться ль, странникъ: я бъ желалъ,
Чтобъ люди узника чуждались,
Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
Чтобы меня, средь этихъ скалъ,
Какъ привидѣнія, пугались.
Ахъ! можетъ быть, тогда покой
Сдружился бы съ моей думой ...
Но зналъ и я когда то радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,
Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ протекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье,
И пылкой юности мечты.

„Врагъ хищныхъ Крымцевъ, врагъ Поляковъ,
Я часто за Палѣемъ [11] въ слѣдъ,
Съ ватагой [12] храбрыхъ гайдамаковъ [13]
Искалъ иль смерти, иль побѣдъ.
Бывало, кони быстроноги
Въ степяхъ и дикихъ и глухихъ,
Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги,
Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.
Дыша любовью къ дикой волѣ,
Бодры и веселы безъ сна,
Мы воздухомъ питались въ полѣ

И малой горстью толокна.[14]
Въ неотразимые наѣзды
Намъ путь указывали звѣзды,
Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ;
И мы, какъ туча громовая,
Внезапно и отъ разныхъ странъ,
Пустыню воплемъ оглашая,
На вражій наѣзжали станъ,
Дружины грозныя громили,
Селенія и грады — въ прахъ,
И въ земли чуждыя вносили
Опустошеніе и страхъ.
Враги вездѣ отъ насъ бѣжали
И, трепеща постыдныхъ узъ,
Постыдной данью покупали
У насъ сомнительный союзъ.

„Однажды, увлеченъ отвагой,
Я, съ малочисленной ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ,
Ударилъ на толпы враговъ.
Бой длился до ночи. Поляки
Уже смѣшалися въ рядахъ,
И, строясь далѣ на холмахъ,
Намъ уступали поле драки.
Вдругъ слышимъ Крымцевъ дикій гласъ ...
Поля и стонутъ и трясутся ...
Глядимъ — со всѣхъ сторонъ на насъ
Толпы враждебныя несутся.
Въ одно мгновенье тучи стрѣлъ
Въ дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотѣлъ:

Враги все болѣ насъ стѣсняли
И, наконецъ, покинувъ бой,
Мы степью дикой и пустой
Разсыпались и побѣжали.
Погоню слыша за собой,
И раненый и изнуренный,
Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
Страшася въ плѣнъ попасть презрѣнный.

„Ужь Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежемъ родной страны
Ужь хутора[15] вдали мелькали.
Ужь въ куреняхъ[16] я зрѣлъ огонь,
Уже я думалъ — вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался,
И близь границъ страны родной
На землю грянулся со мной ...

„Одинъ, вблизи степной могилы,[17]
Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
Подъ сводомъ неба голубымъ
Лежалъ я мрачный и унылый.
Катился градомъ потъ съ чела,
Изъ раны кровь ручьемъ текла ...
Напрасно помощь призывая,
Я слабый голосъ подавалъ:
Въ степи пустынной изчезая,
Едва родясь, онъ умиралъ.

„Все было тихо ... лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила.

И одинока, и блѣдна,
Плыла двурогая луна
И озаряла сумракъ ночи.
Я безъ движенія лежалъ;
Ужь я, казалось, замиралъ;
Уже, заглядывая въ очи,
Надъ мною хищный вранъ леталъ ...
Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ,
И зрю: покрытая серпяномъ,
Козачка юная стоитъ,
Склоняясь робко надо мною,
И на меня съ нѣмой тоскою
И нѣжной жалостью глядитъ.

„О незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебѣ,
На зло враждующей судьбѣ,
И здѣсь страдальцу упоенье!
Я не забылъ его съ тѣхъ поръ;
Я помню сладость первой встрѣчи,
Я помню ласковыя рѣчи
И полный состраданья взоръ.
Я помню радость дѣвы нѣжной,
Когда страдалецъ безнадежной
Былъ подъ хранительную сѣнь
Снесенъ къ отцу ея въ курень.
Съ какой заботою ходила
Она за страждущимъ больнымъ;
Съ какимъ участіемъ живымъ
Мои желанія ловила.
Я всѣ утѣхи находилъ
Въ моей козачкѣ черноокой;

Въ ея словахъ я нѣгу пилъ
И облегчалъ недугъ жестокой.
Въ часы безсонницы моей,
Она, приникнувъ къ изголовью,
Сидѣла съ тихою любовью
И не сводя съ меня очей.
Въ часъ моего успокоенья
Она ходила собирать
Степныя травы и коренья,
Чтобъ ими друга врачевать.
Какъ часто нѣжно и привѣтно
На мнѣ прекрасной взоръ бродилъ ...
И я козачку непримѣтно
Душою пылкой полюбилъ.
Въ своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковалъ, кипѣла кровь;
Но скоро пылкая любовь
И въ милой дѣвѣ запылала ...
Настала счастія пора!
Подругой юной исцѣленный,
Съ душей, любовью упоенной,
Я обновленный всталъ съ одра.
Не долго мы любовь таили,
Мы скоро жаръ сердецъ своихъ
Ея родителямъ открыли,
И на союзъ сердецъ просили
Благословенія у нихъ.

„Три года молній промчались
Подъ кровомъ хижины простой;
Съ моей подругой молодой

Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
Въ кругу рѣзвящихся дѣтей,
На мирномъ лонѣ сладострастья,
Съ козачкой милою моей
Вполнѣ узналъ я цѣну счастья.
Угрюмый гетманъ насъ любилъ,
Какъ дѣдъ, дарилъ малютокъ милыхъ,
И, наконецъ, изъ мѣстъ унылыхъ
Въ Батуринъ насъ переманилъ.

„Все шло обычной чередой.
Я счастливъ былъ: но вдругъ покой
И счастіе мое сокрылось.
Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украйнѣ ополчилось,
Съ весельемъ всѣ летятъ на бой;
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой то пламень дикій.
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ,
И равнодушнѣе внималъ
Полковъ привѣтственные клики.

„Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Мазепа ото всѣхъ скрывался,
Молчалъ — и собиралъ полки.
Однажды позднею порою
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ;
Вхожу — и слышу: „Я желалъ

„Давно бесѣдовать съ тобою;
„Давно хотѣлъ открыться я
„И важную повѣрить тайну;
„Но напередъ завѣрь меня,
„Что ты, при случаѣ, себя
„Не пожалѣешь за Украйну.“
— Готовъ всѣ жертвы я принесть,
Воскликнулъ я, странѣ родимой;
Отдамъ дѣтей съ женой любимой,
Себѣ одну оставлю честь. —
Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла,
Съ его угрюмаго чела
Сбѣжало облако печали.
Сжавъ руку мнѣ, онъ продолжалъ:
„Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
„Давно прямого гражданина
„Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
„Я не люблю сердецъ холодныхъ:
„Они враги родной странѣ,
„Враги священной старинѣ:
„Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ;
„Имъ чувствъ высокихъ не дано,
„Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы;
„Отъ колыбели до могилы
„Имъ пресмыкаться суждено.
„Ты не таковъ; я это вижу;
„Но чувствъ твоихъ я не унижу,
„Сказавъ, что родину мою
„Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
„Какъ должно юному герою,
„Любя страну своихъ отцовъ,

„Женой, дѣтями и собою
„Ты ей пожертвовать готовъ ...
„Но я, но я, пылая местью,
„Ее спасая отъ оковъ,
„Я жертвовать готовъ ей честью.
„Но къ тайнѣ приступить пора:
„Я чту Великаго Петра,
„Но — покоряяся судьбинѣ —
„Узнай: я врагъ ему отнынѣ!
„Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
„Отъ случая всему рѣшенье,
„Успѣхъ не вѣренъ — и меня
„Иль слава ждетъ, иль поношенье!
„Но я рѣшился; пусть судьба
„Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
„Ужь близокъ часъ, близка борьба.“
Началомъ бѣдъ моихъ была
Сія бесѣда роковая!
Съ тѣхъ поръ пора утѣхъ прошла,
Съ тѣхъ поръ, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла!
Мазепѣ предался я слѣпо,
И, другъ отчизны, другъ добра,
Я поклялся враждой свирѣпой
Противъ Великаго Петра.
Ахъ! можетъ былъ я въ заблужденьѣ,
Кипящей ревностью горя,
Но я въ слѣпомъ ожесточеньѣ
Тираномъ почиталъ царя ...
Быть можетъ, увлеченный страстью,
Не могъ я цѣну дать ему,
И относилъ то къ самовластью,

Что свѣтъ отнесъ къ его уму.
Судьбѣ враждующей послушенъ,
Переношу я жребій свой,
Но, ахъ! вдали страны родной,
Могу ль всегда быть равнодушенъ?
Рожденный съ пылкою душой
Полезнымъ быть родному краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я безполезно изнываю
Въ странѣ пустынной и чужой.
Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною ...
Ужь гаснетъ огнь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распаляющихъ лучей.
Душѣ честолюбивой бремя
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу — всю жизнь влача въ кручинѣ,
Тая тоску въ душѣ своей,
Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пустынѣ,
Далеко отъ родныхъ степей ...
Почто, почто въ битвѣ кровавой,
Летая гордо на конѣ,
Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой?
Почто съ безславіемъ, иль славой
Я не погибъ въ родной странѣ?
Увы! умру въ семъ царствѣ ночи!
Мнѣ такъ судилъ жестокой рокъ;
Умру я — и чужой песокъ
Изгнанника засыплетъ очи!“

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ужь было ясно и свѣтло;
Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы;
По небу сѣрому текло
Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый.
Но въ юрту день не проникалъ:
Скользя сквозь вѣтви древъ густыя,
Едва на окна ледяныя
Лучъ одинокой ударялъ.

Знакомцы новые сидѣли
Уже давно предъ очагомъ;
Дрова сосновыя дотлѣли,
Лишь угли красные блестѣли
Порою синимъ огонькомъ.
Недвижно добрый странникъ внемлетъ
Страдальца горестный разсказъ,
И часто гнѣвъ его объемлетъ,
Иль слезы падаютъ изъ глазъ ...

„Видалъ ли ты когда весной,
Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,
Иль, поднимая дикій вой,
Клубится и бугры вздымаетъ,
Утесы съ ревомъ отторгаетъ
И ихъ уноситъ за собой,
Шумя, въ невѣдомыя степи?
И мы, порвавъ поддàнства цѣпи,
На гласъ отчизны и вождей,
Низпровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей.

„Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадилъ;
Я степи кровью обагрилъ,
И свой булатъ въ войнѣ кровавой
О кости Русскихъ притупилъ.

„Мазепа съ сѣвернымъ героемъ
Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ.
Дымились кровію поля,
Тѣла разбросанныя гнили, —
Ихъ псы и волки теребили:
Казалась трупомъ вся земля!
Но всѣ усилья тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;

Часъ битвы роковой приспѣлъ —
И мы отчизну погубили.
Полтавской громъ загрохоталъ ...
Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпой
Противъ Петра не устоялъ.
Разбитъ, впервые онъ бѣжалъ;
Во слѣдъ ему — и мы съ Мазепой.

„Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Бояся вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ.
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ.
Однажды въ полночь подъ лѣскомъ
Мы, для минутнаго покоя,
Остановились за Днѣпромъ.
Вокругъ синѣла степь глухая;
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,
Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами ратныхъ окруженъ.
Мазепа подъ костромъ сосновымъ,
Вдали, на почернѣвшемъ пнѣ
Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ,
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ,
Какъ другу, открывался мнѣ:

„О, какъ невѣрны наши блага!
„О, какъ подвластны мы судьбѣ!
„Вотще въ душахъ кипитъ отвага:
„Уже насталъ конецъ борьбѣ.
„Одно мгновенье все рѣшило,
„Одно мгновенье погубило
„На вѣкъ страны моей родной
„Надежду, счастье и покой.
„Мазепѣ ль духомъ унижаться!
„Не буду рока я рабомъ;
„И мнѣ ли съ рокомъ не сражаться,
„Когда сражался я съ Петромъ?
„Такъ, Войнаровскій, испытаю,
„Покуда длится жизнь моя,
„Всѣ способы, всѣ средства я,
„Чтобы помочь родному краю.
„Спокоенъ я въ душѣ своей;
„И Петръ и я — мы оба правы;
„Какъ онъ, и я живу для славы,
„Для пользы родины моей.“
Замолкнулъ онъ ... Глаза сверкали ...
Дивился я его уму.
Дрова, треща, ужь догорали.
Мазепа легъ; но вдругъ къ нему
Двухъ плѣнныхъ козаки примчали.
Облокотяся, вождь сѣдой,
Волнуемъ тайно мрачной думой,
Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо:
„Что новаго въ странѣ родной?“

„— Я изъ Батурина недавно,
Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ:

Народъ Петра благословлялъ,
И, радуясь побѣдѣ славной,
На стогнахъ шумно пировалъ.
Тебя жь, Мазепа, какъ Іуду,
Клянутъ Украинцы повсюду ...
Дворецъ твой, взятый на копье,
Былъ преданъ намъ на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь — и брань и поношенье! —

„Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилегъ, безмолвный, на траву
И въ плащъ широкій завернулся.
Мы всѣ съ участіемъ живымъ,
За гетмана пылая местью,
Стояли молча передъ нимъ,
Поражены ужасной вѣстью.
Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
Спасти отъ бѣдъ народъ Украйны,
Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ —
Мнѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
Ко нраву хитраго вождя
Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
Но никогда не въ силахъ я
Былъ замысловъ его проникнуть.
Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
И, странникъ, повторю: не знаю,

Что въ глубинѣ души своей
Готовилъ онъ родному краю;
Но знаю то, что затая
Родство, и дружбу, и природу,
Его сразилъ бы первый я,
Когда бъ онъ сталъ врагомъ народу.

„Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по степи унылой.
Какъ тяжко взволновалась грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой!

„Въ волненьи чувствъ, тоской томимый,
Я какъ ребенокъ зарыдалъ,
И, взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ молитвой привязалъ.
„Быть можетъ — думалъ я, рыдая —
Украйны мнѣ ужь не видать!
Хоть ты, земля роднаго края,
Меня въ чужбинѣ утѣшая,
Отъ грусти будешъ врачевать,
Отчизну мнѣ напоминая!“

„Увы! предчувствіе сбылось:
Судьбы велѣньемъ самовластной,
Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной
Мнѣ побывать не довелось ...

„Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль

По степи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили;
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ*),
И съ горстью Шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ Туркамъ мы вступили.
Тутъ въ страшный недугъ гетманъ впалъ;
Онъ безпрестанно трепеталъ,
И взглядъ кругомъ бросая быстрой,
Меня и Орлика онъ звалъ,
И, задыхаясь, увѣрялъ,
Что Кочубея видитъ съ Искрой.

„Вотъ, вотъ они! ... при нихъ палачъ!“
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
„Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
„Кругомъ стенанія и плачь ...
„Готовъ ужь исполнитель муки;
„Вотъ засучилъ онъ рукава,
„Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки ...
„Вотъ покатилась голова ...
„И вотъ другая! ... всѣ трепещутъ!
„Смотри! какъ страшно очи блещутъ! ...“

„То въ ужасѣ, порой, съ одра
Бросался онъ въ мои объятья:
„Я вижу грознаго Петра!
„Я слышу страшныя проклятья!
„Смотри: блеститъ свѣчами храмъ,

*) Карлъ XII.

„Съ кадильницъ вьется ѳиміамъ ...
„Митрополитъ, грозящій взоромъ,
„Такъ возглашаетъ съ громкимъ хоромъ:
„Мазепа проклятъ въ родъ и родъ:
„Онъ погубить хотѣлъ народъ!“

„То, трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь.
Въ страданьяхъ сихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ,
То горько плакалъ и рыдалъ,
То, дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ, какъ безумный, хохоталъ;
То, въ память приходя порою,
Онъ очи, полные тоскою,
На насъ уныло устремлялъ.

„Въ девятый день примѣтно стало
Мазепѣ пòдъ вечеръ труднѣй;
Изнеможенный и усталый,
Дышалъ онъ рѣже и слабѣй.
Томимъ болѣзнію своей,
Хотѣлъ онъ скрыть, казалось, муку ...
Къ нему я бросился, взялъ руку:
Увы! она уже была
И холодна, и тяжела!
Глаза, остановясь, смотрѣли,
Потъ проступалъ: онъ отходилъ ...
Но вдругъ, собравъ остатокъ силъ,
Онъ приподнялся на постели,

И бросивъ пылкій взглядъ на насъ:
„О Петръ! О родина!“ — воскликнулъ;
Но съ симъ въ страдальцѣ замеръ гласъ;
Онъ вновь упалъ, главой поникнулъ,
Въ меня недвижный взоръ вперилъ,
И вздохъ послѣдній испустилъ ...
Безъ слезъ, безъ чувствъ, какъ мраморъ хладный,
Передъ умершимъ я стоялъ;
Я умъ и память потерялъ,
Убитый грустью безотрадной ...

„День грустныхъ похоронъ насталъ:
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
Вождя Украйны до могилы
Съ дружиной Шведовъ провожалъ.
Козакъ и Шведъ равно рыдали;
Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.
О, странникъ, странникъ! всѣ мечтали,
Что мы съ Мазепой погребали
Надежду родины своей.
Увы! послѣдній долгъ герою
Чрезъ силу я отдать успѣлъ.
Въ тотъ самый день внезапно мною
Недугъ жестокой овладѣлъ.
Я былъ ужь на краю могилы;
Но жизнь во мнѣ зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова началъ я страдать.

„Бендеры мнѣ противны стали,
Я ихъ покинулъ и летѣлъ
Отъ земляковъ въ чужой предѣлъ —

Разсѣять мракъ своей печали.
Но ахъ, напрасно! рокъ за мной
Съ неотразимою бѣдой,
Какъ духъ враждующій, стремился:
Я схваченъ былъ толпой враговъ —
И въ вѣчной ссылкѣ очутился,
Среди пустынныхъ сихъ лѣсовъ ...

„Ужь много лѣтъ прошло въ изгнаньѣ.
Въ глухой и дикой сторонѣ
Спасеніе и упованье
Была святая вѣра мнѣ.

„Я привыкалъ къ несчастной долѣ;
Лишь объ Украйнѣ и родныхъ,
Украдкой отъ враговъ моихъ,
Грустилъ я часто поневолѣ.
Что сталось съ родиной моей?
Кого въ Петрѣ — врага, иль друга
Она нашла въ судьбѣ своей?
Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
Увижу ль я своихъ друзей?
Такъ я души покой минутной
Въ своемъ изгнаньи возмущалъ,
И отъ тоски и думы смутной,
Покинувъ городъ безпріютной,
Въ лѣса и дебри убѣгалъ.
Въ моей тоскѣ, въ моемъ несчастьѣ,
Мнѣ былъ отраденъ шумъ лѣсовъ,
Отрадно было мнѣ ненастье,
И вой грозы, и плескъ валовъ.

Во время бури заглушала
Борьба стихій борьбу души;
Она мнѣ силы возвращала,
И на мгновеніе, въ глуши,
Душа страдать переставала.

„Разъ у якутской юрты я
Стоялъ подъ сосной одинокой;
Буранъ шумѣлъ вокругъ меня
И свирѣпѣлъ морозъ жестокой.
Передо мной скалы и лѣсъ
Грядой тянулися безбрежной;
Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты вдаль тальникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался, между горъ
Въ боку былъ видѣнъ черный боръ
И берегъ Лены величавой.
Вдругъ вижу: женщина идетъ,
Дахой убогою прикрыта,
И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита.
Я къ ней ... и что же? ... узнаю
Въ несчастной сей, въ морозъ и вьюгу,
Козачку юную мою,
Мою прекрасную подругу! ...

„Узнавъ объ участи моей,
Она изъ родины своей
Пошла искать меня въ изгнаньѣ.
О, странникъ! тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье!

Встрѣчала много на пути
Она страдальцевъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы! я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велитъ молчать, кто я;
Начальникъ самъ того не знаетъ.
Объ томъ и спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

„И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску въ душѣ высокой.

„Ахъ, говорить ли, странникъ мой,
Тебѣ объ радости печальной
При встрѣчѣ съ доброю женой
Въ странѣ глухой, въ странѣ сей дальной?

„Я ожилъ съ нею; но дѣтей
Я не нашелъ уже при ней.
Отца и матери страданья
Имъ не судилъ узнать Творецъ;
Они, не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ.

„Съ моей подругой возвратилось
Душѣ спокойствіе опять;
Мнѣ будто легче становилось;
Я началъ рѣже тосковать.
Но, ахъ! не долго счастье длилось;

Оно, какъ сонъ, изчезло вдругъ.
Давно закравшійся недугъ
Въ младую грудь подруги милой,
Съ весной примѣтно сталъ сближать
Ее съ безвременной могилой.
Тутъ мнѣ судилъ Творецъ узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдалицы несчастной.
Болѣзнію изнурена,
Съ какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежнихъ говорила дняхъ,
О падшемъ дядѣ, о дѣтяхъ.
Къ ней жизнь, казалось, возвращалась
Съ порывомъ пылкихъ чувствъ ея;
Но часто, тайно отъ меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молилъ напрасно;
Судьбы ни чѣмъ не отвратить.
Насталъ для сердца часъ ужасной!
„Мой другъ!“ сказала мнѣ она:
„Я умираю, будь покоенъ;
„Намъ здѣсь печаль была дана;
„Но, другъ, есть лучшая страна!
„Ты по душѣ ее достоинъ.
„О, такъ! мы свидимся опять!
„Тамъ ждетъ награда за страданья,
„Тамъ нѣтъ ни казней, ни изгнанья,
„Тамъ насъ не будутъ разлучать.“
Она умолкла. Вдругъ примѣтно

Сталъ угасать огонь очей,
И, наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,
Она, съ улыбкою привѣтной,
Увяла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Безвременно, въ Сибири хладной,
Какъ на изсохшемъ стеблѣ цвѣтъ
Въ теплицѣ душной, безотрадной!

„Могильный, грустный холмъ ея
Близь юрты сей насыпалъ я.
Съ закатомъ солнца я, порою,
На немъ въ безмолвіи сижу,
И чудотворною мечтою
Лѣта протекшія бужу.
Всё воскресаетъ предо мною:
Друзья, Мазепа и война,
И съ чистою своей душою
Невозвратимая жена.

„О, странникъ! память о подругѣ
Страдальцу бодрость въ душу льетъ;
Онъ равнодушнѣй смерти ждетъ,
И плачетъ сладостно о другѣ.

„Какъ часто вспоминаю я
Надъ хладною ея могилой
И свойства добрыя ея,
И пылкій умъ, и образъ милой!
Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила!

Съ какою живостью объ немъ,
Въ своемъ изгнаньи роковомъ,
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль,
Её тягча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зрѣлъ Москаль;
Она ни разу, и случайно,
Врага страны своей родной
Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть,
И жаръ къ добру души прекрасной,
Въ укоръ судьбинѣ самовластной,
Въ самомъ страданьи сохранить.
.....

„Съ утратой сей, отъ бѣдъ усталый,
Съ душой для счастія увялой,
Я вѣру въ счастье потерялъ;
Я много горя испыталъ,
Но, тяжкой жизнью недовольный,
Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
Спасенья въ смерти самовольной.
Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
Она кругомъ меня ходила
И груды труповъ громоздила
Въ родныхъ украинскихъ степяхъ.
Но никогда, ей въ очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывалъ, стремяся въ бой,
Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.

Чтить славныхъ съ дѣтства я привыкъ;
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Дѣлами истинно великъ;
Но онъ достоинъ укоризны —
Согражданъ самъ онъ погубилъ:
Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ.
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ бъ смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю ...
Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ;
Еще, быть можетъ, другъ народа,
Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
И — достояніе отцовъ —
Воскреснетъ прежняя свобода! ...“

Тутъ Войнаровскій замолчалъ;
Съ лица изчезнулъ мракъ печали,
Глаза слезами засверкали,
И онъ молиться тихо сталъ.
Гость просвѣщенный угадалъ,
Объ чемъ страдалецъ сей молился;
Онъ самъ невольно прослезился,
И несчастливцу руку далъ,
Въ душѣ съ тоской и грустью сильной,
Въ знакъ дружбы вѣрной, домогильной ...

Дни уходили съ быстротой.
Зима обратно налетѣла
И хладною рукой одѣла
Природу въ саванъ снѣговой.

Въ пустынѣ странникъ просвѣщенной
Страдальца часто навѣщалъ,
Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ,
И объ Украйнѣ незабвенной,
Какъ сынъ Украйны, онъ мечталъ.

Однажды онъ въ уединенье
Съ отрадной вѣстью о прощеньѣ
Къ страдальцу-другу поспѣшалъ.
Морозъ трещалъ. Глухой тропою
Олень пернатою стрѣлою
Его на быстрой нартѣ мчалъ.
Уже онъ ловитъ жаднымъ взоромъ,
Сквозь вѣтви древъ, въ глуши лѣсной
Кровъ одинокой и простой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

„Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я
Скажу: окончены страданья!
Мой другъ, покинь страну изгнанья!
Лети въ родимыя края!
Тамъ ждутъ тебя, въ странѣ прекрасной,
Благословенья земляковъ,
И кругъ друзей съ душою ясной
И мирный домъ твоихъ отцовъ!“
Такъ добрый Миллеръ предавался
Дорогой сладостнымъ мечтамъ.

Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.
Никто встрѣчать его нейдетъ ...
Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣтной
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмой льетъ:
Всё пусто въ юртѣ безотвѣтной;
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
„Всё въ запустѣньи! мыслитъ странникъ,
Куда жь сокрылся ты, изгнанникъ?“
И думой мрачной отягчёнъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ —
И что же видитъ предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣньи роковомъ:
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины,
Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужь мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ВОЙНАРОВСКОМУ.

---

1. *Юрта* — жилище дикихъ сибирскихъ обывателей. Онѣ бываютъ лѣтнія и зимнія, подвижныя и постоянныя; бываютъ бревенчатыя, берестянныя, иногда войлочныя и кожаныя.

2. *Ясакъ* — подать мѣхами, собираемая съ сибирскихъ народовъ.

3. *Варнакъ* — преступникъ, публично наказанный и заклейменый.

4. *Байкалъ* — Святое море или озеро, справедливѣе — Ангарскій провалъ; лежитъ въ Иркутской губерніи между 51° и 58° сѣверной широты; между 121° и 127° восточной долготы, считая отъ острова Ферро. Непостоянные вѣтры безпрерывныя жестокія бури и непроницаемые туманы, особенно въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцѣ, бывающіе на семъ озерѣ, были причиною многихъ бѣдствій. Часто во время весьма хорошей погоды вѣтръ неожиданно и мгновенно перемѣняется, начинается буря и до того спокойныя и свѣтлыя воды Байкала подымаются горами, чернѣютъ, пѣнятся, ревутъ, и все представляетъ ужасное и вмѣстѣ величественное зрѣлище.

Въ странѣ той хладной и дубравной,
Въ то время, жилъ нашъ Миллеръ славной.

5. *Миллеръ.* Россійскій историографъ, Гергардъ Фридрихъ Миллеръ, родился 7 октября 1705 года въ Вестфаліи. Первое воспитаніе получилъ онъ подъ надзоромъ отца своего, который былъ ректоромъ Герфордской гимназіи. Тогда еще открывалась въ юношѣ склонность къ исторіи. Онъ любилъ по вечерамъ въ семейственномъ кругу разсказывать братьямъ и сестрамъ слышанное того утра о Грекахъ и Римлянахъ; съ жадностію читалъ жизни великихъ мужей древности; и когда Петръ I проѣзжалъ въ 1717 году чрезъ Герфордъ, двѣнадцатилѣтній Миллеръ ушелъ тайнымъ образомъ босой изъ отцовскаго дома, чтобъ имѣть случай посмотрѣть на Великаго. На 17 году возраста Миллеръ отправился въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ довершилъ свое воспитаніе подъ руководствомъ Готшейда, въ свое время ученѣйшаго мужа въ Германіи.

Между тѣмъ Петръ, окончивъ войну съ Швеціею, занялся исключительно водвореніемъ просвѣщенія въ своемъ отечествѣ. Зная, что прежде заведенія училищъ нужно было образовать учителей, онъ учредилъ Академію; и чтобъ достигнуть своей цѣли, далъ ей направленіе, соотвѣтственное своимъ видамъ. Всѣ европейскія заведенія сего рода состоятъ изъ ученыхъ людей, которые сочиненіями своими обязаны способствовать успѣху наукъ и искуствъ. Санктпетербургская Академія, сверхъ сей обязанности, имѣла другую: образованіе молодыхъ Россіянъ, которые въ свою очередь должны были сообщать пріобрѣтенныя познанія своимъ соотечественникамъ. Она была свѣтиломъ, котораго благотворные лучи должны были распространяться во всѣ концы Россіи. Президенту ея Блюментросту поручено было вызвать для сего изъ Германіи ученыхъ, и по его то приглашенію Миллеръ прибылъ въ Россію.

Петра I не стало, но намѣренія его исполнялись: Академія открыла свои засѣданія 16 декабря 1725 года, и Миллеръ началъ свое поприще въ Россіи преподаваніемъ латинскаго языка, географіи и исторіи въ верхнемъ классѣ академической гимназіи. Познанія его, рачительность въ исполненіи возложенной на него обязанности, и точное исполненіе порученной ему секретарской должности, во время которой онъ издалъ три части „Комментаріевъ“, заслужили ему всеобщее уваженіе. Въ поло-

винѣ 1730 года Миллеръ произведенъ былъ въ профессоры исторіи и назначенъ дѣйствительнымъ членомъ Академіи.

Скорое его возвышеніе поселило зависть въ людяхъ, которые, хотя уступали ему въ познаніяхъ, но полагали, что имѣютъ равныя съ нимъ права на почести. Чтобъ удалиться отъ непріятностей, Миллеръ, подъ предлогомъ домашнихъ обстоятельствъ, поѣхалъ въ чужіе краи и во время сего путешествія имѣлъ случай оказать услугу Академіи, пріобрѣтши для нея новаго члена, ученаго оріенталиста Кера, который положилъ основаніе нынѣшнему Азіятскому Минцъ-Кабинету при Петербургской Академіи Наукъ.

Новое важнѣйшее порученіе ожидало Миллера по возвращеніи его въ Россію. Въ это время Петербургская Академія Наукъ предприняла достойный ея трудъ. Снаряжена была экспедиція для приведенія въ извѣстность земель, составляющихъ сѣверную часть Азіи. Профессоръ Делиль де ла Крокеръ отправленъ былъ для астрономическихъ наблюденій; Гмелинъ долженъ былъ заняться описаніемъ всего, что касалось до естественныхъ наукъ, а Миллеру поручено было обратить вниманіе на географію, древности и исторію народовъ, населяющихъ Сибирь. Путешествіе сіе, начатое въ февралѣ 1733 года, продолжалось 10 лѣтъ. Не будемъ слѣдовать за ученымъ изслѣдователемъ во время его пути, наблюдать съ нимъ вмѣстѣ обычаи Черемисовъ и Вотяковъ и простые нравы Телеутовъ, Тунгузовъ и Якутовъ. Довольно, если скажемъ, что онъ велъ подробный журналъ всему пути, самъ заготовлялъ карты оному, съ точнымъ означеніемъ мѣстности каждой страны, составлялъ историческія и географическія описанія городовъ, чрезъ которые проѣзжалъ, разбиралъ архивы оныхъ и тщательно выписывалъ все, что находилъ въ нихъ для русской исторіи, срисовывалъ вездѣ древности, какія ему попадались, и кромѣ того привезъ кучу замѣчаній о нравахъ, языкѣ и вѣрѣ народовъ, которыхъ посѣщалъ. Сіе множество трудовъ и суровый климатъ Сибири разстроили его здоровье. Онъ не могъ ѣхать далѣе Якутска, и больной возвратился въ Петербургъ въ 1743 году. Здѣсь къ физическимъ болѣзнямъ присоединились нравственныя. Въ отсутствіе Миллера сдѣланъ былъ президентомъ

Академіи Шумахеръ, человѣкъ познаній ограниченныхъ, непрощавшій Миллеру его достоинствъ. Посредственность ненавидитъ истинное дарованіе. Шумахеръ, съ завистію смотрѣвшій на возвышеніе Миллера, еще болѣе вознегодовалъ на него, когда сей возвратился изъ Сибири, предшествуемый славою, что кончилъ столь важное для наукъ порученіе. Миллеръ за десятилѣтніе труды свои получилъ вмѣсто награды одни непріятности. Онъ не оспоривалъ у другихъ права ползать передъ сильными, не искалъ посторонними путями и непозволенными средствами того, чего имѣлъ право требовать, не унижалъ дарованій своихъ, измѣняя истинѣ, а потому имѣлъ многихъ непріятелей. Таубертъ, Тепловъ, и даже великій нашъ Ломоносовъ, ни въ чемъ нетерпѣвшій соперниковъ, были врагами Миллера. На полезные труды его не обращали вниманія и даже, повѣритъ ли этому потомство, диссертацію о началѣ русскаго народа, которую онъ напечаталъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ и готовился читать въ публичномъ собраніи Академіи 5 сентября 1743, въ день имянинъ императрицы, запретили потому только, что историографъ утверждалъ въ ней, будто Рюрикъ вышелъ изъ Скандинавіи. Не смотря на сіи непріятности, Миллеръ, любившій науки не изъ личныхъ видовъ, и движимый любовію къ общей пользѣ, былъ неусыпенъ въ трудахъ своихъ. Казалось, что дѣятельность его возрастала съ препятствіями, какія онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу. За работою ученый мужъ находилъ утѣшеніе отъ несправедливости людей, которыхъ отзывы не доходили до его кабинета. По званію россійскаго историографа, въ 1747 занимался онъ составленіемъ сибирской, и разными изслѣдованіями по части россійской исторіи и географіи, составлялъ родословныя таблицы россійскихъ великихъ князей, исправлялъ должность конференцъ-секретаря при Академіи, и былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ изданіи „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ съ 1757 по 1764 годъ.

Со вступленіемъ императрицы Екатерины занялась въ Россіи новая заря на горизонтѣ наукъ. Заслуги Миллера были наконецъ уважены. По просьбѣ Ив. Ив. Бецкаго, назначенъ онъ былъ въ 1763 году директоромъ Московскаго Воспитательнаго

Дома, а въ 1766, по представленію графа Никиты Ивановича Панина и князя Александра Михайловича Голицына, опредѣленъ въ начальники Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. Никто лучше Миллера не могъ исполнить обязанностей, сопряженныхъ съ симъ мѣстомъ. Онъ радовался какъ дитя, когда получилъ оное, и по цѣлымъ суткамъ проводилъ въ семъ хранилищѣ отечественныхъ хартій, занимаясь приготовленіемъ матеріаловъ для россійской исторіи и объясненіемъ встрѣчающихся въ оной темныхъ мѣстъ. Государыня, бывъ еще великою княжною, знала Миллера и во время пребыванія его въ Москвѣ часто призывала его къ себѣ для совѣтовъ. Миллеръ былъ избранъ Академіею въ 1767 году депутатомъ въ Коммиссію законовъ, находившуюся въ Москвѣ, и здѣсь предлагалъ различные планы для водворенія наукъ и распространенія просвѣщенія въ Россіи. Когда Коммиссія переведена была вы Санктпетербургъ, онъ получилъ отъ императрицы позволеніе остаться въ Москвѣ, и кромѣ Архива Иностранныхъ Дѣлъ занялся по приказу государыни разборомъ Архивовъ Разряднаго и Сибирскаго Приказа. Онъ работалъ съ утра до ночи, и жалѣлъ только, что ему минуло 63 года и онъ не будетъ имѣть ни времени, ни силы для исполненія ожиданій монархини и соотечественниковъ. Въ 1775 году Академія поручила ему написать ея исторію отъ самаго ея основанія. Въ томъ году праздновали 50 лѣтнее ея существованіе. Миллеръ, единственный изъ членовъ, который находился при ея основаніи, былъ свидѣтелемъ и участникомъ въ томъ, что въ ней происходило во все время ея засѣданій, и потому лучше всякаго другаго могъ исполнить сіе назначеніе. Окончивъ сію работу, онъ занялся по прежнему извлеченіями изъ архивскихъ бумагъ и приготовленіями матеріаловъ для русской исторіи. Необъятный трудъ сей занималъ послѣдніе годы его жизни. Иногда для поправленія своего здоровья отвлекалъ онъ себя поѣздками въ города, лежащіе по близости Москвы; но и тутъ, чтобъ употребить время съ пользою, составлялъ историческое и географическое описаніе оныхъ. Миллеръ скончался въ 1783 году, имѣя 79 лѣтъ отъ роду.

Заслуги Миллера по нашей исторіи болѣе или менѣе извѣстны всякому образованному Россіянину. Излишне было бы

изчислять его сочиненія. Здѣсь прибавимъ только, что нравственныя его качества не уступали его познаніямъ. Миллеръ зналъ, что человѣкъ готовящійся къ исправленію другихъ, долженъ самъ собою подавать примѣръ, что въ писателѣ добродѣтельная жизнь есть лучшее предисловіе къ его сочиненіямъ. Избравъ Россію своимъ отечествомъ, онъ любилъ ее какъ родной ея сынъ, всегда предпочиталъ ея пользу частнымъ выгодамъ, никогда не жаловался на оказанныя ему несправедливости и вездѣ, гдѣ могъ, старался быть ей полезнымъ. Никогда не унижалъ онъ достоинства своего лестью, искательствомъ; никогда не старался выставлять себя: скромность, отличительная черта истиннаго таланта, и даже нѣкоторая застѣнчивость, составляли главныя черты его характера. Многія особы, занимавшія послѣ важнѣйшія мѣста при дворѣ Екатерины, обязаны ему своимъ воспитаніемъ. Онъ охотно помогалъ совѣтами молодымъ людямъ изъ Россіянъ, или иностраннымъ писателямъ, желавшимъ имѣть свѣдѣнія по части россійской исторіи. Въ домашнемъ быту онъ служилъ образцемъ семейственнаго счастія, былъ лучшимъ супругомъ, лучшимъ отцомъ семейства. Онъ имѣлъ многихъ враговъ, которые, завидуя его славѣ, старались очернить его въ глазахъ современниковъ; но справедливость восторжествовала: обвиненія ихъ, внушенныя корыстолюбіемъ, были опровергнуты, и Миллеръ въ концѣ жизни своей имѣлъ утѣшеніе видѣть, что истинное достоинство найдетъ всегда защитниковъ и почитателей.

6. *Дяха* — шуба вверхъ шерстью, изъ шкуры дикой козы.

7. *Чебакъ* — большая теплая шапка съ ушами.

8. *Заимка* — мѣсто внѣ города, занятое подъ частный домъ, или крестьянскій дворъ съ огородомъ и съ другими принадлежностями; словомъ, русская дача или малороссійскій хуторъ.

9. *Пальма.* Такъ называются въ Сибири длинные, широкіе и толстые ножи, укрѣпленные наиболѣе въ березовыхъ, для крѣпости прокопченныхъ, ратовищахъ, обшитыхъ снаружи кожею. Съ ними Якуты, Юкагиры и другіе сѣверные народы ходятъ на лосей, медвѣдей, волковъ и проч.

10. *Жирникъ* — ночникъ съ какимъ нибудь масломъ или жиромъ, засвѣчаемый на ночь.

11. *Хвостовскій* (Хвостовъ, мѣстечко въ Кіевской губерніи, Васильковскаго уѣзда) полковникъ *Семеонъ Палый*, отважный предводитель заднѣпровскихъ наѣздниковъ, родился въ Борзнѣ, и сталъ славенъ подвигами около 1690 года. Подъ рукою гетмана своего *Самуся*, онъ, какъ владѣтельный князь, бралъ дань съ земель по Днѣстръ и Случъ, запиралъ Россію и Польшу отъ Татаръ, нерѣдко вторгался въ орды Буджацкую и Бѣлгородскую, и захватилъ однажды въ плѣнъ самаго Султана. Получалъ отъ первыхъ награды, бралъ отъ другихъ добычи и выкупы. Очаковъ не разъ видалъ его истребительный пламень вокругъ стѣнъ своихъ. Возставъ на Поляковъ за ихъ неправды, онъ попалъ въ плѣнъ, но вырвался изъ крѣпкой тюрьмы Магдебургской и сторицею заплатилъ имъ за свою неволю, разбивъ Поляковъ подъ Хвостовымъ, подъ Бердичевымъ, и покорившись Россіи. Въ 1694 году, съ Мокіевскимъ, набѣжавъ на Турокъ подъ Очаковымъ, не вкладывая сабли въ ножны, съ Черниговскимъ полковникомъ Лизогубомъ вторгся въ орду Буджацкую. Добыча и побѣда увѣнчали оба предпріятія. Удалые промыслы его надъ Поляками перемежались только тогда, какъ онъ громилъ Татаръ. Онъ бралъ и палилъ польскіе города и, опустошивъ край Волыни, овладѣлъ Трояновкою. Между тѣмъ коварный Мазепа, завистливый къ славѣ, жадный къ богатству, недовѣрчивый къ силѣ Самуся и Палѣя, своихъ соперниковъ, старался очернить ихъ въ глазахъ Петра Великаго. Съ навѣтами представилъ и доказательства: жалобы Августа, письма Потоцкаго и Яблоновскаго, которые писали, что: „Палѣй вьетъ себѣ разбойничьи гнѣзды въ крѣпостяхъ Рѣчи-Посполитой и кормится хлѣбомъ, котораго не сѣялъ.“ Мазепа тайно дѣйствовалъ противъ Самуся и Палѣя, а они явно воевали Польшу. Первый занялъ Богуславъ, Корсунь, Бердичевъ; второй взялъ Немировъ и Бѣлую-Церковь; перерѣзали тамъ шляхтичей и жидовъ, и всѣхъ окружныхъ крестьянъ подняли на Поляковъ, обѣщая имъ права и вѣчную свободу. Мазепа жаловался на ослушанье, Августъ просилъ удовлетворенія. Петръ повелѣвалъ оставить въ покоѣ своего союзника; но ожесточенные полководцы дѣлали свое, ни чему не внимая. Наконецъ рѣшился Мазепа известь Палѣя, какъ бы то ни

было. Окруженный всѣмъ своимъ войскомъ, выступившимъ тогда на помощь Августу противъ Шведовъ, сильный собственною властію и милостію царскою, онъ не смѣлъ однако жь захватить Палѣя силою: позвалъ къ себѣ въ гости въ Бердичевъ и за дружескою чашею заковалъ довѣрчиваго героя въ цѣпи, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ одной пѣсни:

„Ой пье Палій, ой пье Семенъ, да головоньку клонитъ,
„А мазепинъ чура*) Палію Семену кайданы готовитъ.“

Въ слѣдъ за симъ онъ отослалъ его въ Батуринъ, извѣщая Головина, что Палѣй оказался явнымъ измѣнникомъ государю и передался Карлу XII, въ надеждѣ черезъ посредство Любомирскихъ получить гетманство въ Малороссіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ въ Москву, а оттолѣ, по указу государеву, сосланъ въ Енисейскъ, гдѣ цѣлыя пять лѣтъ томился вдалекѣ отъ родины и родныхъ, снѣдаемъ тоскою бездѣйствія и неволи. Измѣна Мазепы открыла глаза Петру — и онъ посреди заботъ военныхъ вспомнилъ объ оклеветанномъ Палѣѣ, и возвратилъ ему имущество, чинъ и свободу. Но какъ земная власть могла возвратить ему здоровье! Однако жь послѣдніе дни палѣевой жизни были отрадны для сердца стараго воина. Онъ пріѣхалъ къ войску въ день полтавской битвы, сѣлъ на коня и, поддерживаемый двумя козаками, явился передъ своими. Радостные клики огласили воздухъ — видъ Палѣя воспламенилъ всѣхъ мужествомъ. Старикъ ввелъ козаковъ въ дѣло и хотя сабля его не могла уже разить враговъ, но еще однажды указала путь къ побѣдѣ. Весело было умирать послѣ полтавскаго сраженія! — Недолго пережилъ его и Палѣй отъ язвъ, трудовъ, лѣтъ, несчастій и славы.

Въ характерѣ сего безстрашнаго вождя Украинцевъ видны всѣ черты дикаго рыцарства. Открытъ въ дружбѣ и жестокъ въ мести; дѣятеленъ и смѣтливъ въ войнѣ, которая стала его стихіею — онъ не менѣе былъ искусенъ и въ распорядкѣ дѣлъ гетманскихъ, которыя велись его головою; ибо Самусь лишась его, сложилъ булаву правленія. Когда имя палѣево

*) *Чура* — слуга.

сторожило границу Заднѣпрія, Татары не нарушали ея покоя и Поляки не смѣли тамъ умничать. Поперемѣнно вождь и подчиненный, онъ умѣлъ повиноваться своеизбранной власти и строго хранить ему врученную; былъ любимъ какъ братъ своими товарищами, и какъ отецъ своими козаками. Когда Мазепа захватилъ его, то на силу могъ взять Бѣлую-Церковь и то измѣною мѣщанъ. „Умремъ тутъ вси, говорили козаки палѣевы, а не поддадимся, коли нѣтъ здѣсь нашего батьки.“ Врагъ Татаръ за ихъ грабежи, врагъ Поляковъ за ихъ утѣсненія — онъ въ обоихъ случаяхъ былъ полезенъ Россіи, хотя не вполнѣ исполнялъ ея требованія, какъ воспитанникъ необузданной свободы. Сынъ сего неустрашимаго воина — по неотступной просьбѣ старшинъ Бѣлоцерковскаго полка, заступилъ его мѣсто.

12. *Ватага*, малороссійское слово, имѣетъ слѣдующія значенія: толпа, шайка, стадо, стая, ватага разбишакъ, шайка разбойниковъ. (Котляревскій.)

13. *Гайдамакъ* — иногда удалецъ, иногда разбойникъ. Слово сіе, какъ видно изъ его корня, взято съ татарскаго языка, и въ собственномъ смыслѣ значитъ — *бродяга*, или бѣглецъ; по сему гайдамаки въ Малороссіи значатъ тоже, что *ускоки* у Славянъ иллирійскихъ.

14. *Толокно* — мука изъ пересушеннаго овса. Извѣстно, что въ дальнихъ своихъ походахъ, какъ нынѣ въ *чумаковань*, то есть, поѣздкахъ за рыбою и солью, Малороссіяне запасались всегда небольшимъ количествомъ толокна или гречневыхъ крупъ для кашицы, которую называютъ они *кулишъ*. Умѣренность есть одна изъ похвальныхъ добродѣтелей сихъ простодушныхъ сыновъ природы. Идучи обозомъ, они останавливаются въ полѣ, разводятъ огонь и всѣмъ *кошемъ*, т. е. артелью, садятся за кашицу, которую варитъ для нихъ такъ называемый *кашеваръ*. Кто ѣдетъ въ осеннюю ночь по степнымъ полямъ Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерній, тому часто случается видѣть нѣсколько такихъ огней, мелькающихъ какъ звѣздочки въ разныхъ разстояніяхъ на гладкой, необозримой равнинѣ.

15. *Хуторъ* — небольшая деревушка, часто одинъ домъ,

стоящій среди поля или въ лѣсу, въ сторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ. Обыкновенно почти таковые хутора строются при яругахъ, лѣсистыхъ оврагахъ, или подъ прикрытіемъ *чапыжника* (дробнолѣска).

16. *Курень* — хижина или землянка, въ каковыхъ и понынѣ еще живутъ многіе черноморскіе козаки. Нѣсколько таковыхъ куреней состоятъ подъ вѣдѣніемъ *Куреннаго*, или старшины, назначаемаго отъ начальства.

17. *Курганы* — высокія земляныя насыпи, видимыя и нынѣ во многихъ мѣстахъ Малороссіи и Украины. Курганы сіи служили иногда общими могилами на мѣстахъ столь частыхъ сшибокъ, бывавшихъ у Малороссіянъ съ всегдашними ихъ врагами Татарами, и, во время отторженія ихъ отъ Польши, съ Поляками. Въ таковыхъ курганахъ и понынѣ при разрытіи оныхъ, находятъ кости и волосы человѣческіе, недотлѣвшіе лоскутки одежд, отломки орудій, старинныя монеты, стекляницы, и т. п. Иногда же цѣлый рядъ таковыхъ кургановъ, идущій на далекое пространство по одному направленію, подобно цѣпи горъ, служилъ какъ бы ведетами или подзорными возвышеніями, для наблюденія за непріятелемъ. Таковыхъ кургановъ много можно видѣть по древнимъ границамъ Малороссіи и Украины съ ордою Крымскою, особливо въ губерніяхъ: Слободско-Украинской и Полтавской.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ:

„НАЛИВАЙКО“.

I.

КІЕВЪ.

Едва возникнувшій изъ праха,
Съ полуразвѣнчаннымъ челомъ,
Добычей дерзостнаго Ляха
Дряхлѣетъ Кіевъ надъ Днѣпромъ.

Какъ все измѣнчиво, не прочно!
Когда то роскошью восточной
Въ странѣ богатой онъ сіялъ;
Смотрѣлся въ Днѣпръ съ береговъ высокихъ,
И красотой изъ странъ далекихъ
Пришельцевъ чуждыхъ привлекалъ.
На шумныхъ торжищахъ звенѣли
Царь-градскимъ золотомъ купцы,
Въ садахъ по улицамъ блестѣли
Великолѣпные дворцы.

Среди Хазаръ и Печенѣговъ
Дружиной витязей хранимъ,
Онъ посмѣвался, невредимъ,
Грозѣ ихъ буйственныхъ набѣговъ.
Народамъ диво и краса,
Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко взносились въ небеса
Главы обители Печерской,
Какъ души иноковъ святыхъ
Въ своихъ молитвахъ неземныхъ.
Но ужь давно, давно не видно
Богатствъ и славы прежнихъ дней, —
Всё Русь утратила постыдно
Междоусобіемъ князей:
Дворцы, сребро, врата златыя,
Толпы гражданъ, толпы дѣтей —
Все стало жертвою Батыя;
Но Гедиминъ нанесъ ударъ:
Прошло владычество Татаръ!
На мигъ раздался гласъ свободы,
На мигъ воскреснули народы ...
Но Кіевъ на степи глухой,
Дивить ужь болѣ не способный,
Подъ властью Ляха роковой,
Стоитъ, какъ памятникъ надгробный
Надъ угнетенною страной.

II.

СМЕРТЬ ЧИГИРИНСКАГО СТАРОСТЫ.

Съ пищалью мѣткой и копьемъ,
Съ булатомъ острымъ и съ нагайкой,
На аргамакѣ ворономъ
По степи мчится Наливайко.
Какъ вихорь, бурный конь летитъ,
По вѣтру хвостъ и грива вьется,
Густая пыль изъ подъ копытъ
Какъ облака во слѣдъ несется ...
Летитъ ... привсталъ на стременахъ,
Въ туманъ далекій взоры топитъ,
Узрѣлъ — и съ яростью въ очахъ
Коня и нудитъ и торопитъ ...

Какъ точка передъ нимъ вдали
Чернѣетъ что-то въ дымномъ полѣ;
Вотъ отдѣлилась отъ земли,
Вотъ съ каждымъ мигомъ болѣ, болѣ,
И, наконецъ, на вышинѣ,
Средь мглы сѣдой, въ степи пустынной
Вдругъ показался на конѣ
Красивый всадникъ съ пикой длинной ...
Козакъ коня быстрѣй погналъ;
Въ его очахъ веселье злое ...
И вотъ — почти ужь доскакалъ ...
Копье направилъ роковое,
Настигъ, ударилъ — всадникъ палъ,
За стремя зацѣпясь ногою,
И конь испуганный помчалъ
Младого Ляха подъ собою.

Летитъ, какъ ястребъ, витязь въ слѣдъ;
Коня измученнаго колетъ
Или въ ребро, или въ хребетъ,
И въ дальній бѣгъ его неволитъ.
Напрасно ногу бѣдный Ляхъ
Освободить изъ стремя рвется —
Летитъ, глотая черный прахъ,
И слѣдъ кровавый остается ...

III.

ИСПОВѢДЬ НАЛИВАЙКИ.

(Буйства и утѣсненія Поляковъ на Украйнѣ переполнили мѣру терпѣнія козацкаго. Мститель ихъ Наливайко, убивъ Чигиринскаго старосту, рѣшается освободить отечество отъ Ляховъ, поправшихъ святость договоровъ презрѣніемъ ко правамъ козаковъ и чистоту вѣры мучительнымъ введеніемъ Уніи. Передъ исполненіемъ сего важнаго предпріятія, онъ, какъ благоговѣйный сынъ церкви, очищаетъ душу постомъ и отдаетъ исповѣдь печерскому схимнику.)

„Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ! Слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный ...

Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу —
Грѣхи Татаръ, грѣхи Жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія Сарматовъ
Я на душу принять готовъ.

„Итакъ ужь не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ — Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣтъ — рай! ...

„Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
Ни кто не рабствовалъ предъ Ляхомъ;
Ни кто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
Козакъ въ союзѣ съ Ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но все исчезло, какъ призракъ.
Уже давно узналъ козакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, Литвинъ, Полякъ —
Какъ стая кровожадныхъ враговъ,
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ:
Ему ни кто, ни кто не внемлетъ.
Къ Полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ и кровь бушуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь и день
Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,

Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
„Пора!“ мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
„Пора губить враговъ Украйны!“
Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужь обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!“

1824.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

„МАЗЕПА“.

ПАЛѢЙ.

Не тучи солнце обступали,
Не вѣтры въ полѣ бушевали:
Палѣя, съ горстью козаковъ,
Толпы несмѣтныя враговъ
Въ пустынномъ полѣ окружали ...
Куда укрыться молодцу?
Какъ избѣжать неравной драки?
И тамъ и здѣсь — вездѣ Поляки ...
По смуглому его лицу
Давно ужь градомъ потъ катится;
Отъ мѣткаго свинца валится
Съ коня козакъ за козакомъ ...
Уже обхваченъ онъ кругомъ ...
Ужь плѣнъ ему грозитъ позорной ...
Но вдругъ, одинъ, съ копьемъ въ рукѣ,
Сквозь густоту толпы упорной

Несется онъ, какъ вѣтръ нагорной.
Вотъ въ право, въ лѣво — и къ рѣкѣ.
Коню проворною рукою
Набросилъ на глаза башлыкъ,
Самъ головой къ лукѣ приникъ,
Ударилъ плетью — и стрѣлою
Слетѣлъ съ береговъ, отваги полнъ;
И вотъ — средь брызговъ и средь волнъ
Исчезъ въ клубящейся пучинѣ ...
Бушуетъ вѣтръ, рѣка реветъ ...
Ужь онъ спокойно на срединѣ
Днѣпра шумящаго плыветъ.
Враги напрасно мещутъ стрѣлы,
Свинецъ напрасно тратятъ свой;
Разитъ лишь воздухъ онъ пустой —
И невредимо витязь смѣлый
Выходитъ на̀ берегъ крутой.
Конь опѣненный встрепенулся,
Прочхнулся, радостно заржалъ ...
Палѣй съ насмѣшкой оглянулся,
Врагамъ проклятіе послалъ
И въ степь глухую ускакалъ ...

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

„ХМѢЛЬНИЦКІЙ“.

ГАЙДАМАКЪ.

Осенней ночью близь кургана,
Въ степи глухой у огонька,
Сидятъ одни во мглѣ тумана
Два запорожскихъ козака.
Напрасно зоркія ихъ очи
Сквозь черный мракъ угрюмой ночи
Чего-то ищутъ въ дальней мглѣ;
Вотще они къ сырой землѣ
Свое прикладываютъ ухо:
Кругомъ все сумрачно и глухо;
Молчитъ рѣка, безмолвенъ лѣсъ,
Ни звѣздочки среди небесъ.
Объята черной пеленою,
Какъ будто вся природа спитъ,
Лишь налетая вѣтръ порою
Сухой ковылью шевелитъ,
Да кони борзые, на волѣ
Гуляя, травку щиплютъ въ полѣ.

„Гдѣ запоздалъ онъ? ... Ужь пора
Ему примчаться. Отъ Днѣпра
Тутъ недалеко ... Конь надежной;
Съ дороги сбиться невозможно;
Удалъ отважный гайдамакъ!
Пусть ночь, удвоя черный мракъ,
На степь унылую наляжетъ;
Козакъ всегда козакъ: ему
На Запорожіе сквозь тьму
Пустынный вѣтеръ путь укажетъ ...“

„Не подстерегъ ли удальца
Въ глуши Татаринъ кровожадной?
Ну, что жь? Пусть такъ: у молодца
Булатъ съ пищалью семипядной.
И въ ясный день и въ часъ ночной
Онъ самъ нерѣдко съ самопаломъ
Стрежетъ враговъ въ травѣ густой,
Иль рыщетъ по степи шакаломъ.

„Я хорошо тотъ помню день,
Когда пришолъ онъ въ нашъ курень
И клятву далъ быть гайдамакомъ,
За Сѣчь свободную стоять
И вѣчно ненависть питать
И къ хищнымъ Крымцамъ и къ Полякамъ.
Непринужденный разговоръ,
Движенья, поступь, гордый взоръ,
Черты, жупанъ — все родъ высокой
Изображало въ пришлецѣ;
Прекрасенъ гость былъ черноокой,
Все насъ плѣняло въ молодцѣ;

Но зрѣлся слѣдъ тоски глубокой
На молодомъ его лицѣ ...

„Всѣ, полюбя его, ласкали,
Шутили съ нимъ средь шумныхъ игръ;
Но разогнать его печали
Не могъ ни кто.
Какъ юный тигръ,
На всѣхъ глядѣлъ, нахмуря брови,
Былъ дружбы чуждъ, былъ чуждъ любови,
Леталъ въ пустыняхъ на конѣ,
И, увядая въ тишинѣ,
Онъ рвался въ бой, онъ жаждалъ крови ...

„Сбылось желанье: саранчей
Мы понеслися подъ Очаковъ —
И удальствомъ пришлецъ младой
Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ.
Суровъ и дикъ и одинокъ,
Чуждаясь всѣхъ, всегда угрюмой,
И нынѣ бродитъ, какъ порокъ,
Въ мѣстахъ глухихъ онъ съ тайной думой.
Печаль, какъ черной ночи мгла,
Ему на сердце налегла.
Она, жестокая, тревожитъ
Его повсюду и всегда;
Ничѣмъ, нигдѣ и никогда
Ея разсѣять онъ не можетъ.

„Ему несносна тишина;
Безъ крови вражеской, безъ боя,
Онъ будто чахнетъ средь покоя;

Его душѣ нужна война:
Опасность, кровь и шумъ военный
Одни его животворятъ
И въ бурѣ битвъ покой мгновенный
Душѣ встревоженной дарятъ.

„Толпой и Крымцы и Поляки
Не разъ гонимы были имъ;
Какъ божій гнѣвъ, ужасны съ нимъ
Въ набѣгахъ бурныхъ гайдамаки ...

„Въ немъ не волнуютъ уже кровь
Младыхъ Украинокъ любовь
И вѣрной дружбы гласъ привѣтный;
Давно онъ — по всему примѣтно —
Остылъ безчувственной душой;
Въ ней вѣетъ холодъ гробовой:
Она, какъ хладная могила,
Его всѣ блага поглотила.
Всегда опущены къ землѣ
Его сверкающія очи;
Темнѣетъ на его челѣ
Какой то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.
Еще никто не зрѣлъ того,
Чтобы, хотя на мигъ единый,
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовомъ лицѣ его.
Однажды только, увѣряли,
Въ немъ очи радостью сверкали:
То было въ замкѣ богача,
Убитаго имъ на Волыни,
Гдѣ превратилъ онъ все въ пустыни,

Какъ — гнѣвъ небесный — саранча;
Гдѣ кровь ручьями лилъ онъ хладно,
Гдѣ все погибло безпощадно
Иль отъ огня, иль отъ меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ногъ лежалъ магнатъ:
Въ грудь старца, воплямъ не внимая,
Вонзилъ онъ съ хохотомъ булатъ.“

Такъ говорили межь собою
Про гайдамака-молодца
Два запорожскихъ удальца ...
Межь тѣмъ ужь началъ за рѣкою
Мерцать на дальнемъ небѣ свѣтъ,
А запорожца нѣтъ какъ нѣтъ.
Несется ночь ... и вотъ зарёю
Занялся сумрачный востокъ,
Сильнѣй зашевелилъ травою
Передразсвѣтный вѣтерокъ;
Ужь погасаетъ огонёкъ,
И вьется тонкою струею
Во мглѣ рѣдѣющей дымокъ ...

Вдругъ конскій топотъ раздается,
Какъ шумъ глухой, издалекà;
Вотъ громче, ближе ... вотъ несется
Конь вороной безъ сѣдока.
Вотъ за могилою степною
Своихъ товарищей узналъ,
Помчался къ нимъ, летитъ стрѣлою,
И, подбѣжавши, вдругъ заржалъ,
Запрялъ ушами — и упалъ,

Почти недвижный, бездыханный ...
По шеѣ кровь бѣжитъ изъ раны,
Расколотъ рыцарскій сайдакъ,
И безобразными клоками
Виситъ разорванный чепракъ ...
И гдѣ же грозный гайдамакъ,
Краса и слава буйной Сѣчи?
Погибъ ... но гдѣ, когда и какъ,
И при какой враждебной встрѣчи?
Быть можетъ, дерзкою толпой
Въ глуши захваченный въ неволю,
Въ темницѣ душной и сырой
Клянетъ въ цѣпяхъ свою онъ долю;
Иль, крымскимъ хищникомъ убитъ,
Въ степи пустынной онъ лежитъ,
И волкъ уже во мракѣ ночи
Терзаетъ трупъ среди травы,
И изъ козацкой головы
Орелъ выклёвываетъ очи ...

1824.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ.

I.

КЪ ВРЕМЕНЩИКУ.

(Подражаніе Персіевой сатирѣ „Къ Рубеллію“.)

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ, и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобою униженьемъ!
Могу ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу?

Что сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и санъ твой величавый?
Ахъ! лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,
Чѣмъ съ низкими страстьми и подлою душой

Себя, для строгаго своихъ согражданъ взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ будто для позора!
Когда во мнѣ, когда нѣтъ доблестей прямыхъ,
Что пользы въ санѣ мнѣ, и въ почестяхъ моихъ?
Не санъ, не родъ — одни достоинства почтенны;
Сеянъ, и самые цари безъ нихъ — презрѣнны;
И въ Цицеронѣ мной не консулъ — самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ ...
О, мужъ, достойный мужъ! почто не можешь, снова
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злова?
Тиранъ, вострепещи! родиться можетъ онъ:
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!
Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можетъ быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть ...
Не зная о своемъ ужасномъ положеньи,
Ты заблуждаешься въ несчастномъ ослѣпленьи!
Какъ не притворствуешь и какъ ты не хитришь,
Но свойства злобныя души не утаишь:
Твои дѣла тебя изобличатъ народу;
Познаетъ онъ — что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты ...
Тогда вострепещи, о, временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Все трепещи, тиранъ! — за зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!

1820.

II.

ВИДѢНІЕ.

Ода на день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года.

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ?
Я вижу въ сладкомъ упоеньи:
Подъ сводомъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ,
Екатерины тѣнь паритъ!
Кого то ищетъ жаднымъ взглядомъ;
Чело величіемъ горитъ.

Но вотъ съ устенъ царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалàсь:
Предъ нею отрокъ златокудрой,
Средь сонма воиновъ рѣзвясь,
То въ длани тяжкій мечъ пріемлетъ,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То, трепеща въ восторгѣ, внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцовъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и кровь и умъ,
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнутъ силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа,
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На легкомъ облакѣ, какъ дымъ,
И, улыбаясь, любовалась
Прекраснымъ правнукомъ своимъ.
Но вдругъ Минервы свѣтлоокой
Чудесный видъ пріявъ, она
Слетѣла, мудрости высокой,
Огнемъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
„Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
„Ты любишь громкія дѣла;
„Но для полуночной державы
„Довольно лавровъ и побѣдъ;
„Довольно громозвучной славы
„Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

„Военныхъ подвиговъ година
„Грозою шумной протекла:
„Тебя иная ждетъ судьбина,
„Иныя ждутъ тебя дѣла ...
„Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
„Непроницаемою мглой;
„Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
„Неправды съ правдою святой.

„Духъ необузданной свободы
„Уже возсталъ противъ властей;
„Смотри — въ волненіи народы,
„Смотри — въ движеньи сонмъ царей!

„Быть можетъ, отрокъ мой, корона
„Тебѣ назначена Творцомъ:
„Люби народъ, чти власть закона;
„Учись заранѣ быть царемъ.

„Твой долгъ благотворить народу,
„Его любви въ дѣлахъ искать;
„Не блескъ пустой и не породу,
„А дарованья возвышать.
„Дай просвѣщенные уставы,
„Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ
„Науками очисти нравы,
„И вѣру утверди въ сердцахъ.

„Люби гласъ истины свободной,
„Для пользы собственной люби,
„И рабства духъ неблагородный,
„Неправосудье — истреби.
„Будь блага подданныхъ ревнитель:
„Оно есть первый долгъ царей;
„Будь просвѣщенья покровитель:
„Оно надежный другъ властей.

„Старайся духъ постигнуть вѣка,
„Узнать потребность русскихъ странъ;
„Будь человѣкъ для человѣка,
„Будь гражданиномъ для гражданъ;
„Будь Антониномъ на престолѣ,
„Въ чертогахъ мудрость водвори —
„И ты себя прославишь болѣ,
„Чѣмъ всѣ герои и цари.“

1823.

III.

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не чувствуетъ народъ ...
Оно молчитъ, святое мщенье,
И на царя не возстаетъ.

Подъ адскимъ игомъ самовластья,
Покорны вѣчному ярму,
Сердца не чувствуютъ несчастья
И умъ не вѣруетъ ему.

Я видѣлъ рабскую Россію
Передъ святыней алтаря:
Гремя цѣпьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

1824.

IV.

ВѢРѢ НИКОЛАЕВНѢ СТОЛЫПИНОЙ.

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долгъ передъ тобою —
Прекрасныхъ чадъ образовать.
Пусть ихъ сограждане увидятъ
Готовыхъ пасть за край родной,
Пускай они возненавидятъ
Неправду пламенной душой;

Пусть въ сонмѣ юныхъ исполиновъ
На ужасъ гордыхъ ихъ узри́мъ,
И смѣло скажемъ: „знайте, имъ
Отецъ — Столыпинъ, дѣдъ — Мордвиновъ!“

1825.

V.

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

Кто, кто сей дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело спокойно, строенъ санъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечемъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты ли, мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты ли геній древнихъ странъ,
Не ты ли сила душъ свободныхъ,
О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Надежною опорой троновъ!

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ вражду, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

О ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой;
Тобою славны на судѣ
И Панинъ нашъ и Долгорукой:
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
И вопль и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ,
И перломъ былъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И страхомъ сталъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи:
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ
Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ небыло вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Аттилъ и Цесарей и Бронновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой ...
Но много ль было Цицероновъ? ...

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ духъ, и духъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Пока еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининскихъ временъ —
Для блага сѣверныхъ племенъ
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

Итакъ, сограждане, не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на Провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ:
Вотще коварство вкругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, спокоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпора власти и народу.

Такъ въ дикой красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ:
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ,
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделивый.

1825.

VI.

ГРАЖДАНИНЪ.

Я ль буду въ роковое время
Позорить гра̀жданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ?
Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разга̀давъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка,
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка;
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И, въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

1825.

VII.

Тюрьма мнѣ въ честь — не въ укоризну;
За дѣло правое я въ ней.
И мнѣ ль стыдится сихъ цѣпей,
Когда ношу ихъ за отчизну?

1826.

VIII.

ПОСЛАНІЕ КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Завѣса пала! ... Въ узахъ я! ...
Дойдутъ ли звуки изъ темницы
Отъ струнъ разстроенной цѣвницы
До слуха вашего, друзья?
Быть можетъ, вы въ свободной долѣ,
Въ восторгахъ жизни молодой
Забыли узника въ неволѣ,
Забыли тяжкій жребій мой.
Въ союзѣ съ вѣтреной надеждой,
Съ мечтой поэзіи живой,
Еще за чашей круговой
Вы ждете жизни боевой,
И, полны думою мятежной,
Еще на розовыхъ устахъ,
Въ объятьяхъ дѣвъ, какъ май прекрасныхъ,
И на роскошнѣйшихъ грудяхъ
Волшебницъ милыхъ, сладострастныхъ
Вы рвете свѣжіе цвѣты
Цвѣтущей дѣтства красоты;
Еще средь пышнаго обѣда,
Гдѣ Вакхъ чрезъ край вино вамъ льетъ,
Сей взоръ привѣтный Ганимеда
Вамъ чувства сладкой нѣги шлётъ;
Еще расцвѣтъ душистой розы
И сводъ лазуревыхъ небесъ
Для вашихъ взоровъ не исчезъ.
Вамъ чужды темные угрозы,
Какъ мраморъ хладнаго, суда,

И не коснулась клевета
До вашихъ дѣлъ и жизни тайной,
И не дерзалъ еще порокъ,
Съ усмѣшкой сдѣлать вамъ упрёкъ
И потревожить духъ печальный.
Еще небесный воздухъ тамъ
Вамъ вѣетъ легкими крылами
И не гнѣтетъ дыханья вамъ,
Какъ въ гробѣ, смрадными парами;
Не будитъ васъ въ ночи глухой
Угрюмый окликъ часового,
Илъ рѣзкій звукъ ружья стального
При смѣнѣ стражи за стѣной.
И торжествующее мщенье,
Склонясь безсовѣстнымъ челомъ,
Еще убійственнымъ перомъ
Не пишетъ вамъ опредѣленья
Безвѣстной смерти подъ ножемъ,
Иль въ мрачныхъ сводахъ заточенья.
О, пусть благое Провидѣнье
Отъ васъ отклонитъ бурный громъ!
Онъ грянулъ грозно надо мною;
Но я отъ язвы лютыхъ стрѣлъ
Еще, друзья, не поблѣднѣлъ,
И предъ свирѣпою судьбою
Не преклонялъ раменъ съ главою.
Наемной лжи передъ судомъ
Я слышалъ голосъ двуязычный, —
И прѣзрѣлъ видъ ея двуличный.
Съ какимъ то адскимъ торжествомъ,
Въ преступныхъ чувствахъ закоснѣлый,
Злодѣй съ продажною душой,

Врагъ чести, съ совѣстью нѣмой
Мнѣ дѣлалъ укоризны смѣло;
Съ улыбкой судъ ему внималъ,
Улыбкой наглость одобрялъ —
И внесъ въ ужасныя страницы
Слова наёмнаго убійцы.
Напрасно голосъ громовой
Мнѣ вѣрной черни боевой
Въ мою защиту отозвался —
Онъ съ вѣтромъ въ воздухѣ терялся!
Напрасно небо я молилъ:
Казалось, рокъ не истощилъ
Руки карающей удары! ...
И судъ со вздохомъ алчной кары
На жертву радостно взиралъ;
Чуждаясь правды обнаженной,
Онъ двухъ свидѣтелей искалъ ...
Онъ ихъ нашелъ въ толпѣ презрѣнной!
Но я сослался на законъ,
Какъ на гранитъ народныхъ зданій:
„Въ устахъ царя“, сказали „онъ —
„Въ его самодержавной длани;
„И слово буйное „законъ“
„Въ устахъ опредѣленной жертвы
„Есть дерзновенный звукъ и мертвый“.
Итакъ исчезъ прелестный сонъ,
И я открылъ со страхомъ вѣжды,
Еще искалъ моей надежды —
Ея ужь небыло со мной!
И я во мракъ упалъ душой.
Пловецъ, твой конченъ путь надъ бездной!
Мужайся, жди всему конца,

Въ одеждѣ скромной мудреца,
Но въ сердцѣ съ твердостью желѣзной!
Мужайся! — близокъ грозный часъ!
Онъ загремитъ въ дверяхъ цѣпями,
И, можетъ быть, въ послѣдній разъ
Еще окинешь ты глазами
Луга, и горы, и лѣса
Надъ свѣтлою Невы струёю,
И Феба золотой стезёю
Полетъ по яснымъ небесамъ
Надъ сердцу памятной страною,
Гдѣ ты свободою дышалъ
И къ жизни лучшей устремлялъ
Взоръ свѣтлый съ чистою душою.
Изчезнетъ все, какъ въ вѣчность день!
Изъ милой родины изгнанный,
Средь черни дикой, своенравной,
Я буду жизнь влачить, какъ тѣнь,
Вдали отъ васъ, друзья, отъ свѣта,
Въ жильѣ Тунгуса иль Бурета,
Гдѣ вѣчно царствуетъ зима,
И гдѣ природа какъ тюрьма,
Гдѣ много жертвъ, страстей и власти,
Какъ я, свои влачили дни,
Гдѣ я погибну, какъ они,
Подъ ношей скорби и напасти!
Быть можетъ (о, молю душой
И силъ и мужества отъ неба!)
Ужѐ судъ мрачнаго эреба
Мнѣ жизнь, лютѣе смерти злой,
Готовитъ тамъ, гдѣ слышны звуки
Подземныхъ стоновъ и цѣпей

И вздохи безпрерывной муки;
Гдѣ тайно зоркій стражъ дверей
Свои отъ взоровъ кроетъ жертвы.
Полунагіе, полумертвы,
Безъ силъ, безъ памяти, безъ словъ,
Подъ ѣдкой ржавчиной оковъ,
Сіи живущіе клевреты
Въ гнилой соломѣ тлѣютъ тамъ;
И неразличны ихъ очамъ
Темницы мертвые предметы.
Но пусть счастливѣйшій пѣвецъ,
Любимецъ музъ и Аполлона,
Страстей высокихъ пылкій жрецъ,
Сей берегъ новый Ахерона,
Тѣней жилище воспоетъ.
Ужѐ темничная зараза
Сковала грудь мою, какъ лёдъ:
Холодный узникъ отдаетъ
Тебѣ сей лавръ, пѣвецъ Кавказа*)!
Грянь по струнàмъ — и Аполлонъ,
Оставя берегъ Альбіона,
Тебя, о юный Амфіонъ,
Украситъ лаврами Байрòна!
Оставь другимъ пѣвцамъ любовь:
Любовь ли пѣть, гдѣ брызжетъ кровь,
Гдѣ племя чуждое съ улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой,
Гдѣ слово, мысль, невольный взоръ
Влекутъ, какъ явный заговоръ,
Какъ преступленіе, на плаху,

*) А. С. Пушкинъ.

И гдѣ народъ, подвластный страху,
Не смѣетъ шопотомъ роптать!
Пора, друзья, пора воззвать
Изъ мрака въ вѣкъ прошедшей славы,
Народовъ древнихъ вспомнить нравы
И тѣ священны времена,
Когда гремѣло наше Вече
И сокрушало издалече
Царямъ кичливымъ рамена.
Когда жь дойдетъ до васъ, о други,
Сей голосъ потаенной муки,
Сей звукъ восторженной мечты? —
Противъ враговъ и клеветы
Я не прошу у васъ защиты!
Враги, презрѣніемъ убиты,
Изсохнутъ сами, какъ трава.
Скажите отъ меня Орлову,
Что я судьбу свою сурову
Съ терпѣньемъ мраморнымъ сносилъ,
Нигдѣ себѣ не измѣнилъ
И въ дни убійственные жизни
Не мраченъ былъ, какъ и весной,
И даже мыслью и душой
Отвергнулъ право укоризны.
Прощайте! Тамъ для васъ, друзья,
Горитъ денница на востокѣ
И отразилася заря
Въ шумящемъ кровію потокѣ ...
Подъ сѣнь священную знаменъ
На поле славы боевое
Зоветъ васъ долгъ, добро святое! ...
Спѣшите! — тамъ вакхальный звонъ

Поколебалъ подземны своды,
И пробудилъ народный стонъ
И гидру дремлющей свободы!

1826.

IX.

ТРИ ПОСЛѢДНІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ РЫЛѢЕВА,

написанныя имъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ на кленовыхъ листьяхъ.

1.

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ:
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крыле ми голубине? —
Да полечу и почію!
Весь міръ, какъ смрадная могила:
Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! ты мнѣ прибѣжище и сила!
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ,
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души:
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши!

4 іюля 1826 г.

2.

КНЯЗЮ Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ.

О, милый другъ! какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.

.....*)
Спасителю — сей истинѣ верховной —
Мы подчинить отъ всей души должны
И міръ вещественный и міръ духовный.

Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей;
Но онъ къ безсмертію стезя прямая;
И, благовѣствуя, рѣчетъ о ней
Сама намъ истина святая:

„Блаженъ, кого Отецъ нашъ изберетъ —
Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ! —
Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ!“

Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я толь сладкому глаголу —
И, какъ орелъ, на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

---

*) Стихъ этотъ забытъ Е. П. Оболенскимъ, единственнымъ читателемъ приводимаго стихотворенія въ подлинникѣ, какъ это объяснено ниже въ библіографической статьѣ издателя.

Блаженъ, кто вѣдаетъ, что Богъ единъ —
И миръ, и истина, и благо наше!
Блаженъ, чей духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ христовой чашѣ!

Прямой мудрецъ: онъ жребій свой вознесъ;
Онъ предпочелъ небесное земному;
И, какъ Петра, ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.

Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ
Узритъ онъ край обѣтованный.

7 іюля 1826 г.

3.

Пріими, пріими, святой Евгеній,
Дань благодарную пѣвца,
И жертву сладостныхъ хваленій,
И слезы каплющи съ лица!
Отъ нынѣ день твой до могилы
Пребудетъ святъ душѣ моей:
Въ сей день твой соимянникъ милый
Освобожденъ былъ отъ цѣпей.

10 іюля 1826 г.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

СТАНСЫ.

(Къ А. БЕСТУЖЕВУ.)

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.

Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу,
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей,
А встрѣчаешь трупы хладные,
Иль безсмысленныхъ дѣтей ...

1824.

II.

ЭЛЕГІЯ.

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишнія мечты:
Мои жестокія страданья,
Мою любовь узнала ты.

Себя напрасно я тревожилъ:
За страсть вполнѣ я награжденъ;
Я вновь для счастья сердцемъ ожилъ;
Исчезла грусть, какъ мутный сонъ.

Такъ, окропленъ росой отрадной,
Въ тотъ часъ, когда горитъ востокъ,
Вновь воскресаетъ ночью хладной
Полузавялый василекъ.

1824.

III.

ПОСЛАНІЕ КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ.

(Подражаніе VII-му посланію Депрео.)

Питомецъ важныхъ Музъ, служитель Аполлона,
Пѣвецъ, который намъ паденье Иліона
И битвы грозныя Ахеянъ и Троянъ,
Съ Пелидомъ бѣдственну вражду Агамемнона,
Вторженье Гектора въ враждебный Грековъ станъ,
И бой и смерть сего пергамскаго героя
Воспѣлъ плѣнительно на лирѣ золотой,
На древній ладъ ее съ отважностью настроя,
И путь открылъ себѣ безсмертья въ храмъ святой!
Не думай, чтобъ и ты, плѣня всѣхъ лирой звучной,
Отъ всѣхъ хвалу обрѣлъ во мзду своихъ трудовъ;
Бореніе съ толпой совмѣстниковъ, враговъ,
И съ предразсудками и съ завистью докучной —
Всегдашній былъ удѣлъ отличнѣйшихъ пѣвцовъ.
Ахъ! иногда они въ друзьяхъ враговъ встрѣчали,
И имъ съ безпечностью ввѣряяся душой,
У сердца нѣжнаго змѣю отогрѣвали,
И цѣлый вѣкъ кляли несчастный жребій свой ...
Судьи-завистники, убійцы дарованій,
Вездѣ преслѣдуютъ несчастнаго пѣвца;
И похвалы друзей и шумъ рукоплесканій,
И лавры свѣжіе прекраснаго вѣнца,
Все души низкія завистниковъ тревожитъ,
Все дикую вражду къ ихъ бѣдной жертвѣ множитъ!
Одна, одна лишь смерть гоненья прекратитъ —
И, успокоясь въ мирной сѣни,
Дань должной похвалы возьметъ съ потомства геній
И, торжествующій, Зоиловъ постыдитъ.

Таланта каждаго сопутникъ неизмѣнной —
Негодованіе толпы непросвѣщенной,
И зависть злобная его всегдашній врагъ —
Оспаривали здѣсь ко славѣ каждый шагъ
Творца Димитрія, Фингала, Поликсены.
Любимца перваго россійской Мельпомены
Ядъ низкой зависти спокойствія лишилъ
И, сердце отравивъ, дни жизни сократилъ.
Но вѣсть печальная лишь всюду пролетѣла,
Почувствовали всѣ, что безъ него у насъ
Трагедія осиротѣла ...
Тогда судей-невѣждъ умолкъ презрѣнный гласъ,
Вѣнки посыпались и зависть онѣмѣла ...
Судьбу подобную жь фонъ-Визинъ претерпѣлъ,
И Змѣйкина, себя узнавши въ Простаковой,
Сулила автору жизнь скучную въ удѣлъ
Въ странѣ далекой и суровой.

На трудномъ поприщѣ ты только могъ одинъ,
Въ пріятной звучности прелестнаго размѣра
Намъ вѣрно передать всю красоту картинъ
И всю гармонію Гомера.
Не удивляйся же, что зависть вкругъ тебя
Шипитъ, какъ черная змѣя!
И здѣсь, какъ и вездѣ, насъ небо наставляетъ;
Мудрецъ во всемъ, во всемъ читаетъ
Уроки для себя:
На лонѣ праздности дремавшій долго геній,
Стрѣлами зависти былъ пробужденъ отъ лѣни,
Ширяясь, какъ орелъ на небеса паритъ
И съ высоты на низъ съ презрѣніемъ глядитъ,
Гдѣ клеветой его порочитъ пустомеля ...

Такъ деспотъ-Кардиналъ съ ученою толпой
Уничижить хотѣлъ безсмертнаго Корнеля —
На Сида воружилъ Зоиловъ дерзкій рой ...
Сидъ бранью угнетенъ, но трагикъ оскорбленный
Явился съ Циною во храмѣ Мельпомены —
И посрамленный Кардиналъ
Смотрѣлъ съ ничтожными льстецами,
Какъ геніемъ своимъ Корнель торжествовалъ
Надъ Академіей и жалкими судьями.
Такъ и Жуковскій нашъ, любимый Феба сынъ,
Сокровищь языка счастливый властелинъ,
Возвышеннаго полнъ, Эдема пышны двери,
Въ отвѣтъ ругателямъ, открылъ для юной Пери.
И ты примѣру слѣдуй ихъ,
И на сужденія завистниковъ твоихъ,
На площадную брань и приговоръ суровой
Съ Гомеромъ отвѣчай всегда бесѣдой новой.
Орла ль парящаго среди эѳирныхъ странъ
Въ полетѣ карканьемъ удержитъ наглый вранъ?
Иди безтрепетно проложенной стезею,
И лавры свѣжія рви смѣлою рукою.
Пускай завистники вокругъ тебя шипятъ!
О, Гнѣдичъ! вопли — ихъ и дикіе и громки —
Тобой заслуженной хвалы не заглушатъ:
Защитникъ твой — Гомеръ, твои судьи — потомки!
Зачѣмъ тревожиться, когда твоихъ трудовъ
Не вздумаетъ читать какой-нибудь Вралёвъ,
Иль жалкій Азбукинъ, иль Клитъ стихокропатель,
Иль въ колпакѣ Магистръ, или Дамонъ ругатель?
Нѣтъ, нѣтъ! читателей достоинъ ты другихъ;
Желаю, Гнѣдичъ, я, чтобы въ стихахъ твоихъ
Восторги сладкіе поэты почерпали,

Чтобы царица-мать красѣ дивилась ихъ,
Чтобъ переводъ прекрасный твой читали
Съ воспламененною душой
Изящнаго цѣнители прямые,
Хранящіе любовь къ странѣ своей родной
И посвященные Музъ въ таинства святыя.
Не много ихъ! за то вниманіе пѣвцамъ
Средь вопля дикаго должно быть драгоцѣнно,
Какъ въ Ливіи, отъ солнца раскаленной,
Для странника ручей журчащій по пескамъ ...

1821.

IV.

КЪ ДЕЛІИ.

(Подражаніе Тибуллу.)

Почто, о Делія, съ колѣнопреклоненьемъ
Къ безсмертнымъ прибѣгалъ съ напраснымъ я моленьемъ?
Почто на алтаряхъ имъ ѳиміамъ курилъ,
Коль рокъ тебя ко мнѣ еще не возвратилъ?
Дерзалъ ли у боговъ, въ своихъ моленьяхъ скромныхъ,
Тибуллъ испрашивать себѣ палатъ огромныхъ,
Иль Крезовыхъ богатствъ, иль славы и честей,
Иль тучныхъ пажитьми Цереринхъ полей,
Иль стадъ безчисленныхъ съ обширными лугами? —
Объ скромной бѣдности лишь имъ скучалъ мольбами,
Которую бъ дѣлилъ всегда съ тобою я;
Молилъ, чтобъ при тебѣ застала смерть меня ...
На что сокровища, на что стада мнѣ тучны?
Иль будемъ болѣ мы съ тобой благополучны

Въ чертогахъ мраморныхъ, для коихъ привезли
Огромны глыбы горъ изъ разныхъ странъ земли?
Ахъ! нѣтъ, ни золото, ни ткани драгоцѣнны,
Ни храмины, рукой искусства изсѣченны,
Ни въ златѣ блещуща толпа наемныхъ слугъ
Намъ счастья даровать не въ силахъ, милый другъ!
Съ тобой мнѣ, Делія, и домикъ мой убогій
Олимпомъ кажется, гдѣ обитали боги.
Скудельностью своей и скромной простотой
Онъ гонитъ отъ себя суетъ крылатыхъ рой;
И я за мигъ одинъ, съ тобой въ немъ проведенный,
Не соглашуся взять сокровищь всѣхъ вселенной.

О, боги! пусть Тибуллъ, всѣхъ благъ земныхъ лишась,
Но только съ Деліей своей соединясь,
Въ дому родительскомъ съ ней вмѣстѣ обитаетъ
И вмѣстѣ съ нею же въ немъ дни свои скончаетъ.

О, дщерь Сатурнова! и ты любови мать!
Дерзаю къ вамъ мольбы усердны возсылать;
Вы съ благосклонностью вамъ сродной имъ внемлите
И Делію навѣкъ Тибуллу возвратите.
Но если Парки мнѣ сего не прорекли,
Коль Деліи не зрѣть мнѣ болѣ на земли,
То пусть сей часъ сойду въ подземныя пещеры,
Гдѣ сестры лютыя безжалостной Мегеры,
Въ жилищѣ мрачномъ ихъ тѣнь новую узря́,
Улыбкой адскою привѣтствуютъ себя.

1820.

V.

КЪ N. N.

Когда душа изнемогала
Въ борьбѣ съ болѣзнью роковой,
Ты посѣтить, мой другъ, желала
Уединенный уголъ мой.

Твой голосъ нѣжный, взоръ волшебный
Хотѣлъ страдальца оживить;
Хотѣла ты покой цѣлебный
Въ взволнованную душу влить.

Сіе отрадное участье,
Сіе вниманье, милый другъ,
Мнѣ снова возвратило счастье,
И исцѣлило мой недугъ.

Съ одра недуга рокового
Я всталъ и бодръ и веселъ вновь —
И въ сердцѣ запылала снова
Къ тебѣ давнишняя любовь.

Такъ мотылекъ, порхая въ полѣ
И крылья опаливъ огнемъ,
Опять стремится поневолѣ
Къ костру въ безуміи слѣпомъ.

1824.

VI.

ПУСТЫНЯ.

(Къ М. Г. БЕДРАГѢ.)

Бѣжавшій отъ суетъ
И отъ слѣпой богини,
Твой другъ, младой поэтъ,
Вдругъ сталъ анахаретъ
И жизнь ведетъ въ пустыни.
Въ душѣ моей младой
Нѣтъ болѣ жажды славы,
И шумныя забавы
Смѣнилъ я на покой.
Безумной молодежи
Покажется смѣшно,
Что я не пью вино,
Что мнѣ вода дороже,
И что я сплю давно
На одинокомъ ложѣ;
Но, не смотря на то,
На тихій звукъ свирѣли
Въ уютный домикъ мой
Вертлявою толпой
Утѣхи налетѣли
И весело обсѣли
Въ немъ всѣ углы, мой другъ!
Съ печалію жь докучной
Сопутникъ неразлучной,
Томительный недугъ,
И дочь мірскаго шума

Со свитою своей,
Души угрюмой дума
Отъ хижины моей
Стремятся торопливо ...
Лишь только боязливо
Задумчивость порой
Заглянетъ въ уголъ мой
Покойный и счастливый.

Оставивъ шумный свѣтъ
И нѣгу сладострастья,
Какъ могъ во цвѣтѣ лѣтъ
Найти дорогу счастья
Твой вѣтреный поэтъ —
Ты спросишь въ изумленьи.
Мой другъ, въ уединеньи,
Какъ пышные цвѣты,
Кипятъ въ воображеньи
Прелестныя мечты.
Онѣ волшебной силой
Въ тиши моей нѣмой,
Съ своей подругой милой —
Фантазіей младой,
Меня увеселяютъ
Чудесною игрой —
И сердцу возвращаютъ
Утраченный покой,
Который мнѣ въ пустынѣ
Милѣе всѣхъ даровъ
Обманчивой богини:
И злата и чиновъ,
И шумныхъ пированій,

И ласковыхъ рѣчей,
И вѣтреныхъ лобзаній
Предательницъ-Цирцей ...

Но ты, мой другъ безцѣнной,
Быть можетъ, хочешь знать,
Какъ дни мои летятъ
Въ Украйнѣ отдаленной?
Изволь: твой другъ младой,
Простясь съ коварнымъ міромъ,
Съ свободою златой,
Душъ пламенныхъ кумиромъ,
Живетъ въ степи глухой,
Судьбу благословляя;
Онъ съ ложа здѣсь встаетъ,
Зарю предупреждая,
И въ садикъ свой идетъ
Немного потрудиться,
Взявъ заступъ, на грядахъ;
Когда жь устанетъ рыться,
Онъ, съ книгою въ рукахъ,
Подъ тѣнь деревъ садится —
И въ пламенныхъ стихахъ,
Иль въ прозѣ чистой, плавной,
Чуждъ горя и заботъ,
Восторги сладки пьётъ.
То Пушкинъ своенравной,
Парнасскій нашъ шалунъ,
Съ Русланомъ и Людмилой;
То Батюшковъ-рѣзвунъ,
Мечтатель легкокрылой;
То, съ громомъ звучныхъ струнъ,

И честь и слава Россовъ,
Какъ диво-исполинъ,
Парящій Ломоносовъ;
Иль Озеровъ, Княжнинъ,
Иль Тацитъ-Карамзинъ
Съ своимъ девятымъ томомъ;
Иль баловень-Крыловъ
Со гремушкою и Момомъ;
Иль Гнѣдичь и Костровъ
Съ старикомъ Гомеромъ;
Или Жанъ-Жакъ-Руссо
Съ проказникомъ-Вольтеромъ;
Воейковъ-Буало,
Жуковскій несравненный;
Иль Дмитріевъ почтенный;
Иль фаворитъ его,
Милоновъ — бичъ пороковъ;
Иль ветхій Сумароковъ;
Иль Душеньки творецъ,
Любимецъ Музъ и Грацій;
Иль важный нашъ Горацій,
Поэтовъ образецъ;
Иль сладостный пѣвецъ —
Нелединскій унылый;
Или Панаевъ милый
Съ идилліей своей —
Въ тиши уединенной
Дарятъ попеременно
Мечты душѣ моей . . .

Но полдень. Въ домъ укромный
Иду; давно ужь тамъ

Меня обѣдъ ждетъ скромный;
Пріятный Ѳиміамъ
Отъ сочныхъ яствъ курится.
Мгновенно возбудится
Завидный аппетитъ —
И труженикъ-пѣитъ
За шаткій столъ садится ...
Потомъ на одръ простой
Онъ на часокъ приляжетъ;
Богъ сна, Морфей младой,
Ему гирлянду свяжетъ
Изъ маковыхъ цвѣтовъ,
И въ легкомъ снѣ покажетъ
Пріятелей-пѣвцовъ.
Они всѣ въ Петрополѣ;
Въ моей счастливой долѣ
Лишь ихъ не достаетъ!
Подъ вечеръ за работу
Иль въ садъ, иль въ кабинетъ,
Иль грозно на охоту
Съ котомкой за спиной
Иду съ ружьемъ — на бой
Иль съ зайцами, иль съ дичью;
И, возвратясь домой,
Обремененъ добычью,
Пью ароматный чай ...
Вдругъ входитъ невзначай
Ко мнѣ герой Кавказа,
Котораго въ горахъ
Ни страшная зараза,
Ни Абазехъ, ни Бахъ,
Ни грозный Кабардинецъ,

Ни яростный Лезгинъ,
Ни хищный Абазинецъ
Среди своихъ долинъ
Въ шесть лѣтъ не въ силахъ были
Духъ твердый сокрушить.
Непобѣдимымъ быть,
Казалося, судили
Герою небеса —
Но вдругъ его плѣнили
Прелестные глаза ...
Вздыхая и вздыхая,
Не умеръ чуть боецъ;
Но, сжалясь наконецъ,
Красавица младая
И сердце и себя,
Героя полюбя,
Съ рукой ему вручила
Во храмѣ подъ вѣнцомъ;
Но скоро измѣнила
И молодымъ пѣвцомъ
Бойца перемѣнила ...
Сей отставной майоръ,
Гроза Кавказскихъ горъ,
Привезъ съ собой газеты.
Принявши грозный видъ,
„Почто, входя, кричитъ,
Мои младые лѣты
Съ такою быстротой,
О, труженикъ младой,
Сокрылись въ безднахъ Леты?
Война, война кипитъ!
Въ Мореѣ пышетъ пламя!

Поднявъ свободы знамя,
Грекъ Оттоману мститъ!
А я, а я не въ силахъ
Летѣть туда стрѣлой,
Куда стремлюсь душой!
Кровь тихо льется въ жилахъ,
И съ каждымъ, съ каждымъ днемъ
Все болѣе хладѣетъ;
Рука владѣть мечемъ,
Какъ прежде, не умѣетъ,
И бичъ кавказскихъ странъ
Часъ отъ часу дряхлѣетъ,
И грозный Оттоманъ
Предъ нимъ не побѣднѣетъ!“
Со вздохомъ кончивъ рѣчь,
Майоръ съ себя снимаетъ
Полузаржавый мечъ,
И слезы отираетъ.
О прошлой старинѣ,
О сѣчи своевольной,
О мирѣ, о войнѣ
Поговоривъ довольно,
Мы къ ужину идёмъ;
Тамъ снова съ разговоры,
А изрѣдка и въ споры,
Разгорячась виномъ,
Майоръ со мной вступаетъ —
И Порту, и Кавказъ
Въ покоѣ оставляетъ,
Поэзію ругаетъ
И приступомъ Парнасъ
Взять грозно обѣщаетъ!

Но вотъ ужь первый часъ!
Морфей зоветъ къ покою,
И старому герою
На вѣжды вѣетъ сномъ,
Вакхъ также наступаетъ,
А старость помогаетъ —
И въ спальню быстро онъ,
Качаясь, отступаетъ,
Въ атакѣ съ трехъ сторонъ ...

Майора въ ретирадѣ
До ложа проводя,
Я освѣжить себя
Иду въ прохладномъ садѣ:
Чуть слышный вѣтерокъ,
Цвѣтовъ благоуханье,
Лепечущій потокъ,
Листочковъ трепетанье,
И мракъ и тѣнь древесъ,
И тишина ночная,
Пучина голубая
Безоблачныхъ небесъ —
И въ ней, въ дали безбрежной,
Уныла и блѣдна,
Средь яркихъ звѣздъ одна,
Какъ лебедь бѣлоснѣжный,
Плывущая луна —
И древъ и неба своды,
И хижинка моя,
Смотрящаяся въ воды
Шумящаго ручья,
И лодки колыханье,

И филомелы гласъ —
Все, все очарованье
Въ священный ночи часъ!
Природы красотами
Спокойно насладясь,
Я тихими шагами
Въ пріютъ свой возвращусь,
Пенатамъ поклонюсь,
Къ нимъ вѣрой пламенѣя,
И на одрѣ простомъ
Въ объятіяхъ Морфея
Забудусь сладкимъ сномъ ...

Такъ юнаго поэта,
Вдали отъ шума свѣта,
Проходятъ дни въ глуши;
Ни что его души,
Мой другъ, не безпокоитъ,
И онъ въ нѣмой тиши
Воздушны замки строитъ!
Заботы никогда
Его не посѣщаютъ,
Напротивъ завсегда
Съ нимъ вмѣстѣ обитаютъ
Свобода и покой
Съ веселостью безпечной ...

Но здѣсь мнѣ жить не вѣчно —
И часъ разлуки злой
Съ пустынею нѣмой
Мчитъ время быстротечно.
Покину скоро я

Украинскія степи —
И снова на себя
Столичной жизни цѣпи,
Суровый рокъ кляня,
Увы, надѣну я!
Опять подъ часъ въ прихожей
Надутаго вельможи
(Тогда, какъ онъ покой
На пурпуровомъ ложѣ
Съ прелестницей младой
Вкушаетъ безмятежно,
Ее лобзая нѣжно)
Съ растерзанной душой,
Съ главою преклоненной,
Межь *челядью златой*,
И чинно и смиренно
Я долженъ буду ждать
Судьбы своей рѣшенья
Отъ глупаго сужденья,
Которое мнѣ дать
Изъ милости разсудитъ
Лѣнивый полу-царь,
Когда его разбудитъ
Въ полудни секретарь ...

Для пылкаго поэта
Какъ больно, тяжело
Въ тріумфѣ видѣть зло,
И въ шумномъ вихрѣ свѣта
Встрѣчать вездѣ ханжей,
Корнетовъ-дуэлистовъ,
Поэтовъ-эгоистовъ,

Или убійцъ-судей,
Досужихъ журналистовъ,
Которые тогда,
Какъ вспыхнула война
На югѣ за свободу,
О, срамъ! о, времена!
Поссорились за оду.

1821.

VII.

КЪ К — МУ.

Чтобъ я младые годы
Лѣнивымъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ! нѣтъ! тому во вѣкъ
Со мною не случиться ...
Тотъ жалкій человѣкъ,
Кто славой не плѣнится!
Кумиръ младой души —
Она меня, трубою
Будя въ нѣмой глуши,
Въ слѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы.

Итакъ простите вы —
Краса благой прирады —
Цвѣтущіе сады,
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,

И миръ души моей,
И кровъ уединенный,
И тишина полей
Страны благословенной,
Гдѣ горя и суетъ
И обольщеній чуждый,
Прожить бы могъ поэтъ
Безъ прихотливой нужды;
Гдѣ бъ дни его текли
Подъ сѣнью безмятежной,
Въ объятьяхъ дружбы нѣжной
И родственной любви ...
. . . . . .

1821.

VIII.

ЭЛЕГІЯ.

Покинь меня, мой юный другъ!
Твой взоръ, твой голосъ мнѣ опасенъ:
Я испыталъ любви недугъ —
И знаю я, какъ онъ ужасенъ ...
Но что, безумный, я сказалъ?
Къ чему укоры и упреки?
Ужь я твой узникъ, другъ жестокій,
Твой взоръ меня очаровалъ.
Я увлеченъ своей судьбою,
Я самъ къ погибели бѣгу:
Боюся встрѣтиться съ тобою,
А не встрѣчаться не могу.

1824.

IX.

Краса природы! совершенство! —
Она моя! она моя!
Кто разорветъ мое блаженство?
Кто вырветъ дѣву у меня?
Пускай идутъ цари земные
Съ толпами воиновъ своихъ ...
Что мнѣ снаряды боевые?
Я смѣлой грудью встрѣчу ихъ.
Они со всей земною силой
Ее не вырвутъ у меня:
Ее возьметъ одна могила —
Она моя! она моя!
Она моя! — пускай возстанетъ
И адъ и небо на меня;
Пусть смерть грозою въ очи взглянетъ —
Противъ всего отважусь я!
Пускай возстанутъ милiоны
Крылатыхъ демоновъ въ огнѣ
И серафимовъ легiоны —
Они совсѣмъ не страшны мнѣ!
Въ ней жизнь моя, моя отрада!
Что мнѣ архангелъ, что мнѣ бѣсъ?
Я не страшусь ни казни ада,
Ни гнѣва страшнаго небесъ.
Пусть Богъ съ лазурнаго чертога
Придетъ меня съ ней разлучить —
Возстану я и противъ Бога,
Чтобы ее не уступить.
И что мнѣ Богъ! — его не знаю ...

Въ ней все святое для меня:
Ее одну я обожаю
Во всемъ пространствѣ бытія.
Я не убійца, не предатель;
Не дышетъ злобой грудь моя;
Но за нее и самъ Создатель
Затрепеталъ бы у меня.
Во мнѣ нѣтъ вѣры, нѣтъ законовъ! ...
И чтобъ ее не уступить,
Готовъ царей низвергнуть съ троновъ
И Бога въ небѣ сокрушить.
Она одна моя святыня,
Всѣхъ радостей моихъ чертогъ ...
Мнѣ безъ нея весь міръ — пустыня:
Она мой Богъ! она мой Богъ!

X.

РОМАНСЪ.

Какъ счастливъ я, когда сижу съ тобою,
Когда любуюся я, глядя на тебя,
Твоею милою, любезной красотою ...
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда ты, другъ мой милый,
Свой голосъ съ звуками гитары съединя,
Поешь иль пѣсенку, или романсъ унылый,
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда умильнымъ взоромъ,
Прелестный, милый другъ, ты подаришь меня,
Иль обратишься вдругъ ко мнѣ ты съ разговоромъ,
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда ты понимаешь
Изъ взора моего сколь я люблю тебя,
Когда мнѣ ласками на ласки отвѣчаешь,
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда своей рукою
Ты тихо жмешь мою, и глядя на меня,
Твердишь въ полголоса, что счастлива ты мною,
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда вдругъ осторожно,
Украдкой ото всѣхъ цалуешь ты меня ...
Ахъ! смертному едва ль такъ счастливымъ быть можно,
Какъ счастливъ я!

1820.

XI.

Повѣрь, я знаю ужь, Дорида,
Про то, что скрыть желаешь ты!
Твой тусклый взоръ и томность вида
Отцвѣтшей рано красоты
Мнѣ слишкомъ много объяснили:
Тебя, прелестная, плѣнили
Любви неясныя мечты ...
Онѣ, вездѣ тебя тревожа,
Въ уединеніе манятъ,

И среди дѣвственнаго ложа
Отраду слабую дарятъ,
Лишь жажду наслажденій множа.
Какъ жертвуешь ты симъ мечтамъ,
При свѣтѣ дня, иль въ мракѣ ночи,
Почти закрывшіяся очи
Склоняешь съ робостью къ дверямъ!
И если юная подруга
Иль кто другой къ тебѣ войдетъ,
Въ одно мгновенье отъ испуга
Румянецъ нѣжный пропадетъ —
Потупишь взоръ. Несвязность рѣчи,
И твой смущенный, робкій видъ,
И неожиданность сей встрѣчи
Тебя кой въ чёмъ изобличитъ ...
Но ты краснѣешь, другъ безцѣнный!
Меня давно ты поняла ...
Оставь же сей порокъ презрѣнный,
Доколь совсѣмъ не отцвѣла.
Мой другъ, бѣги сего порока,
Въ мечтахъ себя не погуби,
Не будь сама къ себѣ жестока
И хоть меня ты полюби.

XII.

ЖЕСТОКОЙ.

Смотри, о, Делія, какъ вянетъ сей цвѣточекъ,
Съ какой свирѣпостью со стебелька
Въ слѣдъ за листочкомъ рветъ листочекъ
Суровой осени рука!

Ахъ! скоро, скоро онъ красы своей лишится,
Не станетъ болѣе благоухать;
Послѣдній скоро листъ свалится,
Зефиръ не будетъ съ нимъ играть!

Угрюмый Аквилонъ нагонитъ тучи мрачны,
Въ уныніе природу приведетъ;
Одѣнетъ снѣгомъ долы злачны, —
Твой взоръ и стéбля не найдетъ ...

Такъ точно, Делія, дни жизни скоротечной
Умчитъ Сатурнъ зависливой и злой,
И блага юности безпечной
Ссѣчетъ губительной косой ...

Все измѣняется подъ дланью Крона хладной;
Остынетъ младости кипящей кровь;
Но скука жизни безотрадной
Подъ старость къ злу родитъ любовь!

Тогда, жестокая, познаешь, какъ ужасно
Любовью тщетною въ душѣ пылать,
И на очахъ, не пламень страстный,
Но хладъ презрѣнія встрѣчать.

1820.

XIII.

КЪ ДЕЛІИ.

Опять, о Делія, завистливой судьбою
На долго, можетъ быть, я разлученъ съ тобою!
Опять, опять одинъ съ унылою душой

Въ Пальмирѣ Сѣвера прекрасной
Брожу, какъ сирота несчастной,
Питая мрачный духъ тоской!
Ничтожной славой ослѣпленный,
Жилище скромное и нѣги и отрадъ,
Жилище радостей — твой домъ уединенный,
Безумецъ, промѣнять дерзнулъ на Петроградъ,
Гдѣ все тоску мою питаетъ,
Гдѣ сердце юное страдаетъ!
Почто моленіямъ твоимъ я не внималъ?
Почто, о Делія, съ тобою я разстался?
Ахъ, я бъ теперь съ тоскою не скитался,
Но въ хижинѣ бъ твоей съ любовью обиталъ,
Въ сей хижинѣ, гдѣ я узналъ тебя впервые!
Гдѣ въ жизни первый разъ, съ потокомъ сладкихъ слёзъ,
Въ часы для сердца дорогіе,
Несмѣлымъ голосомъ *люблю* я произнесъ!
Гдѣ ты мнѣ на любовь любовью отвѣчала,
Гдѣ сладострастіе и нѣгу я вкушалъ ...
Гдѣ ты въ объятіяхъ счастливца трепетала,
Гдѣ я мгновенія восторгами считалъ! ...
Ахъ! скоро ли опять изъ шумной и огромной
Столицы Сѣвера, о, мой безцѣнный другъ,
Нечаянно въ твой домикъ скромной
Предстанетъ нѣжный твой супругъ? ...

1820.

XIV.

ЗАБЛУЖДЕНІЕ.

Завѣса наконецъ съ очей моихъ упала,
И я коварную Дориду разгадалъ!
Ахъ! если бъ прежде я измѣнницу узналъ,
Тогда бы менѣе душа моя страдала,
Тогда бъ я слезъ не проливалъ!
Но могъ ли я имѣть сомнѣнье?...
Ея плѣнительный и непорочный видъ,
Стыдливости съ любовію боренье,
И взгляды нѣжные, и жаръ ея ланитъ,
И страстный пацалуй, и персей трепетанье,
И пламень молодой крови,
И робкое въ часы отрадъ признанье,
Все, все казалось въ ней свидѣтельствомъ любви
И нѣжной страсти пылкимъ чувствомъ!
Но было все коварствъ плодомъ
И записныхъ Гетеръ искуствомъ,
Корысти низкія трудомъ!
А я, безумецъ, въ ослѣпленьи,
Дориду хитрую въ душѣ боготворилъ,
И страсти пламенной въ отрадномъ упоеньи,
Боговъ лишь равными себѣ въ блаженствѣ мнилъ!...

1820.

XV.

КЪ ДРУГУ.

Не намъ, мой другъ, съ тобой чуждаться
Утѣхъ и радостей земныхъ,
Красою милыхъ не прельщаться

И сердцемъ дорожить для нихъ.
Пусть мудрецы всѣ за химеру
Считаютъ блага жизни сей;
Не намъ ихъ слѣдовать примѣру
Въ цвѣтущей юности своей.
Теперь еще въ насъ свѣжи силы
И сердце бьется для любви;
Придутъ дни старости унылы —
Угаснетъ прежній огнь въ крови,
Къ утѣхамъ чувства онѣмѣютъ,
Кровь медленнѣй польется въ насъ,
Всѣ наши нервы ослабѣютъ ...
И все напомнитъ смерти часъ!
Тогда, тогда уже не время
О милыхъ будетъ вспоминать,
И сей угрюмой жизни бремя
Въ объятьяхъ нѣжныхъ облегчать ...

Итакъ, доколѣ не промчалась
Быстротекущихъ дней весна,
Доколь еще не показалась
На нашихъ кудряхъ сѣдина;
Доколь любовью полны очи
Прелестницъ юныхъ насъ манятъ,
И подъ покровомъ мрачной ночи
Восторгъ и радости сулятъ —
Мой другъ! въ сей домикъ безопасной,
Когда сну преданъ Петроградъ,
Спѣши съ Доридою прекрасной
На лоно пламенныхъ отрадъ.

1820.

XVI.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ:

„ПУТЕШЕСТВІЯ НА ПАРНАСЪ“.

. . . . . .

Тамъ многихъ авторовъ творенья,
Въ пыли валяяся, гніютъ.
Тамъ Лета есть рѣка забвенья:
Въ ней также многіе живутъ.
Я видѣлъ въ ней какъ Львовъ купался
И обмывалъ своихъ дѣтей;
Я зрѣлъ — Шихматовъ въ ней остался,
А съ нимъ и тысяча статей.
Я самъ свидѣтель былъ въ то время,
Какъ нѣсколько прочтя листовъ,
За нанесенное тѣмъ бремя,
Былъ столкнутъ съ берега Хвостовъ.
Я былъ при томъ, когда Гераковъ,
Пузатый, лысый, небольшой,
Потомокъ вздорливый Иракловъ,
Былъ Леты поглощенъ волной.
Я зрѣлъ, какъ нашъ *піитъ слезливый**)
Красу лужковъ, лазурь небесъ,
И сельску жизнь, и злачны нивы
Пѣлъ, пѣлъ — и, наконецъ, исчезъ.
Такая жь участь, можетъ статься,
И намъ, о други, суждена!

---

*) Князь Шаликовъ.

Такъ лучше въ даль намъ не пускаться,
Чтобъ не измѣрить Леты дна ...
. . . . . .

1814.

XVII.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ.

(ПР. ТИХ. ЧИР—НОЙ.)

Подъ тѣнью миртовъ и акацій,
Въ могилѣ скромной сей
Лежитъ прелестная подруга юныхъ грацій:
Ни плачущій Эротъ, ни скорбный Гименей,
Ни прелесть майской розы,
Ни друга юнаго, ни двухъ младенцевъ слёзы
Спасти Полину не могли!
Судьбы во цвѣтѣ лѣтъ навѣки обрекли
Ее изъ пламенныхъ объятій
Супруга нѣжнаго, дѣтей, сестеръ и братій
Въ объятья хладныя земли ...

1821.

XVIII.

ТРІОЛЕТЪ НАТАШѢ.

Ахъ, дòлжно, дòлжно быть бездушнымъ,
Чтобы Наташу не любить!
Чтобъ, зря ее, быть равнодушнымъ,
Ахъ, дòлжно, дòлжно быть бездушнымъ!

Я сердцу вѣчно былъ послушнымъ,
Такъ какъ же мнѣ не говорить:
Ахъ, должно, должно быть бездушнымъ,
Чтобы Наташу не любить!

1820.

XIX.

ШАРАДА.

Часть *первая* моя отъ зноя укрывая,
Усталыхъ путниковъ подъ тѣнь свою манитъ,
И ихъ прохладой освѣжая,
Съ Зефиромъ шепчетъ и шумитъ;
Вторая часть моя приводитъ въ восхищенье,
Коль былъ творцемъ ея Державинъ иль Петровъ;
Когда жь скропалъ Свистовъ, —
Всѣхъ погружаетъ въ усыпленье;
А *цѣлое* — замѣть, чититель дорогой —
Въ себѣ волшебника всю заключало силу,
Посредствомъ коей онъ прекрасную Людмилу
Похитилъ дерзостно, въ часъ полночи глухой,
Изъ брачной храмины въ волшебный замокъ свой*).

1820.

---

*) Бор-ода.

XX.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ОДНОГО СТАРАГО ВОИНА, УМЕРШАГО ОТЪ КРОВОПУСКАНІЯ.

Вотъ вѣрное изображенье
Того, котораго щадили сорокъ лѣтъ
Трехгранные штыки и пули на сраженьѣ —
Не пощадилъ его лишь докторскій ланцетъ!

1820.

XXI.

ЭПИГРАММА.

„Ты знаешь Ѳирса чудака:
„Зачѣмъ онъ головой киваетъ?“
— Отъ пустоты она ужь такъ легка,
Что и Зефиръ ее качаетъ. —

1820.

XXII.

ЭПИГРАММА.

Бездѣлокъ нѣсколько нашъ Бавій накропалъ,
Твердитъ, что можетъ онъ съ Державинымъ равняться!
Въ жару мечтать такъ Бавій правъ;
Но въ правѣ же за то и мы надъ нимъ смѣяться.

1820.

ПѢСНИ,

НАПИСАННЫЯ РЫЛѢЕВЫМЪ ВМѢСТѢ СЪ А. БЕСТУЖЕВЫМЪ.

I.

* * *

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынь-трава,
Братцы!
Гдѣ читаютъ Pucelle *),
И летятъ подъ постель
Святцы.
Гдѣ Бестужевъ драгунъ
Не даетъ карачунъ
Смыслу.
Гдѣ нашъ князь-чудодѣй **)
Не бросаетъ людей
Въ Вислу.
Гдѣ съ зари до зари
Не играютъ цари
Въ фанты.
Гдѣ Булгаринъ Ѳаддей
Небоится когтей
Танты.

---

*) „La pucelle d'Orléans", поэма Вольтера.
**) В. К. Константинъ Павловичъ.

Гдѣ Магницкій *) молчитъ,
А Мордвиновъ **) кричитъ
Вольно.
Гдѣ не думаетъ Гречь,
Что его будутъ сѣчь
Больно.
Гдѣ Сперанскій поповъ
Обдаетъ, какъ клоповъ,
Варомъ.
Гдѣ Измайловъ-чудакъ ***)
Ходитъ въ каждый кабакъ
Даромъ.
Ты скажи, говори,
Какъ въ Россіи цари
Правятъ.
Ты скажи поскорѣй,
Какъ въ Россіи царей
Давятъ.
Какъ капралы Петра
Провожали съ двора
Тихо;
А жена †) предъ дворцомъ
Разъѣзжала верхомъ
Лихо.

---

*) Бывшій попечитель Казанскаго округа; мистикъ.

**) Извѣстный членъ государственного совѣта при Александрѣ I.

***) Извѣстный баснописецъ и издатель журнала.

†) Екатерина II.

Какъ курносый злодѣй *)
Воцарился по ней ...
Горе!
Но Господь, русскій Богъ
Бѣднымъ людялъ помогъ
Вскорѣ ...
Какъ въ ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули, — Богъ ихъ прости! —
Отъ пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ, въ ненастные дни,
Занимались они
Дѣломъ.

II.

ПѢСНЯ.

Ай и скучно же мнѣ
Во своей сторонѣ!
Все въ неволѣ,
Въ тяжкой долѣ ...
Видно вѣкъ такъ вѣковать.

---

*) Павелъ I.

Долго ль русскій народъ
Будетъ рухлядь господъ,
И людями,
Какъ скотами,
Долго ль будутъ торговать?

Баринъ съ земскимъ судомъ,
Да съ приходскимъ попомъ,
Насъ морочатъ,
Да волочатъ
По дорогамъ, да судамъ.

А подъ царскимъ орломъ,
Ядомъ поятъ съ виномъ;
Лишь народу
Для заводу
Велятъ вчетверо платить.

А наборами царь
Усушилъ, какъ сухарь;
То дороги,
То налоги
Разорили насъ въ конецъ.

Ай, какъ худо въ Руси,
Что и Богъ упаси:
Аракчѣевъ
Всѣхъ затѣевъ
И всѣхъ бѣдъ тому виной.

Онъ царя подстрекнетъ,
Царь указъ подмахнетъ —

Ему шутка,
А намъ жутко,
Тошно такъ, что ой, ой, ой!

III.

ПѢСНЯ.

Царь нашъ Нѣмецъ прусскій
Носитъ мундиръ узкій.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Царствуетъ онъ гдѣ же?
Цѣлый день въ манежѣ.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Прижимаетъ локти,
Забираетъ въ когти.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Судьи всѣ — жандармы,
Школы всѣ — казармы.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Князь Волконскій баба —
Начальникомъ штаба.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!

ПРОЗАИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

I.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ПОЭЗІИ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ N. N.)

Споръ о романтической и классической поэзіяхъ давно уже занимаетъ всю просвѣщенную Европу, а недавно начался и у насъ. Жаръ, съ которымъ споръ сей продолжается, не только отъ времени не простываетъ, но еще болѣе и болѣе увеличивается. Не смотря однако жь на это, ни романтики, ни классики не могутъ похвалиться побѣдою. Причины сему, мнѣ кажется, тѣ, что обѣ стороны спорятъ, какъ обыкновенно случается, болѣе о словахъ, нежели о существѣ предмета, придаютъ слишкомъ много важности формамъ, и что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а была, есть и будетъ одна истинная, самобытная поэзія, которой правила всегда были и будутъ одни и тѣ же.

Приступимъ къ дѣлу.

Въ средніе вѣки, когда заря просвѣщенія уже начала заниматься въ Европѣ, нѣкоторые ученые

люди, избранныхъ ими авторовъ для чтенія въ классахъ и образца ученикамъ, назвали классическими, т. е. образцовыми. Такимъ образомъ — Гомеръ, Софоклъ, Виргилій, Горацій и другіе древніе поэты наименованы поэтами классическими. Учители и ученики отъ души вѣрили, что только слѣпо подражая древнимъ и въ формахъ и въ духѣ поэзіи ихъ, можно достигнуть до той высоты, до которой они достигли, и сіе-то несчастное предубѣжденіе, сдѣлавшееся общимъ, было причиною ничтожности произведеній бо̀льшей части новѣйшихъ поэтовъ. Образцовыя творенія древнихъ, долженствовавшія служить только поощреніемъ для поэтовъ нашего времени, замѣняли у нихъ самые идеалы поэзіи. Подражатели никогда не могли сравниться съ образцами, и кромѣ того они сами лишали себя силъ своихъ и оригинальности, а если и производили что либо превосходное, то, такъ сказать, случайно, и всегда почти только тогда, когда предметы твореній ихъ взяты были изъ древней исторіи, и преимущественно изъ греческой, ибо тутъ подражаніе древнему замѣняло изученіе духа времени, просвѣщеніе вѣка, гражданственности и мѣстностей страны того событія, которое поэтъ желалъ представить въ своемъ сочиненіи. Вотъ почему „Меропа“, „Эсѳирь“, „Митридатъ“ и нѣкоторыя другія творенія Расина, Корнеля и Вольтера превосходны. Вотъ почему всѣ творенія сихъ же или другихъ писателей, предметы твореній которыхъ почерпнуты изъ новѣйшей исторіи, а вылиты въ формы древней драмы, почти всегда далеки совершенства.

Наименованіе классиками безъ различія многихъ

древнихъ поэтовъ неодинаковаго достоинства, принесло ощутительный вредъ новѣйшей поэзіи, и понынѣ служитъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ сбивчивости понятій нашихъ о поэзіи вообще, о поэтахъ въ особенности. Мы часто ставимъ на одну доску поэта оригинальнаго съ подражателемъ: Гомера съ Виргиліемъ, Эсхила съ Вольтеромъ. Опутавъ себя веригами чужихъ мнѣній, и обезкриливъ подражаніемъ генія поэзіи, мы влеклись къ той цѣли, которую указывала намъ формула Аристотеля и бездарныхъ его послѣдователей. Одна только необычайная сила генія изрѣдка прокладывала себѣ новый путь, и облетая цѣль, указанную педантами, рвалась къ собственному идеалу. Когда же явилось нѣсколько такихъ поэтовъ, которые, слѣдуя внушенію своего генія, не подражая ни духу, ни формамъ древней поэзіи, подарили Европу своими оригинальными произведеніями, тогда потребовалось классическую поэзію отличить отъ новѣйшей, и Нѣмцы назвали сію послѣднюю поэзіею романтическою, вмѣсто того, чтобы назвать просто новою поэзіею. Дантъ, Тассъ, Шекспиръ, Аріостъ, Кальдеронъ, Шиллеръ, Гете, наименованы романтиками. Къ сему прибавить должно, что самое названіе романтической взято изъ того нарѣчія, на которомъ явились первыя оригинальныя произведенія трубадуровъ. Сіи пѣвцы не подражали и не могли подражать древнихъ, ибо тогда уже, отъ смѣшенія съ разными варварскими языками, языкъ греческій былъ искаженъ, латинскій развѣтвился, и литература обоихъ сдѣлалась мертвою для народовъ Европы. Такимъ образомъ поэзіею романтическою назвали поэзію оригинальную, самобытную, а въ этомъ смыслѣ Го-

меръ, Эсхилъ, Пиндаръ, словомъ всѣ лучшіе греческіе поэты — романтики, равно какъ и превосходнѣйшія произведенія новѣйшихъ поэтовъ, написанныя по правиламъ древнихъ, но предметы коихъ взяты не изъ древней исторіи, суть произведенія романтическія, хотя ни тѣхъ, ни другихъ и не признаютъ таковыми. Изъ всего вышесказаннаго не выходитъ ли, что ни романтической, ни классической поэзіи не существуетъ? Истинная поэзія въ существѣ своемъ всегда была одна и та же, равно какъ и правила оной. Она различатся только по существу и формамъ, которыя въ разныхъ вѣкахъ приданы ей духомъ времени, степенью просвѣщенія и мѣстностью той страны, гдѣ она появлялась. Вообще можно раздѣлить поэзію на древнюю и новую. Это будетъ основательнѣе. Наша поэзія болѣе содержательная, нежели вещественная: вотъ почему у насъ болѣе мыслей, у древнихъ болѣе картинъ; у насъ болѣе общаго, у нихъ частностей. Новая поэзія имѣетъ еще свои подраздѣленія, смотря по понятіямъ и духу вѣковъ, въ коихъ появлялись ея геніи. Таковы: „Divina Comedia“ Данта, чародейство въ поэмѣ Тасса, Мильтонъ, Клопштокъ съ своими высокими религіозными понятіями, и наконецъ въ наше время поэмы и трагедіи Шиллера, Гете и особенно Байрона, въ коихъ живописуются страсти людей, ихъ сокровенныя побужденія, вѣчная борьба страстей съ тайнымъ стремленіемъ къ чему то высокому, къ чему то безконечному.

Я сказалъ выше, что формамъ поэзіи вообще придаютъ слишкомъ много важности. Это также важная причина сбивчивости понятій нашего времени о поэзіи вообще. Тѣ, которые почитаютъ себя класси-

ками, требуютъ слѣпого подражанія древнимъ, и утверждаютъ, что всякое отступленіе отъ формъ ихъ есть непростительная ошибка. Напримѣръ три единства въ сочиненіи драматическомъ — у нихъ есть непремѣнный законъ, нарушеніе коего ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Романтики напротивъ, отвергая сіе условіе, какъ стѣсняющее свободу генія, полагаютъ достаточнымъ для драмы единство цѣли. Романтики въ этомъ случаѣ имѣютъ нѣкоторое основаніе. Формы древней драмы, точно какъ формы древнихъ республикъ, намъ не въ пору. Для Аѳинъ, для Спарты и другихъ республикъ древняго міра чистое народоправленіе было удобно, ибо въ ономъ всѣ граждане безъ изъятія могли участвовать. И сія форма правленія ихъ не нарочно была выдумана, не насильно введена, а проистекала изъ природы вещей, была необходимостью того положенія, въ какомъ находились тогда гражданскія общества. Точно такимъ же образомъ три единства греческой драмы въ тѣхъ твореніяхъ, гдѣ оныя встрѣчаются, не изобрѣтены нарочно древними поэтами, а были естественнымъ послѣдствіемъ существа предметовъ ихъ твореній. Всѣ почти дѣянія происходили тогда въ одномъ городѣ, или въ одномъ мѣстѣ; это самое опредѣляло и быстроту и единство дѣйствія. Многолюдность и неизмѣримость государствъ новыхъ, степень просвѣщенія народовъ, духъ времени, словомъ, всѣ физическія и нравственныя обстоятельства новаго міра опредѣляютъ и въ политикѣ и въ поэзіи поприще, болѣе обширное. Въ драмѣ три единства уже не должны и не могутъ быть для насъ непремѣннымъ закономъ, ибо театромъ дѣяній нашихъ служитъ не одинъ городъ, а все госу-

дарство, и по бо́льшей части такъ, что въ одномъ мѣстѣ бываетъ начало дѣянія, въ другомъ продолженіе, а въ третьемъ видятъ конецъ его. Я не хочу этимъ сказать, что мы вовсе должны изгнать *три единства* изъ драмъ своихъ. Когда событіе, которое поэтъ хочетъ представить въ своемъ твореніи, безъ всякихъ усилій вливается въ формы древней драмы, то разумѣется, что и три единства не только тогда не лишнее, но иногда даже необходимое условіе. Нарочно только не надобно искажать историческаго событія для соблюденія трехъ единствъ, ибо въ семъ случаѣ всякая вѣроятность нарушается. Въ такомъ быту нашихъ гражданскихъ обществъ, намъ остается полная свобода, смотря по свойству предмета, соблюдать три единства, или довольствоваться однимъ, т. е. единствомъ происшествія или цѣли. Это освобождаетъ насъ отъ веригъ, наложенныхъ на поэзію Аристотелемъ. Замѣтимъ однако жь, что свобода сія, точно какъ наша гражданская свобода, налагаетъ на насъ обязанности труднѣйшія тѣхъ, которыхъ требовали отъ древнихъ три единства. Труднѣе соединить въ одно цѣлое разныя происшествія такъ, чтобы они гармонировали въ стремленіи къ цѣли и составляли совершенную драму, нежели написать драму съ соблюденіемъ трехъ единствъ, разумѣется, съ предметами, равномѣрно благодарными. Много также вредитъ поэзіи суетное желаніе сдѣлать опредѣленіе оной, и мнѣ кажется, что тѣ справедливы, которые утверждаютъ, что поэзіи вообще не должно опредѣлять. По крайней мѣрѣ, по сю пору никто еще не опредѣлилъ ея удовлетворительнымъ образомъ: всѣ опредѣленія были или частныя, относящіяся до поэзіи какого

нибудь вѣка, какого нибудь народа, или поэта, или общія со всѣми словесными науками, какъ Ансильоново*). Идеалъ поэзіи, какъ идеалъ всѣхъ другихъ предметовъ, которые духъ человѣческій стремится обнять, безконеченъ и недостижимъ, а потому и опредѣленіе поэзіи невозможно, да мнѣ кажется, и безполезно. Если бъ было можно опредѣлить, что такое поэзія, то можно бъ было достигнуть и до высочайшаго идеала оной, а когда бы въ какомъ нибудь вѣкѣ достигли до него, то что̀ бы тогда осталось грядущимъ поколѣніямъ? Куда бы дѣвалось perpetuum mobile?

Великіе труды и превосходныя творенія нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ должны внушать въ насъ уваженіе къ нимъ; но отнюдъ не благоговѣніе, ибо это противно законамъ чистѣйшей нравственности, унижаетъ достоинства человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ вселяетъ въ него какой то страхъ, пре-

---

*) По мнѣнію Ансильона: „поэзія есть сила выражать идеи посредствомъ слова, или свободная сила представлять, помощью языка, безконечное подъ формами конечными и опредѣленными, которыя бы въ гармонической дѣятельности говорили чувствомъ сообщенію и сужденію.“ — Но сіе опредѣленіе идетъ и къ философіи, идетъ и ко всѣмъ человѣческимъ знаніямъ, которыя выражаются словомъ. Многіе также (см. „Вѣстн. Евр.“ 1825, No. 17, стр. 26), соображаясь съ ученіемъ новой философіи нѣмецкой, говорятъ, что сущность *романтической* (по нашему истинной) поэзіи состоитъ въ стремленіи души къ совершенному, ей самой неизвѣстному, но для нее необходимому стремленію, которое владѣетъ всякимъ чувствомъ истинныхъ поэтовъ сего рода. Но не въ этомъ ли состоитъ сущность и философія всѣхъ изящныхъ наукъ?

пятствующій приблизиться къ превозносимому поэту, и даже видѣть въ немъ недостатки. Итакъ будемъ почитать высоко поэзію, а не жрецовъ ея, и, оставивъ безполезный споръ о романтизмѣ и классицизмѣ, будемъ стараться уничтожить въ себѣ духъ рабскаго подражанія и, обратясь къ источнику истинной поэзіи, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку, и всегда недовольно ему извѣстныхъ.

1825.

II.

ПРОВИНЦІАЛЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1.

ПЕРВЫЙ ВЫѢЗДЪ. МАГАЗИНЫ.

Пріѣхавъ съ женою въ Петербургъ, котораго ни я, ни она родясь еще не видали, захотѣлось намъ побывать въ немъ *вездѣ* и посмотрѣть *на все*. Въ слѣдствіе сего намѣренія, на другой же день нашего пріѣзда, предположили мы начать осмотръ свой съ храма Казанской Богоматери: „въ которомъ-де кстати, примолвила жена моя, и отслужимъ, по долгу добрыхъ христіанъ, благодарственный молебенъ за благополучное совершеніе нашего пути; а оттуда, душенька, заѣдемъ въ магазинъ мадамъ А.“ На первое предложеніе, какъ на богоугодное, я согласился съ удовольствіемъ; но при второмъ, признаюсь чистосердечно, отъ страху я невольно затрепеталъ, лобъ мой покрылся морщинами и брови нахмурились ... Жена моя, хотя и не читывала Лафатера, но въ

четыре года замужества такъ успѣла всмотрѣться во всѣ черты лица моего, что по малѣйшему движенію умѣетъ узнавать сокровеннѣйшія мысли мои. Примѣтивъ, вѣроятно, что я готовлюсь противорѣчить ей, она подскочила ко мнѣ, и такъ нѣжно, такъ сладко поцаловала, что всѣ мои морщины, подобно тучамъ отъ дуновенія вѣтра, исчезли, и я приказалъ Трифону (который, если не хвастаетъ, знаетъ Петербургъ *и вдоль и поперегъ*) надѣть свою ливрею и съ занятокъ указывать кучеру дорогу.

Едва проѣхали мы нѣсколько саженъ по Невскому Проспекту, какъ жена моя вскричала:

— Ахъ! другъ мой! посмотри какая безподобная шляпка! Заѣдемъ, пожалуста!

— Что ты! въ умѣ ли? Развѣ позабыла, что мы не отслужили еще молебна!

— Другъ мой! ангелъ! — утѣшь меня. Ну, самъ посмотри, что за шляпка на мнѣ! Какъ я буду стоять въ Казанской! Я сгорю со стыда.

Она проговорила это съ такимъ жаромъ и такъ громко, что и проѣзжающіе и проходящія оглянулись на насъ. Боясь, дабы жена моя не заговорила *еще громче*, я поскорѣй приказалъ поворотить сани — и привезъ ее въ магазинъ.

— Что вамъ угодно? спросила насъ Француженка, не приподнявшись даже со стула своею. *Она вѣрно встрѣтила насъ по платью . . .*

— Вотъ эту шляпку, сказалъ я, указывая на ту, которая соблазнила жену мою.

— Подай! сказала Француженка одной изъ сидѣвшихъ за рукодѣльемъ *дѣвицъ*.

Шляпокъ было множество, и одна другой лучше.

Прежняя не обращала уже на себя вниманія. Ее поставили на свое мѣсто — и начался переборъ, который продолжался около часа. Сама мадамъ подошла на помощь — и, наконецъ, шляпка выбрана. Только я приготовился отсчитать 120 руб., какъ былъ остановленъ сими словами:

— Постой, другъ мой! я еще хочу взять этотъ *эшарпъ*.

— Не угодно ли, сударыня, спросила мадамъ съ чрезвычайною вѣжливостью, взять еще чего нибудь? У меня теперь очень много новостей изъ Парижа.

— Изъ Парижа? Ахъ, покажите, пожалуста!

И услужливая торговка начала выдвигать ящики и отпирать шкафы. Не болѣе какъ въ двѣ минуты столы были завалены: матеріи разныхъ сортовъ, платки, платочки, блонды, кружева — лежали въ самомъ соблазнительномъ безпорядкѣ.

Между тѣмъ какъ на лицѣ жены моей, у которой, какъ говорится *разбѣжались глаза*, было написано удовольствіе и радость, сердце мое билось такъ сильно ... такъ сильно ... какъ стѣнныя часы. Мнѣ весьма было досадно и на жену мою и на модную торговку. Я предчувствовалъ, что отъ прихотей первой и отъ услужливости другой бумажникъ мой можетъ истощиться. Разсудокъ безпрестанно твердилъ мнѣ: пора для собственнаго благополучія сдѣлать формальную ретираду; но природная моя застѣнчивость и боязнь — услышать отъ вѣжливой и услужливой мадамъ А. какое нибудь непріятное привѣтствіе, не позволили мнѣ воспользоваться добрымъ совѣтомъ его. Я безмолвствовалъ; торговка безумолку лепетала; дѣвушки, какъ угорѣлыя, бѣгали по

магазину съ модною дрянью, а жена моя съ жадностью пересматривала все. Наконецъ, выбравъ себѣ матеріи и на капотъ и на платья, съ длинными и короткими рукавами, два эшарпа, изъ коихъ одинъ *тру-тру*, блондъ и нѣсколько платочковъ, жена моя попросила все уложить въ кордонъ. Я заплатилъ пять-сотъ семдесятъ пять рублей — и мы отправились далѣе. Мадамъ А. проводила насъ до самыхъ дверей, отворила ихъ, и наговорила столько вѣжливостей, что самымъ мелкимъ письмомъ не упишешь и половины изъ оныхъ на цѣломъ листѣ. *Она вѣрно проводила насъ по покупкѣ.*

Только спустились мы съ Полицейскаго моста, какъ, взглянувъ на лѣво, жена моя опять вскричала:

— Ахъ, другъ мой! что мы сдѣлали? ... Стой, Федотъ!

Кучеръ остановился. Я перепугался и подумалъ, не позабыла ли она чего въ магазинѣ, или не оставилъ ли я въ немъ бумажника своего, въ которомъ было еще четыреста двадцать пять рублей, кромѣ пятнадцати рублей, особенно отложенныхъ для молебна. Я осмотрѣлся и удостовѣрился, что послѣдней бѣды еще не случилось.

— Что жъ сдѣлали мы и куда ты ведешь меня? спросилъ я у жены, которая, взявъ меня за руку, почти тащила на лѣстницу.

— *Ужасную глупость!* отвѣчала она.

— Какую же?

— Ту, что купили шляпку не въ этомъ магазинѣ. Я видѣла въ окошко одну такую, какой родясь еще не видывала.

— Сумасшедшая! ... вскричалъ я; — но двери

были уже отперты — и мы вошли. Жена моя и здѣсь принялась пересматривать и перебирать модныя вещи, *только что привезенныя изъ Парижа.* Мадамъ Б. услуживала еще ловче, нежели мадамъ А., и особенно умѣла прельстить одною шляпкою и модными часами съ золотою цѣпочкою. Я было рѣшился вооружиться всѣмъ моимъ хладнокровіемъ, не слушать ни какихъ просьбъ и убѣжденій, и тѣмъ сохранить бумажникъ свой отъ конечнаго разоренія; почему, принявъ рѣшительный видъ, сказалъ твердымъ голосомъ:

— Теперь у меня нѣтъ денегъ. Заѣдемъ завтра.

Но жена моя такъ нѣжно взглянула на меня, какъ еще ни разу не взглядывала — даже и въ самый день свадьбы нашей. Я растаялъ.... и спросилъ:

— Что стоютъ часы сіи и шляпка?

— *Ровно* пять-сотъ рублей.

— Не дорого ли?

— Помилуйте! *мы лишняго никогда не просимъ:* это весь городъ знаетъ! *мы никого не грабимъ.*

При сихъ словахъ мадамъ сдѣлала такой суровый видъ, какъ будто бы я обидѣлъ ее ужаснѣйшимъ образомъ. Что дѣлать? Потѣшу жену и удовлетворю мадамъ, подумалъ я — и, вынувъ бумажникъ, отдалъ послѣдніе изъ онаго четыреста сорокъ рублей, включая въ то число и пятнадцать, взятыхъ на молебенъ. Потомъ вынулъ я и кошелекъ, въ которомъ какъ будто нарочно было золота и серебра ровно на шестнадцать рублей. Расплатившись такимъ образомъ и простясь съ удовлетворенною Француженкою, сѣли мы въ сани.

— Куда же мы теперь поѣдемъ? спросилъ я у жены.

— Какъ — куда, другъ мой? а къ Казанской ... Ты развѣ позабылъ ...

— Да зачѣмъ? Вѣдь мы хотѣли молебенъ отслужить, а у меня, по милости твоей, не осталось теперь ни копейки. Что дѣлать? — поворачивай, Федотъ! Поѣдемъ домой.

Такимъ образомъ возвратились мы къ себѣ въ домъ, не только не отслуживъ молебна, но даже не видѣвъ Казанскаю Собора. Теперь я вотъ уже трои сутокъ безвыходно сижу дома. Боюсь выдти. Что мнѣ дѣлать, самъ не знаю! ... *Первый выѣздъ* стоилъ мнѣ тысячи семидесяти пяти рублей. Что если и *второй* и *третій* столько же будутъ стоить! Ѣхать вмѣстѣ съ женою — бѣда. Одну ее отпустить — и того опаснѣе. Самъ выѣхать — боюсь, ибо, судя по неотступнымъ просьбамъ жены, чтобы опять ѣхать *въ Казанскій Соборъ*, я подозрѣваю, что она снова умышляетъ навѣстить или мадамъ А., или мадамъ Б., или незнакомую еще мадамъ В., которую особенно рекомендавала женѣ моей двоюродная сестрица.

2.

ДРЕВНІЕ И НОВЫЕ.

— Что тутъ удивительнаго, сестрица? — *Люди всегда и вездѣ люди!* говорилъ нашъ уѣздный судья. *Люди всегда и вездѣ люди!* — Какъ это прекрасно сказано! ... Сіе изрѣченіе, конечно, принадлежитъ какому нибудь *древнему* мудрецу, который зналъ свѣтъ,

какъ Трифонъ Петербургъ — *и вдоль и поперегъ*. Готовъ биться объ закладъ, что *новые* не скажутъ такъ коротко и вмѣстѣ такъ ясно.

— Какъ же бы они сказали? спросила меня двоюродная сестра, которая нетерпитъ ничего *стараго*.

— Они вѣрно бы сказали: *Люди* и во времена Патріарховъ, и во времена Фараоновъ, и въ золотой вѣкъ Греціи, и въ славные дни Рима, т. е. *всегда*, и на Востокѣ, и на Западѣ, и на Сѣверѣ, и на Югѣ, т. е. *вездѣ*, были какъ и въ наше время — злы, лицемѣрны, низки, подлы, льстивы, глупы, жестоки, коварны, любопытны, невѣрны, слабы, несправедливы ... Но, сударыня, если я стану продолжать, то вѣрно и въ цѣлый часъ не кончу, ибо *новые* такъ плодовиты, такъ болтливы, что каждую мысль, которую бъ *древніе* выразили въ нѣсколькихъ словахъ, распространятъ, разукрасятъ, распестрятъ съ такимъ усердіемъ, что едва одная умѣстится и на двухъ страницахъ. Да и кому можетъ нравиться долгій періодъ? Онъ утомителенъ ...

— Воля ваша, сказала сестрица, думать какъ вамъ угодно; а мнѣ *новые* нравятся гораздо болѣе, нежели *древніе*.

Кто переспоритъ женщину, а особливъ такую, какъ моя сестрица? Что однажды возьметъ она себѣ въ голову, того уже ничѣмъ не вытѣснить изъ нее. Такъ, напримѣръ, она утверждаетъ и твердо стоитъ на томъ, что „Липецкія воды“ несравненно превосходнѣе „Недоросля“. Сколько я ни опровергалъ сіе странное мнѣніе, но никакъ не могъ оспорить онаго. Я говорилъ, что характеры въ „Липецкихъ водахъ“ невыдержаны; она напротивъ увѣряла, что они вы-

держаны и списаны еще съ натуры, и именно главное лицо есть настоящій портретъ княгини N...., съ которою сестрица не ладитъ. Когда сужденіемъ управляетъ ненависть и пристрастіе, можно ли тогда ожидать справедливости, подумалъ я, и — замолчалъ.

Можетъ быть нѣкоторые читатели полюбопытствуютъ узнать, къ чему сказалъ я сестрицѣ: *люди всегда и вездѣ люди?*

Вотъ въ чемъ все дѣло.

Сестрица, которой новости обѣихъ столицъ, и даже изъ нашей степной губерніи, сообщаются посредствомъ ея корреспондентовъ съ непостижимою скоростью, пріѣхала *удивить* меня и жену мою вѣстью, полученною ею изъ нашею уѣзднаю городка.

— Знаете ли вы госпожу Зефирину?

— Боже мой, какъ не знать! вскричала жена моя: — она первая красавица въ нашемъ уѣздѣ, и хотя, по бѣдности родителей своихъ, не имѣла за собою ничего, но по счастію вышла за одного, хотя и *стараго*, но богатаго и добраго человѣка, который женитьбою своею составилъ не только для нее, но и для всѣхъ родственниковъ ея счастіе, помогая имъ въ нуждахъ и воспитывая дѣтей ихъ на свой счетъ.

— Ну, такъ поздравте же благодѣтельнаго помѣщика: Зефирина бросила *старика* и бѣжала съ однимъ *молодымъ* драгунскимъ офицеромъ.

— Какая ужасная неблагодарность! вскричала жена моя, — и на лицѣ ея изобразилось негодованіе.

— Вотъ, братецъ, какіе *казусы* случаются нынѣ и у васъ въ степи.

— Что жь тутъ удивительнаго, сестрица, сказалъ я: — *люди всегда и вездѣ люди!*

III.

ЧУДАКЪ.

Угрюмовъ былъ странный человѣкъ. Онъ ненавидѣлъ женщинъ и, не вѣря добродѣтели ихъ, вездѣ поносилъ прекрасныхъ. За два года предъ симъ писалъ онъ къ другу своему:

„Представь себѣ: батюшка было вздумалъ меня женить и, не сказавъ мнѣ ни слова, повезъ къ Добронравову. На половинѣ дороги признался онъ, что ѣдетъ сватать за меня Лизу, старшую дочь сего стараго своего друга, сослуживца и сосѣда.

„— Но развѣ не знаете вы, что сынъ вашъ никогда не намѣренъ жениться, скасалъ я ему.

„— Почему? спросилъ онъ сурово.

„— Потому, что я ненавижу женщинъ.

„— Такой вздоръ и слушать я не хочу. Ты долженъ непремѣнно жениться, и жениться на Лизѣ, если не имѣешь въ виду другой дѣвицы.

„— Но, батюшка, мнѣ ни Луза, ни кто не нравится: вы сдѣлаете насъ несчастными.

„— И это вздоръ! Женись! — я тебѣ приказываю.

„Такъ рѣшительно батюшка никогда еще не говаривалъ мнѣ. Я заключилъ, что онъ рѣшился женить меня во что бы то ни стало. Между тѣмъ мы подъѣхали къ дому Добронравовыхъ. Входимъ — и застаемъ все семейство въ гостиной. Лиза имѣетъ видъ весьма привлекательный. Что, подумалъ я, если бы и душевныя ея качества соотвѣтствовали наружнымъ! Я бы могъ быть счастливымъ ... Но — мечта, мечта! И я, зная, что батюшка никогда не любитъ шутить, рѣшился открыться ей самой, что я не могу быть ея супругомъ. Избравъ удобный случай, когда старики удалились, я безъ дальнихъ околичностей объяснился съ нею. Она дала слово — отказать мнѣ, и исполнила оное. Теперь, слава Богу, я спокоенъ. Батюшка не тревожитъ меня — и я восхищаюсь, что такимъ образомъ избавился отъ ужаснаго несчастія — *быть женатымъ*.“

Шутливый другъ отвѣчалъ чудаку въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Съ боязнею за тебя читалъ я послѣднее письмо твое. Оно дышетъ ненавистью къ нѣжному полу ... Или ты забылъ, какая участь постигла смѣльчака Тирезія, дерзнувшаго только отдать преимущество мужскому полу предъ женскимъ (что онъ одинъ только и былъ въ состояніи справедливо сдѣлать, бывъ и мужчиною и женщиною). Юнона, мстя ему за сіе и, вѣроятно, за тѣмъ, дабы онъ впредь не видѣлъ недостатковъ пола ея, безчеловѣчно лишила его зрѣнія, котораго, конечно, не промѣнялъ бы онъ на даръ пророчества, коимъ за оказанную справедли-

вость надѣлилъ его царь боговъ и человѣковъ. Ревнуя ко благу друзей моихъ, поставляю себѣ за священную обязанность предостеречь тебя, дабы ты, говоря впредь о миломъ полѣ, былъ нѣсколько поосторожнѣе, если только не желаешь на самомъ себѣ испытать несчастіе Тирезія: тѣмъ вѣрнѣе, что Юноны нашего времени ни мало не снисходительнѣе и не хуже Юноны лѣтъ древнихъ. Красота многихъ изъ нихъ *ослѣпительна,* и если ты не надѣленъ отъ Гермеса, подобно Улису, чудесною травкою *моли,* предохраняющею отъ очарованія красоты, то будь увѣренъ, что никакія средства не спасутъ тебя отъ сѣтей какой-нибудь красавицы — слѣдственно и отъ ослѣпленія — даже непобѣдимое хладнокровіе того философа, надъ которымъ славная Лаиса, тщетно истощивъ всѣ средства обольстительнаго искусства гетеръ, сказала наконецъ, что она взялась прельстить *человѣка,* а не *статую.*

„Такъ, любезный другъ, я боюсь за тебя. Нѣжный полъ, тобою оскорбленный, будетъ непремѣнно отомщенъ.“

И представте: боязнь шутливаго друга была справедлива! По прошествіи года Лиза вышла за Ариста, друга Угрюмова. Посѣщая ихъ, чудакъ непримѣтно влюбился въ прежнюю свою невѣсту, и на опытѣ дознался, что и женщины могутъ быть добродѣтельными, ибо Лиза, не смотря на то, что сама пламенно полюбила Угрюмова, осталась вѣрною супругою Ариста, за котораго отдана была противъ желанія.

IV.

ЕЩЕ О ХРАБРОМЪ М. Г. БЕДРАГѢ. *)

Послѣ десяти-мѣсячнаго отсутствія возвратившись въ здѣшнюю столицу и прочитывая періодическія изданія, въ продолженія того времени вышедшія, съ великимъ удовольствіемъ нашолъ я во второй книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ слѣдующую статью:

Поправка сочинителемъ „Партизанскаго Дневника“ ошибки, найденной имъ въ выпискѣ, помѣщенной въ 1-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“.

„... Я никогда не командовалъ 1-мъ эскадрономъ, „а командовалъ 1-мъ батальономъ Ахтырскаго гусар„скаго полка: тогда гусарскіе полки состояли въ 10 „эскадронахъ и раздѣлялись на два батальона; 1-мъ „же эскадрономъ командовалъ ротмистръ (что нынѣ „л. г. Конно-Егерскаго полка полковникъ Михаилъ „Григорьевичъ Бедрага, высокой храбрости и дарованій

*) Письмо къ редактору „Отечественныхъ Записокъ“, П. П. Свиньину.

„офицеръ, изувѣченный на священной бородинской „битвѣ. Пользуясь вкравшейся *опечаткой*, я радъ, „что имѣю случай изъявить чувства мои товарищу, „столько же достойному уваженія на полѣ брани, „какъ и въ мирномъ уединеніи“, и проч.

Денисъ Давыдовъ.

Такимъ образомъ славный партизанъ нашъ, смѣю сказать, равно оригинальный и на войнѣ и въ стихотвореніяхъ своихъ, отдалъ предъ публикою должную справедливость храброму и отличному товарищу, подававшему о себѣ великую надежду всѣмъ тѣмъ, которые знали его ... Да позволено будетъ и мнѣ сказать объ немъ нѣсколько словъ, и тѣмъ принести ему должную благодарность отъ лица прежняго моего начальника, извѣстнаго въ артиллеріи своею ревностію и усердіемъ къ службѣ, полковника П. А. Сухозанета, а равно и отъ любезныхъ моихъ товарищей: капитана Н. А. Костомарова, командовавшаго въ корпусѣ гр. Витгенштейна, въ концѣ 1812 года, особеннымъ летучимъ отрядомъ, поручика барона Унгернъ-Штернберга, столь славно отличившагося при Гальберштатѣ въ отрядѣ храбраго Чернышева, и отъ прочихъ — за тѣ ласки и пріятныя бесѣды, коими пользовались мы въ домѣ гг. Бедрагъ въ продолженіи двухъ-лѣтняго пребыванія нашего съ конно-артиллерійскою ротою No. 12 въ селѣ Бѣлогорье, что въ Воронежской губерніи.

М. Г. Бедрага служилъ въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку почти съ самаго малолѣтства, вмѣстѣ съ младшими братьями своими Николаемъ и Сергѣемъ Григорьевичами. И во время мира и во врема войны

всѣ они почитались за отличнѣйшихъ офицеровъ, что можетъ засвидѣтельствовать Ахтырскій полкъ и прежній начальникъ онаго, командующій нынѣ гвардейскимъ корпусомъ генералъ-лейтенантъ Л. В. Васильчиковъ. М. Г. Бедрага въ чинѣ поручика до роковой раны своей командовалъ лейбъ-эскадрономъ и довелъ его до такой степени совершенства, что многіе гг. генералы и штабъ-офицеры, привлекаемые молвою, изъ за нѣсколька сотъ верстъ пріѣзжали смотрѣть оный. Будучи самыхъ высокихъ понятій о чести, и благороденъ чувствами и поступками, онъ умѣлъ вдохнуть и въ нижнихъ чиновъ духъ свой и любовь къ чести. Если кто нибудь изъ нихъ изобличенъ бывалъ въ какомъ либо постыдномъ дѣлѣ, то весь эскадронъ, какъ бы стыдясь имѣть такого товарища, чуждался его. Всегда постоянно строгій къ себѣ, онъ строгъ былъ и къ подчиненнымъ; но какъ строгость его никогда не выходила за предѣлы благоразумія и не обращалась въ жестокость, то онъ не только не заставлялъ роптать ихъ, но напротивъ вселялъ къ себѣ глубочайшее почтеніе и почти дѣтскую привязанность; такъ, что когда онъ былъ раненъ, эскадронъ, какъ бы приведенный въ ужасъ, замѣшался, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней, по увѣренію нѣкоторыхъ офицеровъ Ахтырскаго полка, находился въ примѣтномъ унынiи.

Эскадронъ его, не только на кантониръ квартирахъ, но даже и въ быстрыхъ переходахъ во время отечественной войны, *щеголялъ* чистотою и исправностью. Во время ужасовъ сраженія гусары его, какъ будто на ученьи, хранили глубокое молчаніе, строились въ примѣрномъ порядкѣ, подъ картечами

стояли неподвижно и, какъ бы *прикованные*, взоры свои не сводили съ начальника, на лицѣ коего блистало хладнокровіе и грозная храбрость. Въ бородинской битвѣ, сраженный пулею близъ самаго виска, онъ упалъ ... нѣсколько гусаровъ подскочили къ нему, дабы подать помощь. Отъ чрезмѣрной боли бывъ не въ состояніи ни слова сказать, но и въ сіе роковое мгновеніе думая единственно о пользѣ любезнаго отечества, онъ отвергъ услуги ихъ, указывая на непріятеля.

Сія то жестокая язва, лишивъ его возможности продолжать службу, для коей онъ, можно сказать, родился — лишила отечество одного изъ отличнѣйшихъ сыновъ его, армію — храбраго и искуснаго воина, офицеровъ — рѣдкаго умомъ и способностями товарища, подчиненныхъ — примѣрнаго начальника.

Теперь живетъ онъ, Воронежской губерніи въ селѣ Бѣлогорье, въ совершенномъ уединеніи. Тамъ-то имѣлъ я счастливый случай познакомиться съ нимъ и пріобрѣсть лестное для меня дружество.

Вотъ вамъ, почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ, нѣкоторыя черты храбраго воина. Если письма подобнаго содержанія имѣють мѣсто въ „Отечественныхъ Запискахъ“, то вы одолжите помѣщеніемъ въ нихъ сего.

С. Петербургъ.
Ноября 28 дня 1820.

Кондратій Рылѣевъ.

V.

ПИСЬМА К. РЫЛѢЕВА КЪ А. ПУШКИНУ.

1.

Рылѣевъ обнимаетъ Пушкина и поздравляетъ съ *Цыганами*. Они совершенно оправдали наше мнѣніе о твоемъ талантѣ. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русскія сердца. Я пишу къ тебѣ *ты*, потому что холодное *вы* не ложится подъ перо; надѣюсь, что имѣю на это право и по душѣ и по мыслямъ. Пущинъ познакомитъ насъ короче. Прощай, будь здоровъ и не лѣнись: ты около Пскова: тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы; настоящій край вдохновенія — и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы.

2.

Благодарю тебя, милый поэтъ, за отрывокъ изъ *Цыганъ* и за письмо: первый прелестенъ, второе мило.

Раздѣляю твое мнѣніе, что картины свѣтской жизни входятъ въ область поэзіи. Да если бъ и не входили, ты съ своимъ чертовскимъ дарованіемъ втолкнулъ бы ихъ насильно туда. Когда Бестужевъ писалъ къ тебѣ послѣднее письмо, я еще не читалъ вполнѣ первой пѣсни *Онѣгина*. Теперь я слышалъ всю: она прекрасна; ты схватилъ все, что только подобный предметъ представляетъ. Но *Онѣгинъ*, сужу по первой пѣсни, ниже и *Бахчисарайскаго Фонтана* и *Кавказскаго Плѣнника*. Не совсѣмъ правъ ты и во мнѣніи о Жуковскомъ. Неоспоримо, что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворной слогъ нашъ — и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не *за вліяніе его на духъ нашей словесности*, какъ пишешь ты. Къ несчастію вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. За чѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ. Это болѣе можетъ упрочить славу его. Съ твоими мыслями о Батюшковѣ я совершенно согласенъ: онъ точно заслуживаетъ уваженія и по таланту и по несчастію. Очень радъ, что *Войнаровскій* понравился тебѣ. Въ этомъ же родѣ я началъ *Наливайку* и составляю планъ для *Хмѣльницкаго*. Послѣдняго хочу сдѣлать въ 6 пѣсняхъ: иначе не все выскажешь. Сей часъ получено Бестужевымъ послѣднее письмо твое. Хорошо дѣлаешь, что хочешь поспѣшить изданіемъ

Цыганъ: всѣ шумятъ объ ней и всѣ ее ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Прощай чародѣй.

Рылѣевъ.

12 января.

3.

Извини, милый Пушкинъ, что долго не отвѣчалъ тебѣ; разныя непріятныя обстоятельства, то свои, то чужіе, были тому причиною. Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствій и самыхъ желаній нашихъ. Преимуществъ гражданскихъ не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни чему и не служатъ ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца, неумѣющаго цѣнить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдываетъ тебя, точно такъ, какъ она не въ состояніи уронить достоинства литератора и поставить его на одну доску съ камердинеромъ знатнаго барина. Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи; тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ. Мы опять собираемся съ *Полярною*. Она будетъ послѣдняя; такъ по крайней мѣрѣ мы рѣшились. Желаемъ распроститься съ публикою хорошо, и потому просимъ тебя подарить насъ чѣмъ нибудь подобнымъ твоему послѣднему намъ подарку. Тутъ объ тебѣ, Богъ вѣсть, какіе слухи: успокой друзей твоихъ хотя нѣсколькими строчками.

Прощай, будь здровъ и благоденствуй.

Твой Рылѣевъ.

На дняхъ будетъ напечатана въ *Сынѣ Отечества* моя статья о поэзіи; желаю узнать объ ней твои мысли.

4.

Благодарю тебя, милый чародѣй, за твои прямодушныя замѣчанія на *Войнаровскаго*. Ты во многомъ правъ совершенно; особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно истуканъ. Это важная ошибка; она вовлекла меня и въ другія. Вложивъ въ него вѣрноподданническія филлипики за нашего великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за *Войнаровскаго* для Бирюкова. Впрочемъ поправлять не намѣренъ; это ужасно несносно для такого лентяя, какъ я; лучше написать что нибудь новое. О *Думахъ* я уже сказалъ тебѣ свое мнѣніе. Бестужевъ собирается отвѣчать тебѣ — и, правда, ему есть объ чемъ поспорить съ тобой касательно мнѣній твоихъ объ его обозрѣніи. Главная ошибка твоя состоитъ въ томъ, что ты и ободреніе и покровительство принимаешь за одно и тоже. Что ободреніе необходимо не только для таланта, но даже для генія, я твердилъ Бестужеву еще до полученія твоего письма; но какое одобреніе. Полагаю, что характеръ и обстоятельства генія опредѣляютъ его. Можетъ быть Гомеръ сочинялъ свои рапсодіи изъ (за) куска хлѣба; Байрона подстрекало гоненіе и вражда съ родиной, Тасса — любовь, Петрарка также; иначе быть не можетъ, и покровительство въ состояніи оперить; но думаю, что оно скорѣй можетъ дѣйствовать отрицательно. Сила душевная слабѣетъ при дворахъ и геній чахнетъ; все дѣло добрыхъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснять генія; пусть онъ

производитъ свободно все, что внушаетъ ему вдохновеніе. Тогда не надобно ни пенсій, ни орденовъ, ни ключей камергерскихъ; тогда онъ не будетъ безъ денегъ, слѣдовательно безъ пропитанія; онъ тогда будетъ обезпеченъ. Геній же не много и требуетъ въ жизни. Тогда потерпятъ быть можетъ только одни самозванцы-геніи.

Прощай геній.

Твой Рылѣевъ.

Еще обнимаю тебя за твои примѣчанія. *Войнаровскаго* вышлю съ слѣдующею почтою.

Ты сдѣлался аристократомъ; это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ! Ты самъ по себѣ молодецъ.

5.

Письмо твое Бестужевъ получилъ, но не успѣлъ отвѣчать: его услали въ Москву провожать принца Оранскаго. Можетъ быть онъ напишетъ тебѣ оттуда. Здѣсь слышно, что Дельвигъ уже у тебя: правда ли? Въ субботу былъ я у Плетнева съ Кюхельбекеромъ и съ братомъ твоимъ. Левъ прочиталъ намъ нѣсколько новыхъ твоихъ стихотвореній. Онѣ прелестны; особенно отрывки изъ Алкорана. Страшный судъ ужасенъ! Стихи —

И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ —

превосходны. Послѣ прочитаны были твои *Цыгане*. Можешь себѣ представить, что сдѣлалось съ Кюхель-

бекеромъ. Что за прелестный человѣкъ этотъ Кюхельбекеръ. Какъ онъ любитъ тебя! *Какъ онъ молодъ и свѣжъ!* — *Цыганъ* слышалъ я четвертый разъ, и всегда съ новымъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подъискивался, чтобъ привязаться къ чему нибудь и нашелъ, что характеръ *Алеко* нѣсколько униженъ. За чѣмъ водитъ онъ медвѣдя и сбираетъ вольную дань. Не лучше ли бъ было сдѣлать его кузнецомъ? Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и зачѣмъ? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина; за тѣмъ, что желаю отъ него совершенства. На счетъ слога, кромѣ небрежнаго начала, мнѣ не нравится слово: *рекъ*. Кажется, оно несвойственно поэмѣ; оно принадлежитъ исключительно лирическому слогу. Вотъ все, что я *придумалъ*. Ахъ, если бы ты ко мнѣ былъ также строгъ: какъ бы я былъ благодаренъ тебѣ.

Прощай обни ...

А ты обними Дельвига.

Не пишешь ни слова о *Полярной Звѣздѣ?*

Ни Наливайко? Прощай — милая сирена.

Твой Рылѣевъ.

[Край бумаги оторванъ въ оригиналѣ.]

6.

Не знаю, что будетъ *Онѣгинъ* далѣе: быть можетъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ онъ будетъ одного достоинства съ *Донъ-Жуаномъ:* чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; но теперь онъ ниже *Бахчисарайскаго Фонтана* и *Кавказскаго Плѣнника*. Я готовъ спорить объ этомъ до втораго пришествія.

Мнѣніе Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэтъ, описавшій колоду картъ лучше, нежели другой деревья, не всегда выше своего соперника. У каждаго свой даръ, своя муза. Майкова *Елисей* прекрасенъ; но былъ ли бы онъ такимъ у Державина — не думаю, не смотря на превосходство таланта его передъ талантомъ Майкова. Державина *Маріамна* ни куда не годится. Слѣдуетъ ли изъ того, что онъ ниже Озерова?

Несогласенъ и на то, что *Онѣгинъ* выше *Бахчисарайскаго Фонтана* и *Кавказскаго Пленника*, какъ твореніе искусства. Сдѣлай милость не оправдывай софизмовъ *Воейковыхъ:* имъ только дозволительно ставить искусство выше вдохновенія. Ты на себя клеплешь и взводишь Богъ знаетъ что́.

Думаю что ты получилъ уже изъ Москвы *Войнаровскаго*. По нѣкоторымъ мѣстамъ ты догадаешся, что онъ нѣсколько ощипанъ. Дѣлать нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои *Думы*, не смотря на то я просилъ Пущина и ихъ переслать тебѣ. Чувствую самъ, что нѣкоторыя такъ слабы, что не слѣдовало бы ихъ и печатать въ полномъ собраніи. Но за то убѣжденъ душевно, что *Ермакъ*, *Матвѣевъ*, *Волынской*, *Годуновъ* и имъ подобное — хороши и могутъ быть полезны не для однихъ дѣтей. *Полярная Звѣзда* выйдетъ на будущей недѣлѣ. Кажется она будетъ лучше двухъ первыхъ. Увѣренъ заранѣе, что тебѣ понравится первая половина взгляда Бестужева на словесность нашу. Онъ въ первый разъ судитъ такъ основательно и такъ глубокомысленно. Скоро ли ты начнешь печатать *Цыганъ?*

Марта 10 дня. Рылѣевъ.

Чуть не забылъ о концѣ твоего письма. Ты великій льстецъ — вотъ все, что могу сказать тебѣ на твое мнѣніе о моихъ поэмахъ. Ты завсегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ. Что Дельвигъ? Не у тебя ли онъ? Здѣсь говорятъ, что онъ опасно заболѣлъ.

7.

Спѣшимъ доставить тебѣ *Звѣзду*. Увѣрены, что она понравится Пушкину, и заранѣе радуемся этому. Она здѣсь всѣмъ пришлась по сердцу. Это хоть не совсѣмъ хорошій знакъ; но увѣрены, что въ ней есть довольно и такихъ пьэсъ, которыхъ похвалить не откажутся и истинные цѣнители произведеній нашего *Парнаса*. Мы много одолжены нашимъ добрымъ поэтамъ и прозаикамъ за доставленныя пьэсы, но какъ благодарить тебя, милый поэтъ, за твои безцѣнные подарки нашей *Звѣздѣ*? Отъ *Цыганъ* всѣ безъ ума, *Разбойникамъ*, хотя и давнишнимъ знакомцамъ, также чрезвычайно обрадовались. Теперь для *Звѣздочки* стыдимся и просить у тебя что нибудь; такъ ты надѣлилъ насъ. На послѣднее письмо я еще не получалъ отъ тебя отвѣта. Ужъ не сердишься ли за откровенность мою? Это кажется тебѣ не въ пору; ты выше этого. Что Дельвигъ? По слухамъ онъ долженъ быть у тебя. Радуюсь его выздоровленію и свиданію вашему. Съ нетерпѣніемъ жду его, чтобъ выслушать его мнѣніе объ остальныхъ пѣсняхъ твоего *Онѣгина*. Не пишешь ли ты еще чего? что твои записки? чѣмъ ты занимаешся въ праздное время? Мы съ Бестужевымъ намѣре-

ваемся лѣтомъ провѣдать тебя: будетъ ли это кстати? Вотъ тебѣ нѣсколько вопросовъ, на которые буду ожидать отвѣта.

Твой Рыѣевъ.

Марта 25 дня 1825.

8.

Дельвигъ пересказалъ мнѣ замѣчанія твои о *Думахъ* и *Войнаровскомъ*. Хочется поспорить, особливо о послѣднемъ, но удерживаюсь до поры: жду мнѣнія твоего на письмѣ и жду съ нетерпѣніемъ. Ты ни слова не говоришь о *Исповѣди Наливайки*, а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели смертью *Чигиринскаго* старосты, которая такъ тебѣ понравилась. Въ *Исповѣди* — мысли, чувства, истина; словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удальства *Наливайки*, хотя, на оборотъ, въ удальствѣ болѣе дѣла. Ты правъ, опасаясь, что *Звѣздочка* отниметъ у меня много времени. Петербургъ тошенъ для меня; онъ студитъ вдохновеніе: душа рвется въ степи; тамъ ей пространѣе, тамъ только могу я сдѣлать что либо, достойное вѣка нашего; но, какъ бы на зло, желѣзныя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу. Ты обѣщаешь также поспорить съ Бестужевымъ за обозрѣніе, обѣщалъ прислать свое опроверженіе на Байрона и Бовля — и вѣрно все это отложишь въ длинный ящикъ. Слышалъ отъ Дельвига и о слѣдующихъ пѣсняхъ *Онѣгина*, но по изустнымъ разсказамъ судить не могу. Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ *Донъ Жуана!* Сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски! Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ

тутъ и выше пороковъ и выше добродѣтелей. Пушкинъ! ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій и ты опередишь его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но, ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бъ ты зналъ какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе!

Прощай чудотворецъ.

Рылѣевъ.

Мая 12 дня 1825.

Бестужевъ еще въ Москвѣ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ РЫЛѢЕВА.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ О
СОЧИНЕНІЯХЪ РЫЛЬЕВА

I.

ПОЛНЫЙ СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ РЫЛѢЕВА, НАПЕЧАТАННЫХЪ СЪ 1820 ПО 1861 ГОДЪ.

1820.

Къ временщику. *Подражаніе персіевой сатирѣ „Къ Рубеллію“.* („Невскій Зритель“, 1820, ч. IV, октябрь, стр. 26—28.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ (1859, кн. V, стр. 4—5).

Къ другу. („Невскій Зритель“, 1820, ч. IV, ноябрь, стр. 141—142.) Подписано: *К. Р—въ.*

Къ Дели. (Тамъ же, декабрь, стр. 207—208.) Подписано: *К. Р—въ.*

Трiолетъ Наташѣ. (Тамъ же, стр. 212.) Подписано: *К. Р—въ.*

Эпиграмма. („Благонамѣренный“, ч. IX, No. 5, стр. 334.) Подписано: *К. Р—въ.*

Надпись *къ портрету одного стараго воина, умершаго отъ кровопусканія.* (Тамъ же, стр. 335.) Подписано: *К. Рылѣевъ.*

Романсъ. (Тамъ же, No. 6, стр. 415—416.) Подписано: *К. Р—въ.*

Къ Дели. *Подражаніе Тибуллу.* (Тамъ же, ч. XI, No. 13, стр. 50—52.) Подписано: *К. Рылѣевъ. Острогожскъ.*

Эпиграмма. (Тамъ же, стр. 54.) Подписано: *К. Р—въ. Острогожскъ.*

Шарада. (Тамъ же, ч. XII, No. 23 и 24, стр. 372—373.) Подписано: *К. Р—въ.*

Еще о храбромъ М. Г. Бедрагѣ. („Отечественныя Записки", 1820, ч. IV, No. 8, стр. 284—289.) Подписано: *Кондратій Рылѣевъ. С. Петербургъ, ноября 28 дня 1820.* Письмо къ редактору.

1821.

Заблужденіе. („Невскій Зритель", 1821, ч. V, январь, стр. 37.) Подписано: *К. Рылѣевъ.*

Провинціалъ въ Петербургѣ. *Первый выѣздъ. Магазины.* (Тамъ же, стр. 48—55.) Прозаическая статья. Подписано: *К. Р—въ.*

Жестокой. (Тамъ же, февраль, стр. 147—148.) Подписано: *К. Рылѣевъ.*

Древніе и новые. *Изъ „Провинціала въ Провинціи".* (Тамъ же, стр. 156—159.) Статья въ прозѣ. Безъ означенія имени автора.

Чудакъ. (Тамъ же, стр. 160—163.) Статья въ прозѣ. Подписано: *К. Р—въ.*

Курбскій. Элегія. („Сынъ Отечества", 1821, ч. 71, No. 29, стр. 129—131.) Подписано: *К. Рылѣевъ. Острогожскъ, іюня 20, 1821.* Перепечатана безъ измѣненія въ „Думахъ". (1825, стр. 85—89).

Святополкъ. („Сынъ Отечества“, 1821, ч. 74, No. 47, стр. 33—35.) Подписано: *К. Рылѣевъ*. Перепечатано въ „Думахъ“ (1825, стр. 23—26).

Варіантъ.

Послѣднія четыре стиха въ „Сынѣ Отечества“ читаются такъ:

„Вотъ въ мірѣ до чего людей
Доводятъ гибельныя страсти!
Навѣрно будетъ тотъ злодѣй,
Кто не содержитъ ихъ въ власти!“

Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу. *Подражаніе VII-му посланію Депрео.* („Сынъ Отечества“, 1821, ч. 74, No. 50, стр. 175—178.) Подписано: *К. Рылѣевъ*.

Надгробная надпись. *Пр. Тих. Чир—ной.* („Соревнователь Просвѣщенія“, 1821, ч. XVI, No. 10, стр. 86.) Подписано: *К. Рылѣевъ*.

Пустыня. (Тамъ же, No. 12, стр. 337—347.) Подписано: *К. Рылѣевъ*. Посланіе это было напечатано здѣсь безъ конца, т. е. по стихъ: „Опять подъ часъ въ прихожей ...“ Остальные 33 стиха взяты нами изъ бумагъ, оставшихся послѣ Рылѣева, и появляются здѣсь *въ первый разъ*.

1822.

Смерть Ермака. („Русскій Инвалидъ“, 1822, No. 14, стр. 55—56.) Подписано: *Рылѣевъ*. Въ выноскѣ подъ стихотвореніемъ слѣдующее примѣчаніе редактора (Воейкова): „Сочиненіе молодого поэта, „еще мало извѣстнаго, но который скоро станетъ рядомъ съ старыми и славными.“ Перепечатано,

безъ перемѣны, въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“ (1822, ч. XVIII, No. 4, стр. 100—103) и въ „Думахъ“ (1825, стр. 91—99).

Артамонъ Матвѣевъ. *Дума.* („Русскій Инвалидъ“, 1822, No. 35, стр. 140.) Подписано: *К. Р—въ.* Перепечатано въ „Думахъ“ (1825, стр. 135—142), безъ перемѣны.

Богданъ Хмѣльницкій. („Русскій Инвалидъ“, 1822, No. 54, стр. 215—216). Стихотвореніе это напечатано здѣсь съ первоначальнаго списка, и потому значительно разнится отъ текста, напечатаннаго въ „Думахъ“. Именно: 2, 7 и 8 строки первой строфы въ „Русскомъ Инвалидѣ“ читаются такъ:

Куда *лишь въ полдень* проникалъ ...
Въ немъ мрачныя *рождались* думы
И *отражались* на челѣ.

Затѣмъ четырехъ послѣднихъ стиховъ четвертой строфы и четырехъ первыхъ пятой — вовсе нѣтъ. Въ шестой строфѣ седьмой стихъ читается такъ:

Углубился съ думой сей ...

Въ седьмой строфѣ недостаетъ послѣднихъ четырехъ стиховъ, а 2-я и 4-я строки читаются такъ:

Дверь отворилась, заскрипѣвъ ...
Жена младая, оробѣвъ ...

Въ 8-й строфѣ недостаетъ первыхъ четырехъ стиховъ, а пятый — читается такъ:

„*Бѣги отсель*“, произноситъ ...

Девятой строфы — вовсе нѣтъ. Въ десятой строфѣ стихи 1, 2, 5 и 7 читаются такъ:

„Вотъ мечъ! ...“ „Мой мечъ!“ онъ восклицаетъ:
„Живъ Богъ! ... *Страшися врагъ*-злодѣй ...
Луна долину серебрила ...
У рощи, опьянѣвъ удила ...

Въ послѣдней строфѣ стихи 6 и 8 читаются такъ:

За то, что край отчизны спасъ ...
Народа прозвалъ общій гласъ.

Въ исправленномъ видѣ стихотвореніе это было напечатано въ „Сынѣ Отечества“ (1822, ч. 78, No. 23, стр. 130—134), причемъ въ выноскѣ было помѣщено слѣдующее примѣчаніе издателя: „Авторъ сего стихотворенія проситъ насъ увѣдо„мить читателей С. О., что оно напечатано въ „Русскомъ Инвалидѣ безъ его вѣдома и съ не„вѣрнаго списка“. Отсюда „Богданъ Хмѣльницкій“ былъ перепечатанъ безъ перемѣны въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“ (1822, ч. XVIII, No. 6, стр. 342—345) и въ „Думахъ“ (1825, стр. 127—134).

Святославъ. *Дума.* („Соревнователь Просвѣщенія“, 1822, ч. XIX, No. 7, стр. 79—83.) Подписано: *К. Р—въ.* Перепечатана, безъ перемѣны, въ „Новостяхъ Литературы“ (1822, ч. I, No. 4, стр. 61—64), съ подписью: *Рылѣевъ*, и въ „Думахъ“ (1825, стр. 15—21).

Глинскій. *Дума.* („Соревнователь Просвѣщенія“, 1822, ч. XIX, No. 9, стр. 314—321.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатана въ „Новостяхъ Литературы“ (1822, ч. II, No. 14, стр. 11—16), съ слѣдующимъ примѣчаніемъ автора, не вошедшимъ въ полное собраніе „Думъ“, гдѣ она была перепечатана

безъ перемѣны (стр. 73—84): „Болѣе неудачное „подражаніе, нежели переводъ прекрасной думы „Юліана *Нѣмцевича*. *Глинскій*, по вліянію своему „на дѣла Россіи и Польши, равно принадлежитъ „исторіи обоихъ государствъ. Измѣна его отечеству и гибельный конецъ весьма поучительны. „Это побудило меня сію пьесу *Нѣмцевича* присовокупить къ собранію думъ, которое дѣлаю я, „избирая предметы изъ отечественной исторіи.“ Перепечатана въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 95—101).

Димитрій Самозванецъ. *Дума*. („Новости Литературы“, 1822, ч. I, No. 2, стр. 28—31.) Подписано: *Рылѣевъ*. Въ выноскѣ подъ стихотвореніемъ помѣщено слѣдующее примѣчаніе сочинителя, не вошедшее въ полное собраніе „Думъ“, гдѣ оно было перепечатано безъ перемѣны (стр. 109—115): „Многіе неблагонамѣренные иностранные писатели „усиливались доказать, что *Самозванецъ* былъ истинный *Димитрій* — сынъ царя *Іоанна Васильевича* „Грознаго; но знаменитый исторіографъ нашъ блистательно опровергъ ихъ умышленное сомнѣніе. „*Г. Карамзинъ* ясно доказываетъ (въ X томѣ „«Исторіи Государства Россійскаго», который, „къ славѣ отечества, вѣроятно выйдетъ въ концѣ „нынѣшняго года) изъ Лѣтописей, современныхъ „дѣловыхъ бумагъ и переписокъ, что *Самозванецъ* „— былъ *Самозванецъ* и что *истинный Димитрій*-царевичъ убіенъ въ Угличѣ.“ Перепечатана въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 90—94).

Олегъ Вѣщій. („Новости Литературы“, 1822, ч. I, No. 11, стр. 171—173.) Подписано: *К. Рылѣевъ*.

Перепечатано, безъ перемѣны, въ „Думахъ“ (1825, стр. 1—6).

Ольга при могилѣ Игоря. *Дума.* („Новости Литературы“, 1822, ч. I, No. 12, стр. 187—190.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатана, безъ перемѣны, въ „Думахъ“ (1825, стр. 7—13).

Волынскій. *Дума.* („Новости Литературы“, 1822, ч. II, No. 16, стр. 42—45.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатана, безъ перемѣны, въ „Думахъ“ (1825, стр. 149—156), и въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 81—85).

Михаилъ Тверской. *Дума.* („Новости Литературы“, 1822, ч. II, No. 19, стр. 93—96.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатана, безъ измѣненія, въ „Сынѣ Отечества“ (1824, ч. 96, No. 39, стр. 277—280) и въ „Думахъ“ (1825, стр. 57—63).

Димитрій Донской. *Дума.* („Сынъ Отечества“, 1822, ч. 80, No. 40, стр. 315—317.) Подписано: *К. Рылѣевъ.* Перепечатана, безъ перемѣны, въ „Думахъ“ (1825, стр. 65—71).

Державинъ. *Дума.* („Сынъ Отечества“, 1822, ч. 82, No. 47, стр. 31—35.) Подписано: *К. Рылѣевъ.* Перепечатана, безъ перемѣны, въ „Думахъ“ (1825, стр. 165—172).

Боянъ. *Дума.* („Соревнователь Просвѣщенія“, 1822, ч. XVII, No. 3, стр. 330—333.) Подписано: *К. Рылѣевъ.* Перепечатана, безъ перемѣны, въ „Думахъ“ (1825, стр. 45—49).

1823.

Рогнѣда. *Повѣсть.* („Полярная Звѣзда“, 1823, стр. 45—56.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатана въ „Думахъ“ (1825, стр. 27—44).

Борисъ Годуновъ. *Дума.* („Полярная Звѣзда", 1823, стр. 176—180.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатана въ „Думахъ" (1825, стр. 101—107) и въ „Русской Библіотекѣ" (1858, т. I, стр. 86—89).

Мстиславъ Удалой. („Полярная Звѣзда", 1823, стр. 282—284.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатано въ „Думахъ" (1825, стр. 51—56).

Иванъ Сусанинъ. *Дума.* („Полярная Звѣзда", 1823, стр. 370—374.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатана въ „Думахъ" (1825, стр. 117—125).

Видѣніе. *Ода на день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года.* („Литературныя Листки", 1823, No. 3, стр. 39—40). Безъ означенія имена сочинителя. Чтобы получить одобрѣнія цензора для напечатанія этаго стихотворенія въ „Литературныхъ Листкахъ", издаваемыхъ въ 1823 году Булгаринымъ, при его журналѣ „Сѣверный Архивъ", къ нему присовокуплены были найглупѣйшія примѣчанія издателя. Цензоръ дѣйствительно попалъ въ просакъ — и стихотвореніе разнеслось по всей Россіи. Перепечатано, безъ измѣненія, въ „Полярной Звѣздѣ" (1859, кн. V, стр. 1—3). Кромѣ того строфы 7 и 8 были перепечатаны въ 2-ой книжкѣ того же изданія (стр. 30) и въ „Русской Библіотекѣ" (1858, т. I, стр. 116).

Наталья Долгорукова. *Дума.* („Новости Литературы", 1823, ч. V, No. 30, стр. 61—64). Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатана, безъ измѣненія, въ „Думахъ" (1825, стр. 157—163).

Петръ Великій въ Острогожскѣ. *Дума.* („Соревнователь Просвѣщенія", 1823, ч. XXI, No. 3, стр. 287

—290.) Безъ означенія имени автора. Перепечатана, безъ перемѣны, въ „Думахъ“ (1825, стр. 143—148).

1824.

Юность Войнаровскаго. *Отрывокъ изъ поэмы: „Войнаровскій“.* („Полярная Звѣзда“, 1824, стр. 82—86.) Подписано: *Рылѣевъ.*

Отъ стиха:

Врагъ хищныхъ Крымцевъ, врагъ Поляковъ ...

До стиха:

И въ милой дѣвѣ запылала ...

Перепечатанъ въ „Войнаровскомъ“ (1825, стр. 15—20).

Бѣгство Мазепы. *Отрывокъ изъ поэмы: „Войнаровскій.“* („Полярная Звѣзда“, 1824, стр. 230—233.) Подписано: *Рылѣевъ.*

Отъ стиха:

Полтавскій громъ загрохотилъ ...

До стиха:

И въ плащъ широкій завернулся.

Перепечатанъ въ „Войнаровскомъ“ (1825, стр. 29—32).

Якутскъ. Изъ поэмы: „Войнаровскій“. („Сынъ Отечества“, 1824, ч. 91, No. 3, стр. 130—132.) Подписано: *Рылѣевъ.*

Начало поэмы до стиха:

Чело злодѣя прояснить.

Перепечатано въ „Войнаровскомъ“ (1825, стр. 1—3).

Смерть Войнаровскаго. *Отрывокъ изъ поэмы.* („Соревнователь Просвѣщенія", 1824, ч. XXV, No. 3, стр. 255—257.) Подписано: *Рылѣевъ.*

Конецъ поэмы, начиная со стиха:

Въ пустынѣ странникъ просвѣщенный ...

Перепечатано въ „Войнаровскомъ" (1825, стр. 48—50).

1825.

Смерть чигиринскаго старосты. *Отрывокъ изъ поэмы: „Наливайко."* („Полярная Звѣзда", 1825, стр. 30—31.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатано въ „Русской Библіотекѣ" (1858, т. I, стр. 106—107.)

Стансы. *Къ А. Б—ву.* („Полярная Звѣзда", 1825, стр. 115—116.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатано въ „Русской Библіотекѣ" (1858, т. I, стр. 113—114).

Кіевъ. *Отрывокъ изъ поэмы: „Наливайко".* („Полярная Звѣзда", 1825, стр. 185—186.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатано въ „Русской Библіотекѣ" (1858, т. I, стр. 102—103).

Исповѣдь Наливайки. *Отрывокъ изъ поэмы.* („Полярная Звѣзда", 1825, стр. 370—372.) Подписано: *Рылѣевъ.* Перепечатано въ „Русской Библіотекѣ" (1858, т. I, стр. 104—106).

Гайдамакъ. *Отрывокъ.* („Соревнователь Просвѣщенія, 1825, ч. XXX, No. 4, стр. 97—104.) Подписано: *Рылѣевъ.*

Палѣй. *Отрывокъ изъ новой поэмы.* („Сѣверная Пчела", 1825, No. 2, послѣдняя страница No.) Подписано: *К. Рылѣевъ.*

Вѣрѣ Николаевнѣ Столыпиной. (Тамъ же, No. 57, послѣдняя страница No.) Подписано: *Р.*

Нѣсколько мыслей о поэзіи. („Сынъ Отечества“, 1825, ч. 104, No. 22, стр. 145—154.) Статья въ прозѣ. Подписано: *Рылѣевъ*.

Думы, *стихотворенія К. Рылѣева. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1825.* (Въ малую 8-го долю листа.) Страницъ I—X и 1—172. Въ началѣ посвященіе: *Его высокопревосходительству Николаю Семеновичу Мордвинову съ глубочайшимъ уваженіемъ посвящаетъ сочинитель.* Содержаніе: Предисловіе (стр. V—VIII) и 21 дума (стр. 1—172): *Олегъ Вѣщій, Ольга при могилѣ Игоря, Святославъ, Святополкъ, Рогнѣда, Боянъ, Мстиславъ Удалой, Михаилъ Тверской, Димитрій Донской, Глинскій, Курбскій, Смерть Ермака, Борисъ Годуновъ, Димитрій Самозванецъ, Иванъ Сусанинъ, Богданъ Хмѣльницкій, Артамонъ Матвѣевъ, Петръ Великій въ Острогожскѣ, Волынскій, Наталья Долгорукова и Державинъ.*

Войнаровскій. *Сочиненіе К. Рылѣева. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1825.* (Въ 8-го д. л.) Страницъ I—XXIV и 1—64. Содержаніе: Посвященіе *А. А. Бестужеву* (стр. III), Предисловіе (стр. V), *Жизнеописаніе Мазепы*, составленное А. Корниловичемъ (стр. VII—XVII), *Жизнеописаніе Войнаровскаго*, составленное А. Бестужевымъ (стр. XVIII—XXIV), части первая и вторая поэмы „Войнаровскій“ (стр. 1—50) и примѣчанія (стр. 51—64). Изданіе сдѣлано весьма небрежно: искажены нѣкоторые стихи, примѣчанія къ первой части перепутаны (начиная съ 6-го) и частью

пропущены (прим. 11, 19, 20, 21, 22 и 23), а къ второй — вовсе не сдѣланы, не смотря на то, что въ текстѣ находится *одиннадцать* ссылокъ, къ стихамъ:

Морозъ стрѣлялъ съ глуши дубравы . . .
Едва на *окна ледяныя* . . .
Для пользы родины моей . . .
Теперь — *и брань и поношенье* . . .
Когда бъ *онъ сталъ врагомъ народу* . . .
Отчизну мнѣ напоминая . . .
Тутъ въ *страшный* недугъ гетманъ впалъ . . .
Онъ погубить хотѣлъ народъ . . .
Не раздѣлять со мной страданье . . .
Его на быстрой *нартѣ* мчалъ . . .

Видно, что въ это время (въ 1825 году) Рылѣеву было не до изданія, которое, сверхъ того, печаталось въ Москвѣ, слѣдовательно за глаза. Къ изданію были присовокуплены по требованію цензора: предисловіе и нѣсколько примѣчаній, помѣщенныхъ особо, подъ текстомъ, и заключенья въ ковычки, или, какъ въ то время говорили, — *чужесловіи*.

1856.

Гражданинъ. („Полярная Звѣзда“, 1856, кн. II. стр. 26.) Перепечатано въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 115). Стихотвореніе это написано незадолго до 14-го декабря 1825 года, и должно считаться послѣднимъ, написаннымъ Рылѣевымъ на свободѣ. Автографъ находится въ бумагахъ покойнаго И. И. Пущина.

Гражданское мужество. („Полярная Звѣзда“, 1856,

кн. II, стр. 27—29.) Перепечатано въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 108—112).

1857.

Войнаровскій. *Поэма К. Рылѣева. Берлинъ. Въ типографіи К. Шульце. 1857.* (Въ малую осьмушку.)

Тоже. *Изданіе второе. Берлинъ. Въ типографіи Тровича и сына. 1857.* (Въ 8-го д. л.)

Стихотворенія К. Рылѣева. *Берлинъ. Въ типографіи К. Шульца. 1857.* (Въ 8-го д. л.) Содержаніе: *Волынскій, Борисъ Годуновъ, Димитрій Самозванецъ, Глинскій, Отрывки изъ поэмы „Наливайко“, Гражданское мужество* и *Стансы.*

1858.

Тоже. *Второе изданіе, пополненное. Берлинъ. Въ типографіи Карла Шульце. 1858.* (Въ 8-го д. л.) Перепечатано съ предъидущаго изданія, съ присовокупленіемъ стихотворенія *Гражданинъ* и *Двухъ строфъ изъ оды великому князю Александру Николаевичу.*

1859.

Думы. *К. Рылѣева. Берлинъ. Въ типографіи Г. Пеца, въ Наумбургѣ. 1859.* (Въ 8-го д. л.) Здѣсь напечатаны всѣ „Думы“, но не въ порядкѣ, безъ предисловія и примѣчаній.

Видѣніе Анны Іоанновны. („Полярная Звѣзда“, 1859, кн. V, стр. 6—8.)

Ахъ, гдѣ тѣ острова ... (Тамъ же, стр. 9—10.) Послѣднія двѣнадцать строкъ были напечатаны Пушкинымъ въ видѣ эпиграфа къ первой главѣ его „Пиковой Дамы“. („Сочиненія Пушкина“, изд. 1859 г., т. IV, стр. 559.)

Пѣсня. („Полярная Звѣзда“, 1859, кн. V, стр. 11.)

Пѣсня. (Тамъ же, стр. 12.) Послѣднія три стихотворенія написаны Рылѣевымъ вмѣстѣ съ А. Бестужевымъ.

Свободы гордой вдохновенье ... (Тамъ же, стр. 37.) Только тамъ стихотвореніе это, по ошибкѣ, приписано Языкову.

1860.

Думы. *Стихотворенія К. Рылѣева. Съ предисловіемъ Н. Огарева. Изданіе Искандера. Лондонъ. Въ типографіи Свентославскаго. 1860.* (Въ 32-ю д. л.) Подстрочная перепечатка съ изданія 1825 года, съ присовокупленіемъ *Видѣнія Анны Іоанновны*, непропущеннаго въ первомъ изданіи цензурою, *Предисловія* и стихотворенія *Памяти Рылѣева* — Огарева и подлинника и прозаическаго перевода стихотворенія Мицкевича: *Къ русскимъ друзьямъ.*

Сочиненія К. Рылѣева. *Берлинъ. Въ типографіи Г. Петца, въ Наумбургѣ. 1860.* (Въ 8-го д. л.) Содержаніе: *Думы, Войнаровскій* (какъ то, такъ и другое безъ предисловія и примѣчаній, помѣщенныхъ въ изданіяхъ 1825 года), *Гражданинъ, Гражданское мужество, Видѣніе, Къ временщику, Видѣніе Анны Іоанновны, Ахъ, гдѣ тѣ*

острова, 2 пѣсни, *Отрывки изъ поэмы „Наливайко“* и *Стансы*.

1861.

Элегія. *„Исполнились мои желанья . . .“* („Русское Слово“, 1861, No. 4, отд. I, стр. 42.) Подписано: *К. Р—въ*.

Элегія. *„Покинь меня, мой юный другъ . . .“* (Тамъ же, стр. 50.) Подписано: *К. Р—въ*. Оба стихотворенія принадлежатъ къ послѣднимъ годамъ литературной дѣятельности Рылѣева: именно, судя по почерку, онѣ написаны въ 1824 или 25 году, а по внутреннему своему достоинству и по отдѣлкѣ стиха подходятъ къ его знаменитымъ „Стансамъ“ *(Не сбылись, мой другъ, пророчества . . .)*

Письма К. Рылѣева къ А. Пушкину. („Полярная Звѣзда“, 1861, стр. 33—40.) Списаны съ копіи, находящейся у С. Д. П. и сдѣланной симъ послѣднимъ съ самаго оригинала. С. Д. П. нѣсколько разъ просилъ у Пушкина этихъ писемъ для того, чтобы списать ихъ. Пушкинъ все отказывался, обѣщаясь подарить ему самыя письма. Разъ за игрою П. ставилъ 1,000 р. асс. и предлагалъ Пушкину противъ этой суммы поставить письма Рылѣева. Въ первую минуту Пушкинъ было согласился, но тотчасъ же опомнился, воскликнувъ: „Какая гадость! проиграть письма Рылѣева въ банкъ! Я подарю вамъ ихъ!“ Но Пушкинъ все откладывалъ исполненіе своего обѣщанія, такъ что П. рѣшился какъ то перехватить ихъ у него и списать. Послѣ этого Пушкинъ все еще не отступался отъ

намѣренія подарить ихъ ему, но, какъ говоритъ П., вѣроятно все забывалъ.

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ ... („Будущность“, 1861, No. 10 и 11, стр. 82.)

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой ... (Тамъ же.)

Письмо Рылѣева къ князю Е. П. Оболенскому. (Тамъ же.)

Письмо Рылѣева къ женѣ. (Тамъ же, стр. 83.)

II.

СПИСОКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ РЫЛѢЕВА, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ЗДѢСЬ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ ПЕЧАТИ.

---

1. Отрывокъ изъ „Путешествія на Парнасъ“.
2. Къ К — му. (Отрывокъ).
3. Къ N. N.
4. Повѣрь, я знаю ужь, Дорида ...

Эти четыре стихотворенія извлечены изъ бумагъ покойнаго Рылѣева, оставшихся у его дочери, и никогда напечатаны не были. Первые два — есть отрывки довольно большихъ стихотвореній весьма слабыхъ, какъ по содержанію такъ и по исполненію, почему мы и не печатаемъ ихъ вполнѣ. Третіе стихотвореніе („Къ N. N.“) написано въ 1824 году, слѣдовательно въ лучшую пору литературной дѣятельности поэта-гражданина. Послѣднее же стихотвореніе *(Повѣрь, я знаю ужь, Дорида ...)*, года котораго опредѣлить невозможно, замѣчательно только въ томъ отношеніи,

что содержаніе его одинаково съ содержаніемъ извѣстнаго посланія Пушкина „Къ Лиденькѣ“ („Платонизмъ“), которое, какъ и пьеса Рылѣева, есть вольный переводъ изъ Парни.

5. Краса природы, совершенство! ...

Когда стихотвореніе это написано — положительно неизвѣстно; но, судя по стиху, оно должно относиться къ послѣднимъ годамъ его литературной дѣятельности. Въ разныхъ рукописныхъ сборникахъ встрѣчаются варіанты; напримѣръ:

Стихъ 7. Что мнѣ снаряды боевые?
Варіантъ. Несутъ доспѣхи боевые ...
Стихъ 15. Пусть смерть грозою въ очи взглянетъ ...
Варіантъ. Пускай смерть грозно въ очи взглянетъ ...

Кромѣ того въ некоторыхъ спискахъ вовсе не-находится стиховъ 21—28.

6. Посланіе къ друзьямъ.

Писано въ казематахъ Петропавловской крѣпости, въ началѣ 1826 года.

7. Тюрьма мнѣ въ честь — не въ укоризну ...

Написано въ Алексѣевскомъ равелинѣ, также въ началѣ 1826 года, гвоздемъ на оборотѣ одной изъ оловянныхъ тарелокъ, на которыхъ подавалось арестантамъ кушанье.

8. Три послѣднія стихотворенія Рылѣева, написанныя имъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ на кленовыхъ листьяхъ.

Не имѣя никакихъ средствъ писать прямо къ другу своему, князю Е. П. Оболенскому, содержавшемуся рядомъ съ нимъ въ Алексѣевскомъ

равелинѣ, Рылѣевъ вздумалъ воспользоваться для этаго кленовыми листьями, которыми обыкновенно продавцы фруктъ выстилаютъ коробочки съ ягодами. Вотъ на этихъ то листьяхъ написаны Рылѣевымъ названныя нами стихотворенія и доставлены между газетами Оболенскому 4-го, 7-го и 10-го іюля 1826 года. Князь Оболенскій выучилъ стихи на память и впослѣдствіи (въ 1827 году въ Петровскомъ заводѣ, въ Сибири) сообщилъ ихъ А. Ѳ. фонъ-деръ-Бригену, товорищу по заключенію, который записалъ ихъ и по возвращеніи изъ ссылки въ Петербургъ сообщилъ своимъ друзьямъ. Послѣднее изъ трехъ стихотвореній является здѣсь въ первый разъ.

Конецъ.

Лейпцигъ, въ типографіи Ѳ. А. Брокгауса.

2007098700